

▲▲ ЛОТОС ▲▲

ТИМОФЕЙ БЕМБЕЕВ

ТИМОФЕЙ  
БЕМБЕЕВ

ЛОТОС









ТИМОФЕЙ БЕМБЕЕВ



## О Т А В Т О Р А

Работая над романом «Лотос», я широко пользовался архивными материалами, воспоминаниями очевидцев и участников описываемых событий. За каждым образом стоит прототип — реальное лицо, однако это не документальное произведение. В книге есть литературный домысел, некоторые события сдвинуты во времени и пространстве. И не верно было бы искать полное сходство между персонажами романа и теми людьми, которые послужили их прототипами.

Для меня было главным — показать незабываемую эпоху Великой Отечественной войны, ее героев, героические события, отразить самое значительное и характерное в них. Насколько это мне удалось — судить вам, дорогие читатели.

*Т. Бембеев*

*Перевод с калмыцкого  
НИКОЛАЯ ЕГОРОВА*



*Дорогим моим отцам и матерям —  
и тем, что родили, и тем, что  
воспитали меня, — с сыновней  
любовью посвящаю.*

1

С первого взгляда Зурмуту можно принять за довольно большое село — так широко раскинулись с запада на восток три шеренги ее домов — две длинные и одна короткая. Но присмотришься, увидишь: всюду мазанки, сделанные из камыша и глины — главного строительного материала в приморских районах. Рядом с немногими деревянными строениями с затейливой резьбой на карнизах и ставнях мазанки выглядели еще скромней.

Юго-восточней Зурмуты выгнулся курган Цацан-Толга, на вершине которого, словно в дозоре, застыли две древние цацы<sup>1</sup> и новая вышка. А севернее села тянутся лима-ны Удгуна-Цаган, ослепительно блестящие под солнцем. Воды в них так много, что ей тесно даже в этом огромном ложе, и она протискивается в яр Амба, огибают село, минуя Цомок и течет дальше — к Кюре и Дондоку.

Места здесь знойные. Летом травы выгорают, и печальные рыжеватые краски заливают степь. Лишь ребятишек радует жара — они целыми днями плещутся в воде, а проголодавшись, лакомятся сладкими кореньями чакана и камыша.

Нынче особенно жарко, и к мальчишкам присоединились двое взрослых. Они лежат на влажном песке, на сухом, горячем, не улежишь. А вокруг, точно лодки возле

<sup>1</sup> Ц а ц а — надмогильное ритуальное строение.

больших судов, сгрудились их маленькие друзья. Но вот старшим стало невмоготу от зноя, и они бросились в свежие волны. Ребятишки — за ними. Поднялась такая беззаботная возня, что не поймешь, где тут взрослые, а где мальчишки: все гогочут, стреляют друг в друга водяными струями, ныряют.

Никто из купающихся не обратил внимания на то, что из села вышла высокая и худая старуха. Захватив одной рукой подол широченного берзе<sup>1</sup>, а другой, как козырьком, прикрыв глаза, она спешила к берегу. Приблизившись, громко позвала:

— Саклуша!.. Саклу-у-уша!

Из воды выбрался смуглый мальчуган.

— Ну, чего еще? — обиженно произнес он. — И поиграть не дадут!

Он неохотно поплелся к старухе, а она бросилась к нему и, еще задыхаясь от быстрой ходьбы, запричитала:

— Дярке!<sup>2</sup> Дярке! Тебя одни игры интересуют, другой заботы нету! А время такое, а время такое... Вой-на!

Последнее слово услышал один из взрослых купальщиков — Бадма.

— Убуш, вылезай! — встревоженно проговорил он и выскочил на берег. Несколько прыжков, и он настиг старуху, которая торопилась увести Саклушу.

— Что вы сказали? — спросил Бадма. — Повторите!

Она не ответила и ускорила шаги.

— Что же случилось, наконец? — не отставал Бадма.

— Что случилось?.. Небесная кара — вот что!..

— Да вы толком говорите! — настаивал Бадма.

— Белые!.. Совсем, как раньше, белые идут! Сейчас по радиву передали: с восходом солнца они полезли к нам, — старуха заплакала. — Ты что, забыл девятнадцатый год? Забыл, как белые шли через нашу Зурмуту?.. Такая беда была, до сих пор сердцу больно!

Бадма изумленно смотрел на старуху.

— Да вы что?! — возмутился он. — Откуда белые взялись? Чего вы панику устраиваете!

Старуха махнула рукой — дескать, что с тобой разговаривать — и поволокла за собой всхлипывающего мальчугана.

---

<sup>1</sup> Платье, которое носят старые калмычки.

<sup>2</sup> Восклицание, подобное русскому «О боже».



Убуш догнал Бадму. Они быстро зашагали к селу. А под вечер, когда повеяло прохладой, выехали из Зурмуты на легкой одноконной арбе.

## 2

Вся ночь ушла на дорогу до Оля. На волжской пристани они оказались в ту минуту, когда пароход развернулся на середине реки и погнал к берегу шумные пенные волны.

На сходнях возникла недолгая толкотня — одни пассажиры спешили на берег, другие устраивались на борту. Бадма и Убуш выбрали местечко на ящике с песком. Они молчали, занятые своими мыслями. Немного погодя Бадма поднялся, облокотился на поручни. Волга с прежней невозмутимостью катила свои волны к морю, будто в жизни не произошло ничего необычного...

Пароход хрипло прогудел и отошел от берега. Выйдя на фарватер, он взял курс на Астрахань.

Бадма обернулся к Убушу:

— Ты видел Манджи?

— Какого Манджи?

— Да того самого, за которым мы гонялись, от которого требовали перестать быть гелюнгом!<sup>1</sup>

— Да-да, помню, — рассеянно улыбнулся Убуш.

— А помнишь, как мы однажды разорвали в клочья его ризу? Ну и глупыми мы были! Верили, что стоит разорвать его ризу, как он перестанет быть гелюнгом. Он же на завтра появился в новой...

— И не говори! Утром увидел я этого косоглазого Манджи в новой ризе и поразился: вот, думаю, кошка — как угодно швыряй, все равно опустится на все четыре ноги, — подхватил Убуш. — Можно подумать, что из такого ризника выйдет порядочный человек, даже если он сам отречется от сана!

— Это ты брось! — возразил Бадма. — Ты поселился где-то на краю земли и только раз в год приезжаешь в отпуск, а я все время тут. Манджи сейчас — отличный механизатор!

— Верю, верю, дружище! — сказал Убуш. — А отчаянными ребятами мы были. Наверно, в детстве во всем Ба-

---

<sup>1</sup> Г е л ю н г — буддийский священник.

где не было таких озорников, как мы... Всякое случалось. Трудно представить, что именно я однажды во время купания так разошелся, что едва не угробил Боову...

— Верно говорили люди, что мы сатанятами росли, — согласился Бадма.

Пароход тянул за собой пенную полосу — она была тяжела, и мотор задыхался от напряжения. Бадма почти физически ощутил, как трудно приходится машине.

«Дался мне этот гелюнг, — с досадой подумал Бадма. — Будто больше не о чем говорить».

Однако юношеские воспоминания невольно вставали в сознании. Давние истории сегодня казались легкими и смешными. А ведь и тогда было трудно и опасно! Значит, чувствует сердце: то, что надвигается сегодня, с пережитым не сравнишь...

— Завидую я тебе, — Бадма обнял Убуша. — Тебе ясно, где сейчас быть и что делать...

Убуш повернулся к другу — глаза в глаза, необходимо рассмеялся:

— Если сам не сообразишь, чем заниматься, подскажут...

— Я не о том... Я о том, что ты, считай, уже в строю...

— Редактор! Не приbedняйся! — с напускной суровостью перебил Убуш.

Аэродром в Астрахани похож на большое озеро, над которым кружат птицы. Вот одна разогналась и, блеснув на солнце крыльями, взмыла в воздух. А другая плавно завернула на посадку. И третья готовится к взлету...

В аэропорту людно. Среди провожающих в основном — женщины, среди отлетающих главным образом — военные. Жены и матери плачут, не скрывая слез, мужья и сыны строги и сдержанны. Все знают, куда могут завести черные дороги войны.

— Не по себе мне, — тихо сказал Бадма Убушу. — Сердце щемит...

— Держись, дружище, — Убуш похлопал его по плечу. — Давай-ка без этих кислых слов. Они нам ни к чему!

— Тоже мне вояка — стальное сердце, — усмехнулся Бадма.

Объявили посадку на самолет, которого ждал Убуш.

Друзья обнялись, расцеловались, а расстаться не было

сил — держались за руки, молчали, глядя друг другу в глаза.

Они были похожи: оба среднего роста, не очень плотны, но и не худощавы, черноглазы и черноволосы.

— До встречи, — тихо сказал Убуш, но к самолету не спешил.

— Товарищ старший политрук, — окликнул Убуша летчик, — пора... С младшим братишкой прощаетесь?

— Бери выше! — сказал Убуш.

— А, со старшим, значит?

— Бери ближе!

— Выходит, с сестрой! — рассмеялся летчик.

...Самолет побежал навстречу ветру, легко подпрыгнул и пошел все выше и выше. Бадма следил за ним, пока он не нырнул в облака. Убуш возвращался к месту службы. А через час улетел и Бадма — ему надо было как можно скорей попасть в Элисту.

### 3

Июньская ночь. На небе ни облачка. От высокой луны и звезд светло. Но людям этого мало — запускают в небо ракеты, обыскивают ночь прожекторными лучами.

Над краем черного леса порой вспыхнет зарница, и тут же раздается грохот, от которого сотрясается все вокруг, и, кажется, вот-вот небо рухнет на землю.

Вдоль опушки оборонялся полк, в котором служит старший политрук Убуш Харадаев. Он застал свою часть в летних лагерях, вместе с нею проделал быстрый и нелегкий марш, с ходу включился в бой. Несколько дней полк отбивался от немцев, потом отошел и накануне вечером вцепился в край леса.

Перед опушкой лежало кукурузное поле. Сухо шелестела жесткая листва, совсем как камыш в родном приморье. Чудилось, что в кукурузе передвигаются враги. К счастью, лишь чудилось — немцы вели себя спокойно. Нечастые залпы орудий и пулеметные очереди — не в счет.

Перед рассветом к переднему краю выдвинулись артиллерийские батареи, оборудовали огневые позиции. Саперы заминировали подходы к опушке.

Взошло солнце, рассеяло утренний туман, и дрогнула земля: враг начал артподготовку. Судя по всему, он не успел заранее подготовить огонь — часто снаряды не доле-

тали до цели или перелетали через нее. Однако немало ударов было нанесено по нашим боевым порядкам.

Из глубины нашей обороны подали голос тяжелые орудия. Это сказалось на силе вражеского огня. Тем не менее он принес немало бед, и новички обрадовались, когда фашистские пушки вдруг замолкли. А бойцы, которые успели побывать в сражениях, поняли — от этого затишья хорошего не жди.

Кукурузное поле зашевелилось, точно по нему шло стадо крупных животных. Фашисты поднялись в атаку.

Гитлеровцы выбегали из кукурузы, стремясь как можно быстрее добраться до окопов, которые оборонял батальон. Наши бойцы огня не открывали, ожидая команды. А немцы все ближе и ближе. И нарвались на минное поле. Внезапные взрывы под ногами задержали вражескую атаку, а ружейно-пулеметный огонь остановил ее.

— Как по нотам, — сказал командир батальона. — Для необстрелянных хороший урок. Сейчас самая маленькая победа дает им крылья...

— Не успокоятся фрицы, — проговорил Убуш. — Теперь жди новую атаку.

Действительно скоро на окопы обрушился минометный огонь. Вверх летели комья земли, визжали осколки. Немецкая пехота стала приближаться, хотя минометный обстрел продолжался — гитлеровцы решили, что воля обороняющихся сломлена. И тут комбат приказал открыть огонь по фашистам, вышедшим на открытое место.

— Я на фланг! — сказал комиссар Харадаев и пополз вправо.

Там стоял наш пулемет. Немцам хотелось обойти его и подавить. Если бы это удалось, то и по фронту наступать было бы легче.

Перебираясь от окопа к окопу, комиссар видел, что у нас немало убитых и раненых. Пулемет теперь был особенно дорог. И вдруг он внезапно замолк. Убуш пополз быстрее: пулеметчик уронил голову, а второй номер растерянно звал его.

Убуш одним рывком оказался у пулемета. Смертельно раненый старший сержант еще дышал. Комиссар перевернул его на спину.

— Воды! — приказал он молоденькому бойцу. — Пакет!

Боец торопливо снял с пояса флягу, протянул комисса-

ру и полез в карман за перевязочным пакетом. Но глаза пулеметчика потускнели. Только струйка крови на виске свидетельствовала о том, что тело погибшего еще не остыло. Убуш смежил веки покойного и сам приник к пулемету.

— Ленту! — потребовал комиссар и открыл огонь.

— Это последняя! Это последняя, — громко шептал юный боец.

— Беги к старшине за лентами!.. Короткими очередями, только короткими! — бормотал Убуш; сейчас многое зависело от того, насколько удастся растянуть последнюю ленту.

Сильный удар в левое плечо прервал огонь — комиссар приник к земле. Боец разорвал гимнастерку Убуша, немело перевязал рану.

Комиссар здоровой рукой схватил флягу, глотнул тепловатой воды.

— Помоги мне, — попросил Убуш бойца и снова стал устраиваться за пулеметом.

Боец побежал за лентами. Вернулся скоро и, задыхаясь, крикнул:

— Комбат убит!

— Сам стреляй! — приказал ему Убуш и двинулся на командный пункт.

Вражеские атаки следовали одна за другой, но батальон держался. Весь день шел этот бой. С наступлением сумерек огонь ослаб, а когда стемнело — почти совсем прекратился.

Убуш сидел в окопчике на командном пункте. Вокруг было тихо, но комиссар знал, что ночь полна движения: одни бойцы уводили в тыл раненых, другие несли в глубь леса убитых, там же выкапывали братскую могилу; старшины доставляли еду и боеприпасы; комсостав готовился к оборонительному бою, который непременно вспыхнет утром; политработники вместе со штабом уточняли потери. Глубокой ночью принесли приказ: опушку оставить и отойти.

#### 4

Элиста — город небольшой, а теперь он кажется совсем маленьким. В чем же дело? Улицы прежние, все дома на своих местах... А-а! Бадма понял: город необычно пуст. Множество людей по утрам спешило на работу, бежала

в школу детвора, по хозяйственным делам шли женщины... Как война опустошила город!

Бадма миновал почту, вышел к Дому Советов. Окна горят под солнцем, над крышей полыхает алый флаг. Знакомое, дорогое каждому элистинцу здание. Величественно возвышается оно над другими, украшая собою город.

Дом Советов, впрочем, как и саму степную столицу, строила вся Калмыкия. И в зной, и в зимние морозы со всех концов республики на волах, лошадях, верблюдах везли в город лес, кирпич, цемент, гвозди. Даже связки камыша и чакана для жилых домов. Разве могут не любить город люди, которые своими руками возводили каждую стену! И вот эти люди покидают обжитые дома, родные улицы — пришла пора защищать их от нашествия...

В зале, расположенном на втором этаже Дома Советов,людно. Многие курят, нервно, с каким-то ожесточением.

Бадма подошел к одной группе — там были знакомые:  
— Как дела, мужики? Новости есть?

— Да вот ждем, когда заседание бюро начнется, — ответил один. — Там и узнаем самые важные новости...

— Ничего утешительного, — добавил другой и вздохнул. — Изверги всё наступают...

Бадме хотелось до заседания встретиться с первым секретарем. Он пошел по длинному коридору, прошагал половину и толкнул высокую дверь. Девушка, сидевшая в приемной, подняла голову.

— Есть у него кто-нибудь? — спросил Бадма.

— Никого, — ответила она.

Бадма вошел в кабинет. Первый секретарь обкома партии торопливо писал, низко склоняясь над столом.

— Здравствуйте, — негромко произнес Бадма.

— Здравствуй, здравствуй, — дописывая фразу, проговорил секретарь. Он перечитал написанное и взглянул на Бадму. — Здравствуй, Бадма. Значит, приехал ты!

Бадма заулыбался.

— Очевидно, приехал...

— Рад тебе, — сказал Григорий Иванович, встал из-за стола, протянул Бадме руку. — Как здоровье? Как добрался? Ждали тебя, только думали, что приедешь завтра... Ну, рассказывай!

— Да чего рассказывать? И так все ясно — здоров, добрался благополучно, рвусь...

— Знаю, знаю, куда ты рвешься, — перебил Григорий Иванович. — Конечно, большинство здоровых мужчин должно уйти в армию. Каждый день провожаем наших товарищей. Дай волю — все ушли бы на фронт. А кто же тут останется, кто хозяйством будет заниматься? Одни женщины и дети?.. Пока стоят сухие дни, надо заготовить сено. Упустим сроки — скот погубим. А тут не только сено, но и хлеб еще на полях. А рабочих рук не хватает, как никогда. Ясно тебе, дорогой товарищ?

— Ясно, — тихо промолвил Бадма, догадавшийся, что сейчас о том, что привело его сюда, заговаривать не следует, и подумал: «Вернусь к этому потом, после бюро, а то откажет окончательно — и все рухнет».

Заседание бюро началось с вопроса о кадрах: кем заменить тех, кто ушел, и тех, кто уйдет на фронт?

— Многие партийные и советские работники, — сказал секретарь обкома, — директора совхозов и МТС, председатели колхозов просят послать их на фронт... Кто из вас писал заявления? Прошу подняться!

С мест встало около тридцати человек.

— Я понимаю вас, товарищи, — снова заговорил Григорий Иванович. — Иного от вас и не ждал... Но вы подобрали тех, кто останется за вас?

Все молчали. А что скажешь? Попробуй подбери себе заместителя, когда каждый работоспособный человек — на вес золота. На кого попало хозяйство не оставишь.

В общем, когда принимали решение, большинству из подавших заявления пришлось смириться с тем, что им отказали в отправке в армию; от них потребовали — работать для фронта в тылу.

Но и это не спасало положения — людей на селе не хватало. Договорились послать в колхозы, совхозы и МТС горожан. Ни одно учреждение и промышленное предприятие республики не было освобождено от этой своеобразной мобилизации, кроме рыбокомбината в Лагани, — там люди и так трудились день и ночь, обрабатывая и отправляя армии выловленную рыбу.

Заседание бюро длилось до ночи.

## 5

Полк закрепился на новом рубеже.

Час от часу состояние комиссара Убуша Харадаева становилось хуже — тяжелая рана нестерпимо болела.

Пока Убуш был в сознании, он просил не отправлять его в тыл. Но вот наступило забытье. Комиссар едва дышал, лицо стало белым как мел. Каждое движение приносило мучения, раненый стонал, бредил. Его увезли в медсанбат.

На другой день он попал в мелитопольский госпиталь. Убуш надеялся, что подлечится здесь и вернется в свой полк. Но через сутки госпиталь был эвакуирован. И это было только началом: несколько санпоездов и госпиталей сменить пришлось, пока попал Убуш в маленький городок в глубоком тылу. Переезд не был на пользу — здоровье комиссара ухудшалось.

Для него явь смешалась с нереальным, бредовым. Каждый звук, каждый толчок отзывался в нем, точно взрыв мины или пушечный выстрел. Убуш вскрикивал, метался, срывал с себя бинты, пытался подняться и обессиленно падал.

Лечение затянулось.

Когда ему стало лучше, он заметил, что по соседству лежит молоденький лейтенант, раненный в грудь. Из-за большой потери крови он очень ослаб, был нервным и даже капризным.

Прослушав сводку Совинформбюро, он кричал: «Стыдно, стыдно!» Он метался на койке, чертыхался и спрашивал: «Когда же это кончится, когда мы перестанем отступать, где возьмем силы, чтобы погнать их обратно? Лучше умереть, чем все это видеть!»

И Убуш не выдержал:

— Хватит, лейтенант! Прекратите!

— Ах, прекратить? Может быть, я неправду говорю?

— Какой прок от твоей правды и от того, что ты ее сто раз на дню повторяешь? Умереть — это пустяк, для этого много ума не нужно, — рассердился Убуш. — У нас в Калмыкии говорят: «Кто себя сбережет, тот и другого спасти сумеет». А ты хнычешь, душу свою терзаешь, на соседей нагоняешь тоску. А не подумал ты — не много ли берешь на себя?

— Ничего лишнего не беру! — огрызнулся лейтенант и замолк. Он долго лежал на спине и глядел вверх. Потом повернулся к Убушу:

— Наверно, вы правы, старший политрук... Расслабился я, дал волю нервам... Извините меня... Я должен был на вас равняться... Ведь вам тяжелей.



— Ты меня не хвали, лейтенант, а то решу, что я герой, — усмехнулся Убуш. — А вот за собой последи...

Много смертей видал Убуш Харадаев. Одну из них — в детстве. Она оставила неизгладимый след в сознании. Заболела корова — кормилица Харадаевых. Она тяжело мычала и хрипела, мотала головой, ковыряла рогами землю, потом упала, подергала ногами и затихла. Мать Убуша зарыдала, а мальчик смотрел в помутневшие коровьи глаза: только что в них билась немая, жалкая, непонятная мука.

Но то умирало животное! А человек может разобраться в том, что происходит с ним, может вести себя или как животное или как человек — с достоинством... Жить, а если уж помирать, то помирать именно с достоинством.

## 6

Ночь. Время — около двенадцати часов. Спать хочется, но не заснешь: не прочитаны еще две полосы нового номера газеты. Недавно звонил в корректорскую — ответили, что полосу посылают, но ее еще нет. Эх, работка, газетная работка! До чего же ты тяжела и беспокойна! Умри, а к утру дай читателю свежую газету, дай ему последние новости, и никого не касается, успел ты или не успел, выспался или не выспался!.. И все-таки милей тебя ничего нет!

Как говорится, тому, кто привык к аду, ничего другого не нужно. Так и газетчик: уж как порой трудно приходится, а иного дела для себя не мыслит. Все забывается: и непрерывная езда по республике, и долгие пешие переходы, и тряска в попутных машинах. А остается радость от того, что ты повидал хороших людей, рассказал о них, схватил за руку подлеца и разоблачил его...

Донесся стук наружной двери. В кабинет вошла рассыльная — принесла полосы. Бадма разложил на столе первую страницу газеты. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — по слогам прочитал он. Заголовок в газете рисованный, кажется, ошибки быть не может, но и его он не пробежал глазами, а прочел: «Улан Хальмг». Ниже густо набранные строки: «Орган Калмыцкого областного, Элистинского городского комитетов ВКП(б), Президиума Верховного Совета Калмыцкой АССР».

Визитная карточка газеты в полном порядке — можно смотреть дальше. А дальше — фронтовые вести. На самом

видном месте большое развернутое сообщение: «В начале Великой Отечественной войны, в те тяжелые времена, когда силы были не равны, Красная Армия отступала, но в конце 1941 года она остановила наступление врага, разгромив его под Москвой, Ростовом и Тихвином. Инициатива была вырвана. В январе 1942 года наши войска перешли в наступление по всему советско-германскому фронту, от Ладоги до Черного моря. На севере войска Волховского фронта при поддержке войск Ленинградского фронта нанесли сокрушительный удар по группе вражеских войск «Север». А Северо-Западный фронт, перейдя в наступление, своими правофланговыми частями окружил в районе Демянска большую группу неприятельских войск, а левым флангом приблизился к Великим Лукам и Велюжу. Калининский фронт при поддержке соседних фронтов дошел до Ржева. Западный фронт, прорвав на реках Лама и Руза вражескую оборону, наступает на Вязьму. Южный фронт при помощи Юго-Западного фронта близ города Изюм нанес удар по 17-й армии противника и, отогнав немцев почти на сто километров назад, овладел станцией Лозовая, образовав при этом так называемый барвенковский плацдарм.

Так Красная Армия, удерживая в руках инициативу, провела целый ряд наступательных операций. При этом нанесла большие потери как армии самой Германии, так и войскам ее сателлитов. Противник потерял много живой силы и техники. Военный план молниеносного наступления рухнул до основания».

Хорошие вести читать приятно. Этот обзор Бадма читал, как стихи. Однако впереди тяжелая и длительная борьба. А ты сиди тут, подписывай газету. Сердце же рвется туда, где бой, где сражается самый близкий из друзей — Убуш. Что с ним? Ни строчки от него.

Бадма писал много, но ответа не получил. Хуже — письма возвратились...

Зазвонил телефон. Бадма потянулся к трубке, думая, что корректоров интересует судьба полос. Но в трубке раздался густой и низкий мужской голос:

— Почему не спишь до сих пор? Чем занимаешься? — с шутливой строгостью спросил секретарь обкома.

— Я и в мирное время сидел ночами, а сейчас война... Ничего не поделаешь — приходится сидеть, чтобы на фронт не отправили, — не без намека произнес Бадма.

— Всякое может случиться. Ты утром зайди ко мне...

— Пораньше?

— Дело важное, разумеется, пораньше...

Остаток ночи Бадма почти не спал — все гадал, для чего вызывает первый секретарь обкома. Если очень срочное дело, почему сразу не сказал? Если дело терпит, почему не стал ждать до утра, а позвонил ночью?..

Бадма пришел в обком перед началом рабочего дня. В кабинете первого секретаря собрались почти все члены бюро. Присаживаясь к столу, Бадма спросил:

— Срочное заседание?

— Да нет, не заседание... Обговорим то, с чем выйдем на ближайшее бюро. Дел столько, что потонуть в них можно. Попробуем отобрать самое неотложное...

«Обговаривали» долго и основательно. Забот много. В Сарпинской низменности еще в зимние сухие и ясные дни кончилось сено, подвезенное к стоянкам скота, а теперь, когда дороги стали непроезжими, руководители хозяйств опомнились и подняли шум: «Идет окот и отел, а сена нет». Вернее, оно есть, но его не доставишь — об этом раньше не подумали. Кое-где открылась земля, но травы еще не подросли, так что на выпасы надежды тоже нет.

Как же быть? Послать вместо лошадей и быков тракторы? Но они разобраны, они еще не готовы к весне. Дай бог их к началу пахоты собрать... Оставалось одно: призвать на помощь соседние МТС, выручить сарпинцев, а другие районы предупредить — сами в такое положение не попадайте...

Закончилось заседание, Бадма пошел к двери, но первый секретарь задержал его, выдвинул ящик стола, достал из него стопку бумаг, перебрал по листику и один из них протянул Бадме:

— Сам видишь, какие у нас заботы...

Бадма кивнул, спрятал заявление в карман и ушел.

## 7

У Харадаева дело пошло на поправку. День ото дня лучше становилось и его соседу лейтенанту Нестеренко. Теперь он слушал радио спокойно, не кричал и не метался, но все-таки и в спокойствии его было что-то нервическое.

«Парень он молодой, — размышлял Убуш, — а рана страшная. Надо бы помягче с ним, подушевной... Я ведь и сам не так уж хорош был в самое тяжелое для меня время. А он совсем мальчишка по возрасту и жизненному опыту».

— Лейтенант... Слышь, лейтенант! — мягко позвал Убуш. — Пожалуй, я был резок с тобой... Ты не сердись — мне и самому худо было. Понимаешь, трудней крепиться, когда рядом киснут. Вот и дал по тебе залп...

— Я не сержусь, товарищ старший политрук. Я и вправду вас понял и согласился с вами. Я должен быть благодарен вам...

— Скажешь тоже...

— В самом деле, поверьте мне... Как говорится, благодарю за критику. Только я не шучу, а всерьез говорю.

— Дескать, спасибо за головомойку!

— А хотя бы и так... Я потом много раздумывал над вашими словами. Вы правы... Психовать просто. А вот быть твердым, не терять веры в успех — это сложнее. А это-то нам и необходимо. В общем, кланяюсь за науку!

— Что ж, рад за тебя... Будь всегда таким. У калмыков говорят: несдержанный человек сам себя мучает.

Нестеренко лег на бок, заложил согнутую в локте руку под голову — так устраиваются, когда готовятся к длинному разговору.

— Товарищ старший политрук, я о калмыках лишь понаслышке знаю. Рассказали бы, а?

— Долгий разговор!

— Ну и что! Куда нам спешить?

— Ладно, слушай, если интересно тебе... Лет триста назад существовала такая страна — страна дербен-ойратов. Если перевести на русский язык, то получится — союз четырех. Это название объединенных калмыцких племен... Мы себя ойратами называли... Так вот, наши предки пошли в четыре стороны, разделившись на четыре группы. Дербены и торгуты двинулись по течению Иртыша и попали в Сибирь. Они забрались далеко от родных мест. За это и прозвали их халимаками, то есть отделившимися, отколовшимися... Через Омск они добрались до Тобольска, а потом повернули на запад. Прошли Тюмень, перевалили Урал и остановились на просторных и плодородных землях между Доном и Волгой... Ты о Тюмени что-нибудь слышал?

— Конечно слышал!

— Легенда гласит, что этот город основали калмыки. Там когда-то стояло калмыцкое войско, численностью в тюмен — десять тысяч.

Лейтенант даже головой повел: мол, бывает же такое на свете! А Убуш, заметив это, добавил:

— А ведь Эссентуки тоже калмыцкого происхождения. По преданию, на том месте давным-давно были войска под девятью боевыми знаменами. Эссен — это девять, а тук — знамя.

— Ну и ну! — протянул лейтенант.

— Да и вся кавминводская группа найдена нашими — ее когда-то называли калмыцкими банями...

— Такие тайны вы открываете?! — пошутил лейтенант.

— А вот и не тайное, но ты, наверное, этого не знаешь... Ты хорошо знаком с историей Отечественной войны двенадцатого года?

— Вообще-то, знаком, но вы, видно, приберегли что-то необычное.

— Приберег, — сказал Убуш. — В русских войсках было три калмыцких полка. Они участвовали во взятии Берлина и Парижа, отличились в сражении под Лейпцигом и Модленом... Даже в Семилетней войне участвовали наши предки...

Уже стемнело, а Убуш все рассказывал. Но усталость взяла свое:

— Давай, брат, прервемся. Доскажу потом... Я тебя с «Джангаром» познакомлю. Это самое дорогое для нас. Пятьсот лет передается это замечательное сказание из поколения в поколение. Отцы рассказывают его детям, дети своим детям. Чего только не довелось перенести калмыкам, но всегда берегли строфы «Джангара» — они помогают нам в зной и холод, в бескормицу и безводье. С нами эта народная поэма и в дни радости. В ней душа народа, его мудрость и сила...

## 8

Минул год после начала войны. Фашисты еще надеялись на ее победный исход. Пользуясь тем, что второй фронт еще не был открыт, они перебрасывали на восток все новые силы.

Подготовив сильные бронированные кулаки, гитлеровцы начали наступление на воронежском направлении. Они прорвали оборону Юго-Западного фронта, продвинулись вперед в районе Волчанска и Купянска. Четвертая и шестая танковые армии вышли к Воронежу и Дону. Наши войска сражались стойко, но враг не жалел сил и средств и рвался вперед.

Две его армии повернули на юг, в сторону Кантемировки и Миллерова. Между тем первая танковая армия ударила по стыку между Юго-Западным и Южным фронтами — на Лисичанск. Семнадцатая армия оккупантов, стремившаяся к Ростову, начала давить из-за Миуса.

Месяц шли бои, и фашистам удалось обогнуть поворот Дона и в конце июля продвинуться к Сталинграду. Другие части дошли до устья Дона и переправились через реку в нескольких местах между Ростовом и Цимлянским.

Лето стояло жаркое. Дождей не было. Зной начинался с утра. Пекло до заката, но и после захода солнца дышать было нечем. Ни ветерка, ни шороха. Далекое и голое небо не обещает ничего хорошего. Степь молчит, как вымершая... Не свистят суслики, не кружат коршуны, недвижны стебельки обожженных трав. Изредка неведомо откуда появится вихрь, покрутится и, поднимая пыль, исчезнет. Оттого еще страшней молчание степи.

Севернее Ковцигин Бора, далеко растянувшись, идут табуны лошадей, стада коров и быков, отары овец. Копыта бьют о сухую землю, клубы пыли висят над степью, словно красноватый туман.

Не в первый раз скотоводам перегонять животных по просторам родных степей, но ныне перегон особый.

В пути табунщикам и гуртоправам куда еще ни шло — они верхом на конях, а чабанам совсем худо — они идут пешком. Да если бы только самим идти! Овцы устали, сбиваются в кучи, прячут друг под друга головы. Некоторые валяются с ног. Чабанам приходится подгонять, а то и тянуть и толкать животных. Порой — даже нести на себе: жалко, не бросишь!

Откуда силы у чабанов берутся? Вот идет Хара Дорджиев, смуглый и невысокий. Ему уже за пятьдесят. Сколько километров он проделал, покрикивая да посвистывая на овец? Много! Это видно по его утомленному лицу, по одежде, которая побурела от пыли.

Родители дали ему точное имя: Хара — черный. Калмыки вообще смуглы и черноволосы, а Хара в особенности. Односельчане утверждают, что второго такого в республике не сыскать. Как-то произошел такой случай. Сзвали в аймаке собрание. Выступил на нем один со смоляными волосами, здорово выступил — остро и смело. Слушатели восхищались им: «Ай да черный! Молодец черный!» Тогда один из колхозников спрашивает:

— Что вы тут расшумелись? Черный, черный, черный!.. А если его сравнить с нашим Харой? Как он будет выглядеть?

— Бледным как полотно! — подхватил другой земляк Дорджиева.

— Можно представить, как черен ваш Хара! — рассмеялись слушатели.

Хара Дорджиев — заслуженно уважаемый человек. О нем говорят так: «Сам он черен, а душа у него светлая».

Жила в одном селе с Харой старая женщина Кензя с поздним сыном: больна и слаба была она, а сын еще мал. Колхоз помогал ей продуктами и деньгами, но этого было недостаточно. Выручала старуху корова. Она давала молоко, творог, масло.

Однажды заходит к Кензе Хара, спрашивается:

— Тетушка, заглянул к вам, чтобы проведать вас. Как вы тут поживаете, как ваше здоровье?

— Йо, хороший мой, спасибо за доброе слово, — расчувствовалась старуха. — Что я тебе скажу? Нелегко приходится нам с Анжигом. У меня сил нет, а от такого крошки какая помощь? Когда он подрастет, когда станет моей опорой? Много еще ждать надо!

— А зачем ждать! — говорит Хара. — Если вы согласитесь, я сейчас заберу его с собой. Пока каникулы, пусть он поработает со мной. Хоть чуть-чуть, он подработает да еще кое-чему научится возле меня.

— Куда ему! Разве он справится?

— У меня — справится.

Так Анжиг стал учеником Хары. Теперь он подросток, окреп, познал многие секреты чабанского дела. Ему уже девятнадцать — это высокий, чернокудрый и кареглазый парень. Брови и ресницы у него густые, красивые. Не парень, а картинка! Он и сейчас с Харой работает.

— Что за беда на нашу голову?! — восклицает Анжиг. — Если надо кого-нибудь наказать посильней, проще

всего к нам прислать — пусть в эту пору повозится с отарой! Худшей муки на свете наверняка нет!

— И не говори! — поддерживает Хара.

Разве их не поймешь? Горло пересохло от жажды, а воды нет — колодец от колодца в сорока — пятидесяти километрах. Хорошо, если доберешься до него и не обнаружишь, что он давно пересох... Да вот он показался — долгожданный колодец. Есть ли в нем вода? Ага, овцы побежали, значит, напьемся тут!

— Чувствуют! — крикнул Хара Анжигу.

— Если бы они все время так бежали, — сердито ответил Анжиг.

Чабаны по отлогому склону спустились в низину, к колодцу, возле которого столпились овцы. Они жалобно блеяли, проталкивались поближе к воде, топтали распухшие туши погибших ранее овец. Сколько скота теряют колхозы в этой страшной дороге!

Чабаны с трудом пробили путь к колодцу, заглянули в него — на дне вроде бы серебрилась вода. Анжиг спустил ведро, потом вытащил — в ведре была мутная жижа.

— Ну, напьемся? — спросил Хара.

— Попробую, хотя тут сплошная грязь, — Анжиг прикрыл рот платком и втянул воду сквозь него.

— Хороша? — нетерпеливо спросил Хара.

— Благо, что мокрая, — ответил Анжиг и снова зачерпнул жижу.

А овцы снова сбились в кучи, попрятали головы и затихли. Только те, в ранах которых уже завелись черви, вертелись, дергались, перебежали от одной кучи овец к другой, но нигде не было им спасения.

Чабаны смочили платки, положили их на головы. Потом составили свои герлыги, накинули на них плащи, спрятались в скупую тень, вытянули гудящие ноги и закурили. Они могли передохнуть, пока их догонит бригадная арба.

Немного погодя Хара вздохнул и заговорил:

— Дярке, дярке! Что же он, зверь, наделал?.. Чтобы его голову таскали собаки! Чтобы глаза его засыпало песком! Будь он проклят, этот ненасытный хищник, принесший беду людям, этот самый Гитлер! Сидел бы в своем логове, управлял бы своей бандой, как хочется, а то нет — полез к нам! Грабит, убивает! Такие муки принес нам, от дома оторвал, заставил хозяйство бросить, по такой жаре



идти в дальние края! Чтоб у него поперек горла палка стала, чтоб он подавился ею!

Многое удивляло чабанов: хорошо, враг свиреп и силен, а наши — что? Об этом и заговорил сейчас Анжиг горячо, взволнованно.

— Ай-ай-ай! — раздалось рядом. — До чего договорились.

Чабаны вскочили и увидели Бадму.

— Здравствуйте, друзья, можно тут с вами посидеть?

— Садись, мы гостю рады, — сказал Хара.

Втроем забились в тень, закурили, и Хара спросил:

— Считаешь, не то говорим? Значит, запутались мы?.. Если ты можешь все правильно растолковать, растолкуй. Мы рады послушать тебя.

— Нашей армии трудно приходится, она отступает, — начал Бадма. — Что ж, фашисты долго готовились к войне, всю Европу разграбили. Там они почти всюду, как на параде, прошли... А у нас узнали, что такое настоящая война. Пока они сильны, но мы не слабеем в борьбе, а крепнем. И придет день, когда мы вышвырнем их вон и разгромим в их же берлоге. Да и в Европе находятся люди, которые не сдаются. Они узнали теперь, что фашисты не так страшны — ведь мы-то не просто отходим, но и бьем врага! Верно?

— Верно-то верно, — промолвил Хара.

— В двенадцатом году прошлого века Наполеон даже Москву занял, а чем все кончилось? Бежал с позором. Гитлеру хуже будет, это уж точно. Наша армия все выдержит, все испытания перенесет... А нам надо подумать, что мы сами можем сделать для победы.

— Мы все сделаем! — заявил Анжиг.

— Всех овец сохраним, — заверил Хара.

— А мне лучше бы в армию пойти, — сказал Анжиг. — Вот пригоним овец куда надо, пойду добровольцем!

— Кто же тогда станет отары пасты, если все в армию уйдут? — спросил Бадма.

— Это понятно, но душа ноет. Я ж не калека! Я здоров и силен! — воскликнул Анжиг.

— Мне самому в армию хочется, — признался Бадма. — Но говорят — здесь работай...

— Можно подумать, что вы рады этому, — вставил Анжиг.

— Нет, не рад, но делаю все, что в моих силах, чтобы и здесь быть полезным армии...

— Правильно говорит человек, — поддержал Хара Бадму. — Не спорь, Анжиг. Давай еще гостя послушаем. Пусть он нам еще расскажет о нашем враге — это полезно знать...

— Вы, наверное, о многом уже слыхали, — начал Бадма.

— В степи радио нет, газеты приходят с опозданием, — мрачно бросил Хара.

— Немцы уже не те, что в первые месяцы войны. Тогда они рассчитывали быстро расправиться с нашей страной. Гитлер мечтал позавтракать в Берлине, пообедать в Киеве, а поужинать в Москве. Не вышло и не выйдет! В собственной крови захлебнется! Сейчас у него нет дороги назад. Даже если бы он захотел прекратить войну, ничего не получится — только полная капитуляция нас устроит. Мы должны разгромить фашизм, освободить не только нашу землю, но и всю Европу, избавиться от фашизма вообще, чтобы он больше не угрожал миру. Да и тем урок преподать, кто мечтал свергнуть Советскую власть и направил гитлеровцев в нашу страну. Не Гитлер первый лезет на нашу землю, были и другие. Где они? На свалке. Так со всяким будет!..

Было далеко за полдень, но жара не спадала. Не хотелось из тени выбираться, не хотелось снова шагать по душной степи, но дело есть дело. Чабаны поднялись.

— Из копеек рубли складываются, из шагов версты, — сказал Хара. — Надо двигаться...

Бадма потоптался, разминая ноги:

— Мне тоже пора, засиделся я тут с вами... Поеду к тем, кто отстал. Надо им помочь...

— Ни в чем нужды не было бы, если бы вода... А вот без воды плохо, — пожаловался Анжиг.

— Надо выдержать, — подбодрил его Бадма. — Через сутки-двое воды будет сколько угодно. Хоть морской, хоть речной — какую душа пожелает. Даже колодезной, студеной и чистой.

— Зачем нам море и река? Нам бы приличный колодец, и хватит, — сказал Хара. — А то вот облизываем губы, а они растрескались, толстые стали, как у верблюда...

— Доберетесь до нашего села — оно у вас на пути, вспомните о моих словах, — заявил Бадма и пошел к своему коню.

Убуш проснулся в отличном настроении. Чувствовал себя так, словно был совсем здоров. Он легко поднялся, посидел на краю кровати и вскочил на ноги. Но голова закружилась, все поплыло перед глазами, пол косо пошел вниз, потолок едва на ребро не встал, кровати закачались как на волнах. Он сел, закрыл глаза, и вместо палаты перед ним возник бурный Каспий. Вот ветер запел скрипкой, вот завторили виолончели — низко, басовито. Затанцевали на волнах суда, точно вприсядку пустились: то взмоют вверх, то спустятся вниз, поскрипывая переборками, а волны подталкивают их, бьют под борта, обрушиваются на палубы.

Постепенно все устоялось, и Убуш открыл глаза — окружающее обрело правильные очертания, вещи стали на свои места.

— Завтра все удастся, — смеялся Нестеренко. — Только не горячитесь. Я тоже так второпях вскочил и рухнул на постель. Вы хоть немного, а постояли... У меня в ноги точно тысячи иголок вонзились. И у вас так?

— Так... И иголки в ногах, и круги в глазах... Я думал, что упаду.

Убуш погладил руками ноги, потряс головой и усмехнулся.

— Я хотел не только встать, но и пойти сразу. Не получилось — будто только что на свет народился...

— А вы знаете как попробуйте! — с улыбкой посоветовал лейтенант. — По-ребячьи. Лягте на живот, поползайте, потом сядьте и передвигайтесь на мягком месте, цепляясь за мебель. Так вы легче к ходьбе перейдете. Все стадии испытаете и ладно будет!

— Хватит того, что мы столько на спине провалялись! Надо ходить!

— Ну, смотрите, вольному воля...

Убуш упорно повторял попытки встать и пойти. На следующий день тоже не получилось. Только на третий с помощью лейтенанта Убуш поднялся довольно уверенно и зашагал. Нестеренко осторожно поддерживал его, словно это был тонкий сосуд, налитый до краев жидкостью. Сначала подошли к окну. Убуш уперся в подоконник грудью, приник лбом к холодному стеклу.

Лейтенант стоял рядом и улыбался: он радовался так, словно это он вылечил старшего политрука. Что ж, их

можно было понять — оба они почитай побывали в когтях смерти!

С утра и днем лейтенант оживлен и весел, к вечеру устает и как-то притихает. В эту пору Убуш старается не трогать его, дает ему возможность побыть одному, насколько это возможно в палате. Нестеренко обычно достает небольшую фотокарточку, подолгу разглядывает ее, целует украдкой. Убуш видел этот снимок.

— Хороша! — искренне сказал он.

Лейтенант вспыхнул от радости и промолвил:

— А душа у нее еще краше! Характер — редкий!

Они познакомились, когда Григорий был курсантом военного училища. Она выросла сиротой, воспитывалась в детском доме, а потом поступила в техникум. Не только сердечное влечение, но и какая-то родственная забота друг о друге связывала их, словно они были не только влюбленными, но и братом и сестрой. Они умели ценить самый малый знак внимания, они дорожили тем, что принесли им любовь и дружба.

В одно время они закончили учебу и должны были расстаться: его ждала фронтовая часть, ее — больница в дальнем районе. Но Люба, молодая жена Григория, не хотела и слышать о разлуке.

— Гриша, я поеду с тобой...

— Люба, подумай, на что ты себя обрекаешь...

— Я боюсь...

— Чего ты боишься?

— Боюсь, что без меня ты не уберешься...

— Я буду знать, что ты ждешь, и ни одна пуля не возьмет меня, — убеждал он жену.

— Нет, нет, — не соглашалась Люба. — Мы должны быть вместе.

Военкомат помог им, тем более что Люба окончила медицинский техникум и дело для нее могло найтись в любой воинской части. Ехала она с мужем точно не на войну, а в свадебное путешествие. Перед отправкой они сфотографировались — он в командирской форме, а она в том платье, в котором была, когда познакомились.

Потом Гриша узнал, что Люба готовится стать матерью. Ему хотелось немедленно отослать ее в тыл, но она не соглашалась, просила оставить ее, пока она в состоянии помогать раненым в полковой санчасти.

Тяжело раненного, его привезли с поля боя в ту па-

латку, в которой Люба ухаживала за бойцами. Ни слезинки не проронила она. Он знал ее, но даже от нее не ждал такой выдержки, такого мужества. Люба не решалась попросить, чтобы ее отправили в тыл вместе с мужем. Они договорились, что он напишет ей сразу же, как прибудет в тыловой госпиталь, сообщит свой адрес, и она приедет в тот же город. Но он был в таком состоянии, что написать ей не смог, а когда окреп и списался с частью, то узнал, что жены там уже нет. Григорий разослал письма фронтовым друзьям, преподавателям военного училища, курсантом которого был, и техникума, в котором училась Люба. Когда приносили почту, лейтенант мучительно вслушивался в фамилии счастливиц, надеялся, что назовут и его. Но каждый раз радость обходила его.

И вот медсестра, принеся почту, выкрикнула:

— Телеграмма есть... Нестеренко Григорию Дмитриевичу!

Лейтенант вскочил, беспомощно глянул на Убуша и снова сел на кровать.

— Вам телеграмма, вам, — сказала медсестра.

А лейтенант словно онемел и оглох, словно вдруг совершенно обессилел.

Убуш взял у медсестры телеграмму, взглянул на адрес:

— Гриша, это действительно тебе. Из Астрахани. У тебя там есть кто-нибудь?

— Никого, — шепнул лейтенант. — Открой ее сам.

Убуш сорвал наклейку, глянул в конец телеграммы.

— От кого? — торопил лейтенант.

Убуш улыбнулся:

— От Любы!

Лейтенант выхватил жесткий от клея бланк, прочитал и прижал к груди, точно боялся, что отнимут.

— Ну, что там? — теребил друга Убуш.

Лейтенант оглядел телеграмму и протянул ее Убушу. Старший политрук пробежал ровные строчки: «Родился сын назвала Тырасом выздоравливай быстрее жди письма целую Люба».

— Поздравляю, от всей души поздравляю — взволнованно произнес Убуш.

А лейтенант обнял друга, зачастил громко:

— Сын! Сын у меня!

Лейтенант снова, на этот раз вслух, прочитал телеграмму и возбужденно заговорил:

— Тарас!.. Мой Тарасик!.. Ведь отличное имя, а?

— Лучше быть не может! — согласился Убуш. — Теперь ты, Гриша, тáту... Я говорил тебе — все хорошо будет. Все и получилось хорошо. Успокойся и старайся окрепнуть, теперь ты не только муж, но и отец!

— Спасибо, Убуш, спасибо... Ты был прав... За все тебе спасибо. От меня, от Любы, от нашего Тарасика.

Чуть не весь госпиталь побывал в палате. Всякий способный ходить спешил поздравить лейтенанта с рождением сына, а молодой отец никак не мог привыкнуть к своему новому положению, каждый раз заново переживал свою радость. Потом Григорию пришлось самому пойти по палатам — его звали к себе лежачие больные: он показывал им телеграмму, пожимал руки, обещал подробней рассказать о сыне, когда получит письмо от жены.

Весь день он сиял, ласково повторял имена жены и сына и ночью не мог сразу заснуть — доставал телеграмму, перечитывал ее, говорил с Убушем о детях, о том, как их растить и воспитывать. Убуш охотно поддерживал разговор, рассказывал о своих детях — он разделял с другом его большое счастье.

## 10

Дневку устроили на берегу речушки, вытекающей из озера Хорвта. Овец напоили, но они, измученные зноем, не могли избавиться от жажды, снова и снова бежали к воде, потòм опять собирались в кучи, но ненадолго — речушка манила их к себе.

Солнце пекло так, точно хотело омрачить радость людей и животных, наконец дождавшихся воды и отдыха.

Чабаны выпрягли верблюда, спутали ему ноги и пустили пастись на траве у речки. Арбу поставили оглоблями вверх — они стали шестью для палатки. Выкопали зуух — продолговатую яму для костра, собрали кизяк. Пока Хара прилаживал к оглоблям брезент, Анжиг нарезал молодого камыша и сделал пышную подстилку.

Когда все было готово, Хара сказал:

— Ну, теперь можем смыть с себя пыль да песок!

— Неправильно выражаетесь, товарищ начальник, — шутил Анжиг. — Не пыль да песок, а грязь... Неужели вы надеетесь в один раз смыть эту грязь? Ее на палец наросло — ничем не сдерешь...

— Ишь разговорился, — смеялся Хара. — Веселый стал, как до воды добрался.. Давай-ка побыстрей!

— Не очень-то много барахтайтесь, — сказала арбичка<sup>1</sup> Цаган. — Чай скоро будет готов.

— Никуда он не убежит, — не унимался Анжиг.

— Остынет!

— Ну, ты скажешь, Цаган! Кто поверит? В такой зной чай еще горячий станет! А вообще что-то ты сегодня разговорчива, как никогда?

— Хочу тебя перещегоолять. Так что берегись!

— Цаган, разве такого остроумного красавца можно перещегоолять? — вмешался в перепалку Хара. — Ты сама же знаешь, каков он!

Цаган покраснела, отвернулась к костру и замолчала.

Ей бы сказать чабану, что его намеки не имеют основания, да боязно — чем больше отрицаешь, тем больше утверждаешь людей в подозрениях. Наверно, и то, что Цаган старается быть скрытной, выдает ее. Но что делать?

Анжиг и сам был такой, будто только что вытащил лицо из раскаленного зууха. Он повернулся, ушел к речке. Слова Хары были ему по душе, но не умел он вести себя так, чтобы не выдать своего восторга, чтобы выглядеть перед девушкой стойким, бывалым, уверенным в себе.

Услышав шаги Хары, Анжиг бросился в воду. Хара быстро разделся и за ним. Они долго плавали, брызгались, довольно гоготали. Потом затеяли борьбу. Хара, чувствуя, что не одолеет парня, отскочил в сторонку и заговорил:

— Дярке, дярке! Великая благодать — вода! Жара становится мягкой и легкой, как пух. Солнце — ласковым, как руки матери. Ветер — нежным, как...

Не переставая говорить, он мелкими шажками приближался к Анжигу. Парень заметил это:

— Вы меня не обманете! Знаю, для чего вы эту речь затеяли! Не удастся вам отвлечь меня, не удастся! — крикнул Анжиг и нырнул.

Хара глядел по сторонам: куда его, молодого черта, занесло? Чабан стал продвигаться к тому месту, где, по его предположению, должен был вынырнуть Анжиг. «Уж я тебя притоплю, уж ты у меня хлебнешь!» — весело думал Хара. И вдруг его схватили за ноги и потянули в

---

<sup>1</sup> Член чабанской бригады, как правило, женщина.

воду. Он не успел набрать воздуха, и в рот и в нос хлынула вода. Чабан захлопал руками, задергал ногами, но сразу освободиться не смог. Он уже боялся, что захлебнется, но тут его отпустили. Хара вынырнул, выплюнул воду, отдышался, поглядел по сторонам, но на воде Анжиг не было. Время шло, а парень не выныривал. Хара встревожился — не утонул бы. Однако Анжиг обнаружился: он стоял возле поросли камыша и выжимал труссы. Поняв, что его увидели, он расхохотался.

— Разве можно так шутить? — обиженно сказал Хара.

— Можно подумать, что вы не хотели поймать и окунуть меня!

— Я хотел чуть-чуть побаловаться, а ты меры не знаешь! То меня бросаешь на дно, то сам бог знает где пропадаешь!.. Ну ты ладно, ты — как рыба, а я-то — как топор!

— Вон еще одна рыба появилась! — воскликнул Анжиг.

Хара взглянул на берег — там стоял Бадма. Он смеялся.

— В самом деле, я думал, что смерть приближается, — объяснил Хара.

Бадма поздоровался с чабаном и сказал:

— Я не над вами смеюсь, а над Анжигом.

— Да и я не на тебя сержусь, а на этого жеребенка!

Анжиг расхохотался еще сильнее — очень уж растерянный вид был у Хары.

Бадме стало жалко смутившегося чабана, и он решил отвлечь его от неприятного разговора.

— Прав я был, когда убеждал вас, что скоро до воды доберетесь? Вы и не ждали небось, что столько ее будет? Это вам не степной колодец. Какая ни есть, а река! Не только попить, но и выкупаться всем чабанам Калмыкии хватит!

— Ты еще скажи, что чабанам всего мира! — подхватил Хара, выходя на берег.

Бадма тоже выкупался, и мужчины, одевшись, пошли к стоянке, устроились в тени. Цаган разлила чай, положила в пиалы масла. Анжиг торопливо хлебнул и застыл с раскрытым ртом.

— Что с тобой? — спросила Цаган.

— Выручай меня, выручай поскорее, дярке, дярке!.. Хоть и мокрый, но это же огонь! Из-за тебя, Цаган, у меня с языка и нёба кожа слезла!



— Ничего, у тебя длинный язык, и совсем неплохо, если он станет покороче! — смеясь, ответила девушка.

— Он и с коротким наговорит такого, что дай бог всякому, — сказал Хара. — Такому ни огонь, ни холод не помешает стрелять словами!

— Вы кого имеете в виду? — с притворной суровостью полюбопытствовал Анжиг.

— Зачем спрашивать? Взгляни на себя, сразу догадаешься! — съязвил Хара.

После обеда отправились дальше. До вечера продолжали путь. И весь следующий день неутомимо гнали овец. Чем ближе к Волге, тем больше речушек, свежей травы, камыша, густого, как хороший лес. Овцы шли быстрее, и чабанам стало легче.

— Завтра распростимся со степью калмыцкой и вступим на землю казахскую, — сказал Хара своим спутникам. — Осталось немного — переправиться через Волгу.

В голосе старика не было радости — чему радоваться, когда поневоле приходится покидать родные края. Цаган тоже загрустила, а Анжиг вдруг зашел:

Величавый белый пароход  
сел на мель и дальше не идет.  
Не тужи, ведь, если ты захочешь,  
Волгу, точно лужу, перескочишь!

Никто ему не подпевал, и он оборвал песню. Он шел за отарой и напряженно вглядывался в небо. Из далеких высей, откуда-то из-за редких облаков, доносились странные звуки: жжу-у-у-у... жжу-у-у-у. Будто жужжали огромные насекомые, то замолкая, то снова подавая голос. Это были самолеты. Но чьи?.. Вдруг там, где была Волга, застучали зенитки, — значит, самолеты вражеские.

Скоро ногами ощутили какие-то толчки, а потом донесся тяжелый гул. Хара вздрогнул, оглядел степь — она была спокойная, мирная, красивая и беззаботная. От этого особенно жуткими показались шумы войны.

— Как бы эти изверги мост не разрушили, — сказал Хара, обращаясь к Анжигу.

Парень не успел ответить — что-то увлекло его, и он еще внимательней всматривался в небо. И вдруг он плюхнулся на землю и крикнул:

— Дядя Хара, ложитесь! Ложитесь!

Над степью показались самолеты. Два из них стали снижаться. Хара увидел черные кресты на крыльях. Че-

рез мгновение застрекотали пулеметы, овцы полосой повалились на землю.

Хара вскинул вверх герлыгу и стал осыпать летчика проклятьями.

Анжиг горько усмехнулся:

— Дядя Хара, вы чуть не сшибли их своей герлыгой. Они едва вырвались.

— Ты и здесь зубоскалишь, — рассердился чабан и вдруг восторженно завопил: — Гляди, Анжиг, гляди!

Из-за ближнего облака вылетел небольшой тупорылый самолет. Коршуном он кинулся к самолету, несколько секунд назад стрелявшему по отаре. Тот не ожидал нападения, как-то странно вильнул и отбилсЯ от эскадрильи. А наш наскакивал на него. Фашист опомнился, развернулся, и вот самолеты стали стремительно сближаться. Хара даже глаза закрыл: столкнутся и взорвутся в воздухе. Но взрыва не было, и чабан открыл глаза. Послышалась короткая очередь, наш самолет снова стал набирать высоту, а вражеский понесся к земле, таща за собою длинный хвост. Хара провожал его взглядом, зло шепча:

— Так тебе, так!

Фашист врезался в землю, и степь потряс мощный взрыв.

— Всем так будет! — грозил Хара. — Все подавятся землей!

— Дорого обошлись наши овцы! — закричал Анжиг. — Вцепилась мышь в кошкин хвост, да только перед смертью!

Там, откуда шла отара, показался клубок пыли, а затем чабаны увидели верхового.

— Наверное, это Бадма, он не мог очень отстать от нас, — высказал Хара предположение.

Вместе с Анжигом чабан осмотрел убитых овец. В черных глазах Хары застыла тоска — много сил отдано тому, чтобы выходить и вырастить каждую, а этот изверг в один момент перебил столько животных.

Живые овцы, точно в предчувствии новой опасности, жались к чабанам — их даже не пришлось сбивать в кучу.

А меж тем всадник приблизился, остановил коня и соскочил с него. Это действительно был Бадма. Привязав повод к седлу, он пошел навстречу чабанам.

— Целы! — облегченно произнес Бадма. — А я боялся за вас!

— Чего за нас бояться! Мы можем спрятаться, а вот овцы беззащитны! Смотри, сколько их тут лежит!

— Да, много побили, изверги... Их от моста отогнали, вот они и навалились на отару. Бомбы в Волгу побросали, а пули здесь израсходовать решили! Когда последние отделились и пошли вниз, я подумал: «Не дай бог, Хару и Анжигу достанут!» Рад, что вы сбереглись!

— Хара времени даром не терял, — нервно сострил Анжиг. — Он припугнул фашиста герлыгой, а наш летчик воспользовался случаем и добил его!

Хара вскипел:

— Не валяться же на земле, как это делал ты!.. Слово кизяк распластался!

Бадма спокойно отнесся к этой перепалке. Посторонний мог подумать, что чабаны враждебно относятся друг к другу, но Бадма знал: их связывает настоящее товарищество, Анжиг колол и Хара зол оттого, что им жалко потерянных овец. Разлучи их на денек, они себе места не найдут.

Чабаны оттащили мертвых овец. Раненых уложили на арбу, которая к тому времени догнала отару.

Провожая чабанов, Бадма сказал:

— Вы поторопитесь. Нынче ночью надо перебраться через Волгу. А ты, Анжиг, пожалей Хару и не очень жалься...

— Он и сам так ужалит, что долго чухаться будешь!

— А ты как думал: если вонзить нож, то по рукоятку.

Бадма убедился в том, что чабаны не падают духом, пожелал им удачного пути, вскочил на коня и повернул обратно — навстречу другим отарам.

В конце дня, когда стало прохладно, чабаны погнали овец быстрее. И ночью не остановились на отдых — спешили к Волге. Достигли ее перед утром. Гнали отару по мосту, когда Бадма снова прискакал к ним. Он вместе с чабанами переправился через реку, снял кепку, вытер ею вспотевший лоб:

— Ну, мужики, для вас Калмыкия осталась позади... Вот-вот и другие отары окажутся по эту сторону Волги. А мне скоро в обратный путь.

Хара с Анжигом смотрели за Волгу, где лежали родные степи. Бадма, наверное, махнул бы на все рукой и помчался туда, но в лицах чабанов было столько тоски, что он решил повременить с возвращением. «Гадают друзья,

когда еще доведется дома побывать, — подумал Бадма. — Побуду-ка с ними. Встречу другие отары здесь».

Предоставленные самим себе, овцы разлеглись на траве. Бадма обошел отару, с сожалением подумал о потерях, понесенных в трудной дороге, и вернулся к чабанам.

— Сейчас мы, братцы, стоим у границы России и Казахстана. Начинается Гурьевская область, в хозяйства которой войдут наши отары, табуны, гурты.

В это время Цаган, которая еще в пути обогнала отару, позвала пить чай.

— Цаган дело знает, не зря мы на нее надеялись, — похвалил девушку Хара.

— Знать-то она много знает, только таится, ничем с другими не делится, — уколол Анжиг.

— А как ты хотел, — усмехнулся Хара. — Уподобиться тебе и стать каждой бочке затычкой?

Анжиг не нашелся, и Хара пощадил парня — не пустил в ход остроуту, просившуюся с языка.

Не торопясь позавтракали. Солнце поднималось все выше, и Хара, собиравшийся двигаться дальше, сказал:

— Не очень-то хорошо будет нашим овечкам в пути...

— Устали, — промолвил Анжиг.

— Да, пусть отдохнут, — предложил Бадма. — До обеда можно оставаться тут, теперь уж опасность миновала. Я тоже побуду с вами... А ты, Анжиг, пригласи ко мне по одному человеку с каждой точки. Уже все отары переправились, и можем кое о чем поговорить. Зови тех, кто постарше.

Чабаны собрались скоро: пора тревожная, мало ли что случиться может? Расположились полукольцом перед Бадмой. Закурили.

Бадма встал.

— Друзья, — произнес он. — Мы почти без отдыха покрыли огромное расстояние, мы спасли почти все, что доверили нам, провозжая сюда... Теперь, когда эти испытания позади, я могу оставить вас. Меня ждут дела. Пусть старшим среди вас останется Хара... Возможно, местные руководители для пользы дела разбросают вас по различным точкам — им видней, они знают здешние условия. Никаких разговоров по этому поводу. Они все предпримут для того, чтобы вас устроить лучше, разместить скот... Передайте мои слова табунщикам и гуртоправам, которые впереди вас — вы с ними встретитесь не позже чем завтра...

Бадма молча ждал вопросов, но их не было. Чабаны снова закурили. Они не спешили расходиться: каждый понимал, что не скоро доведется встретиться и посидеть вместе. Время шло. Встал, кивнул и отправился к себе один, за ним — второй, третий.

Когда с Бадмой остались лишь Хара, Анжиг и Цаган, он сказал:

— Пора и с вами прощаться, — и шутливо погрозил Анжигу: — А Цаган не обижай, слышишь!

Парень подмигнул Харе, Цаган увидела это и закусила губу, повела по песку носком сапога и, не поднимая глаз, сказала:

— Куда им?!

— Уважаю людей, уверенных в себе! — воскликнул Бадма и подошел к Харе. — До встречи, дружище... Когда еще увидимся... Пусть напоминает обо мне мой скакун. Я оставляю его тебе!

— А как же ты сам?

— Мне он уже не нужен, я и так обойдусь. Мне теперь на других конях ездить, — Бадма показал на свои сапоги.

— Будь счастлив и за нас не беспокойся, — дрогнувшим голосом произнес Хара.

## 11

Почту принесут не скоро. Но лейтенант Нестеренко уже нервничает. Он встает с кровати, идет к двери, выглядывает в коридор, бродит вокруг стола, на котором обычно раскладывает письма медсестра-почтальон. Но день следует за днем, а письма все нет. Он нервничает и еще нетерпеливей мечется от кровати к двери, от двери — к столу. Выдержка начинает изменять ему, и он снова валится на кровать, мрачный, осунувшийся. Является почтальон, и Григорий отворачивается к стене, чтобы не видеть лиц счастливых товарищей.

Убушу жалко парня, но он строго отчитывает его:

— Чего ты терзаешь себя? Неужели ты не понимаешь, почему сейчас почта запаздывает? Вон и мне письма приходят чуть ли не на десятый день после отсылки...

Лейтенанта это не убеждает. А Убуш не оставляет его в покое, старается рассеять его сумрачные мысли.

И в этот, похожий на все другие, день история повторилась. Григорий побегал по маршруту кровать — дверь —

стол, лег, отвернулся к стене, не шелохнувшись, выслушал длинную речь Убуша, а потом встал и отошел к окну. Убуш устроился рядом.

Перед глазами — городская улица. Из труб валил тяжелый дым. Спешили по своим делам озабоченные люди. Бежали куда-то дети. Прошел взвод бойцов. Пронзительно прозвенел трамвай. Вывернула из-за угла грузовая машина. Еще один взвод промаршировал мимо госпиталя: видно, поблизости расположена воинская часть.

За спиной друзей заволновались раненные. Убуш оглянулся: припесли почту. Медсестра поискала глазами:

— Нестеренко! Вам письмо!

Лейтенант недоверчиво посмотрел на нее — она опустила голову и перебирала пачку писем.

— Идем, Гриша, сказали же тебе, что письмо есть! — позвал Убуш.

Они подошли к столу.

— По-моему, было, — виновато сказала девушка. — Я не могла ошибиться!

Она подала письмо Убушу и снова стала просматривать конверты и треугольнички. Григорий бросился к кровати, лег, уткнулся лицом в подушку.

А девушка так расстроилась, что пальцы у нее дрожали. Она бестолково перебрасывала письма с места на место, читала адреса на одних и тех же конвертах: ей было известно, как мучительно ждал весточки лейтенант Нестеренко, как он рад был телеграмме и еще больше мучился, дожидаясь письма от жены.

— Погодите, — попросил Убуш и сам стал перебирать письма.

— Вот оно! — воскликнула девушка. — Нестеренко Григорию Дмитриевичу! Я же говорила, что есть!

Убуш обрадовался этому письму сильнее, чем своему. Он отнес его лейтенанту:

— Читай же, кисейная барышня. Из Астрахани тебе пишут!

Григорий мгновенно вскрыл конверт, вытащил густо исписанные листочки, впился в них глазами. Убуш стоял рядом и весело смотрел на обрадованного друга. А тот вскочил, обнял Убуша.

— Что случилось?.. Еще один сын родился! — шутил озадаченный Убуш.

— Спасибо, спасибо тебе, политрук! — взволнованно повторял Нестеренко.

— Да за что же спасибо! Говори толком!

— Если бы не ты, Убуш, если бы не ты и не твоя жена!..

— А при чем тут моя жена? — изумился Убуш.

— Как при чем? Как же это при чем? Станный ты человек, комиссар! Простые вещи перестал понимать. А давно бы мог догадаться!

— Ты только бормочешь что-то нечленораздельное, попробуй пойми тебя!

Лейтенант подал Убушу письмо:

— На вот, читай! Громко читай, во все горло, пусть все знают!

Григорий стал звать друзей по палате, а Убуш сказал:

— Оно такое длинное, что до вечера читать придется. Лучше уж перескажи его.

— Читай, читай! — требовал лейтенант, и Убуш подчинился.

— «...Во-первых, от всей души поздравляю тебя с сыном. Наш наследник хорош: родился весом в четыре килограмма и за первый месяц набрал еще килограмм. Здоровый ребенок, спокойный, почти не плачет. Он похож на тебя. Лицо почти до черточки твое, только носик остренький, как у меня.

Долго я думала, какое ему дать имя. Посоветоваться не с кем, кругом хоть и добрые, но незнакомые люди. Пока лежала в больнице и первое время после возвращения домой перебирала разные имена, примеряла к сыну, но не могла выбрать. Как-то шла от врача, присела отдохнуть. Скамейка на берегу, передо мной катит свои волны и пенится Волга. Сижую, думаю о тебе, твоей ране, о весточке, которой нет от тебя, мечтаю побыстрее списаться с тобою. А тут вспомнились стихи, которые ты часто читал: «Реве тай стогне Днипр широкий...» И сразу пришло на ум замечательное имя — Тарас. Простое, звучное... Лучше быть не может! И стал наш сын Тарасом Григорьевичем. Тебя это обрадует — ведь ты очень любишь Кобзаря и его стихи!

А во-вторых, расскажу, как я нашла тебя. Но прежде обними и поцелуй от моего имени своего друга, старшего политрука. Не ленись, поцелуй его несколько раз. Если бы не он, не скоро бы мы нашли друг друга. Я многим

писала, пытаюсь связаться с тобой, но время шло, а толку не было. Я нашла бы тебя, да скоро ли? Война есть война. Но повезло нам.

Пошла я с Тарасиком к доктору. В детской поликлинике принял нас участковый врач. Все у Тарасика хорошо — нормально развивается, быстро набирает вес. Предупредили меня, чтобы берегла его от простуды, но и не кутала. Стала я собирать сына, а тут входит женщина в белом халате и шапочке.

— Наш главврач, — шепчет мне доктор.

Вошедшая не из русских: лицо круглое, глаза черные, вокруг них морщинки разбежались. В волосах седина, но женщине не больше тридцати. Она подошла к Тарасику, подняла его, похлопала по попке, говорит:

— Вот это батыр растет!

— Александра Мукуловна, он же фронтовик! — подсказывает наш участковый доктор.

— Таким и должен быть мужчина-фронтовик! Как он растет? Поглядим-ка его личное дело!

Она надела очки и стала просматривать записи.

— Тарас Григорьевич... Почти Шевченко... А фамилия батыра? Нестеренко... Так-так... Кто же у него отец?.. Нестеренко Григорий Дмитриевич... Что-то знакомое... — Она задумалась припоминая. — А вас как зовут? — спрашивает меня.

— Любовью Сергеевной, — отвечаю, а сама гадаю: к чему бы все это?

Вдруг Александра Мукуловна решительно сняла очки, положила их в карман и полусхвату заговорила с Тарасиком:

— Где же твой папа? Письма от него получаешь?

— Не получаем, — сказала я. — Вместе мы были на фронте, ранило мужа, вот теперь стараюсь списаться с ним, но пока не получается. Где он, что с ним — неведомо.

— Он лейтенант?

— Вы знаете его, виделись с ним? — заволновалась я.

— Нет, с ним я не виделась, но знаю, где он находится. Он лежит в одном госпитале с моим мужем.

— Дайте мне адрес, я сейчас же напишу ему! Телеграмму pošлю!

Она усадила меня, успокоила и рассказала все, что знала о тебе из писем мужа.

Гриша, милый мой Гриша, передай от меня и Тара-



сика самый сердечный привет старшему политруку Харадаеву, поблагодари его и поцелуй, если еще не поцеловал. И всем своим друзьям-товарищам передай привет. Ждем от тебя писем. За нас не беспокойся, мы растем, крепнем и целуем тебя тысячу раз. Твои Тарасик и Люба».

— Ну, брат, радуюсь за тебя! — сказал Убуш.

А Григорий сжал в своих руках его и стал целовать. Да так, что вокруг захохотали: дескать, ты ошибся, это не жена твоя, а старший политрук.

## 12

Гитлеровцам удалось захватить плацдарм на левом берегу Дона. Они стремились расширить его и переправить через реку как можно больше войск. В течение трех-четырёх дней они перебросили туда семь корпусов, в том числе четыре танковых. Огромное превосходство в самолетах и танках помогло фашистам: территория, которую они занимали, увеличивалась. Но и этого им было мало для развертывания сил. Они хотели перейти Дон между Верхне-Курмойрским и Романовской. Однако из этого ничего не вышло. Врагу не позволили построить мост, даже паром помешали наладить. Но южнее немецкий танковый корпус все усиливал натиск. Его сдерживали две стрелковые дивизии, понесшие большие потери в предыдущих боях. На помощь им бросили едва сформированную и плохо вооруженную кавалерийскую дивизию. Строевой состав дивизии — в большинстве вчерашние хлебоборбы, чабаны, пастухи — почти незнакомые с военным делом.

В одну из стрелковых дивизий попали после госпиталя старший политрук Харадаев и лейтенант Нестеренко. Убуша назначили командиром батальона, Григория — командиром роты того же батальона.

Кадровым воинам, прошедшим фронттовую школу, многое в новой части показалось странным. Формировалась она наспех, порядок в ней еще не устоялся, люди плохо знали друг друга, дисциплина была слаба, вооружения не хватало. Полк со дня на день должен был выйти на передовую, встретить пехоту и танки врага. А чем?

— Как же быть? — обратился Григорий к Убушу. — С людьми познакомлюсь, подтяну их, хотя времени почти не остается. А с оружием как, с противотанковыми гранатами? Тыловики скупаются страшно. Приберегают оружие, что ли...

— Дело поправлять надо немедленно, это ясно. Однако сам я тебе не помогу... Сегодня должно быть у нас высокое начальство — доложим ему. Убежден — подействует.

Действительно, в полк прибыл командир дивизии генерал Губаревич. Он обходил батальоны и роты. Убуш и Нес-теренко уже знали его — познакомились в штабе дивизии. Комдив вспомнил их, весело поздоровался.

— Ну, Харадаев, доложите, как мы готовы к боям?

— Плохо готовы! — резко сказал Убуш.

— Растолковать можете? — нахмурился генерал.

— Могу! Мы уже получили приказ выдвинуться вперед и сменить обороняющихся. Но...

Убуш рассказал о положении в батальоне. Генерал даже побагровел.

— Полковник! — окликнул он начальника тыла.

Выговор был злой и не очень цензурный. Взглянув на часы, генерал приказал:

— Через два часа обеспечить батальоны хотя бы самым необходимым.

Полковник колом подбежал к лошади, взобрался на нее и ускакал.

— Спасибо за прямоту, — сказал генерал Убушу. — Через два часа позвоните мне и сообщите, как вас обеспечат недостающим...

## 13

Бадма быстро удалялся. Хара печально посмотрел ему вслед и повернул обратно к отаре. Анжиг и Цаган постояли немного и медленно пошли за Харой. Они были так близко друг к другу, что плечи их соприкасались. Оба молчали, но это было красноречивое молчание. Анжиг, не глядя, нашел руку Цаган, сжал ее. Девушка не вырвала руку, покорно шла рядом, а в душе Анжига все ликовало: никогда не было так хорошо, никогда не было такой возможности все сказать ей и быть уверенным, что она поймет. Но как сказать, какими словами? Язык одеревенел, в горле тугой комок. Из памяти выветрились слова, которые долго выбирал и выверял. Как же начать? Просто сказать: я тебя люблю? И спросить: любишь ли ты меня?.. Не так это просто!

Цаган тоже не по себе. Она сердится: «Чего же ты ждешь? Хочешь, чтобы я первая призналась? А что люди

подумают? А что подумаешь ты сам? Пристыдишь за то, что я нарушаю закон, передающийся из поколения в поколение? Упрекнешь за то, что не уважаю прадедовских обычаев?»

Анжиг вдруг остановился, повернул Цаган к себе, поглядел в ее глаза. «Сейчас он скажет!» — пронеслось в ее сознании, и сердце вздрогнуло и сжалось. Ей показалось, что все это снится — Заволжье, мост через реку, полдневный покой и они вдвоем с Анжигом. Он все сильнее сжимает ее руку, но она не чувствует боли... «Милый мой, любовь моя, сердце мое, Анжиг! Говори, я жду твоих слов, скажи же хоть что-нибудь...»

А он молчал, и сердце его билось сильнее и сильнее, точно хотело вырваться и рассказать Цаган обо всем, что не может поведать ей Анжиг.

И Анжиг заговорил.

— Как тихо здесь, — произнес он с трудом. — Словно нет войны.

«Анжиг! — хотелось крикнуть Цаган. — Анжиг, ты не об этом должен был сказать! Ты же всегда считался смелым, бойким, красноречивым, что же с тобой происходит? Что же мне делать? Одно остается — ждать...»

Они снова пошли, медленно, как-то неуверенно.

На ясном небе ни облачка. Синь высока и чиста, она раскинулась далеко-далеко, она сливается со степью, тоже по краю синеватой.

— Вот закончится война и вернемся мы домой, — произнес Анжиг.

— Когда это будет?

— Нашла о чем спрашивать! Откуда же я знаю? Но уверен, что победа будет, непременно будет!

— Победа победой, а мы-то при чем?

Анжиг даже побледнел — так больно задела его слова Цаган.

«Любой может бросить мне этот упрек, — размышлял он. — Рта никому не заткнешь. Идет война, а я здесь, в глубоком тылу, мечтаю объясниться в любви, гуляю с девушкой. А ведь я мужчина и должен с врагом сражаться, а не овец гонять... Нет, баста, как только доведем отару, немедленно уйду в армию, ни дня не потеряю...»

Хара уже погрузил на арбу нехитрый скарб, впряг высокого, со сбившимся набок горбом верблюда сытого, сильного и спокойно пожевывавшего. Увидев Цаган,

верблюдов повел маленькой высокомерно вскинутой головой, словно бы говоря: «Это ты пришла?»

— Долго же вы провожали Бадму, — сказал Хара, и не понять было — то ли он укоряет за задержку, то ли посмеивается над Анжигом и Цаган.

Парень не нашелся что ответить, а девушка в упор посмотрела на чабана и резко бросила:

— В любви объяснялись... О задушевном говорили!

— Я так и думал, — язвительно произнес чабан, а потом спохватился и искренне закончил: — Сколько можно обманывать друг друга? Сколько можно прятаться? Бывает, что сердце сведет таких людей, которые целую жизнь прожили вдали друг от друга. А вы всегда рядом, вы давно знакомы — растете вместе...

Он покачал головой и пошел к овцам, а Цаган подняла с земли ууту с кизяком и стала устраивать на арбе.

Анжиг нервно сжимал пальцы, и они громко хрустели. Он смотрел в одну точку и уныло думал о том, что у него храбрости хватает только на разговоры по работе и на разные шуточки, а вот душу раскрыть он не решается. Мучительная и постыдная робость. И он ничего не может поделать с собой. Так вести себя — значит быть смешным, он понимает это, а перебороть себя не может...

Как сказать тебе, Цаган, что ты лучшая среди многих, что ты светла, как луна ночью, и тепла, как солнце днем, что душа твоя просторней калмыцких степей, а думы глубже вод каспийских, что песня твоя схожа с трелью утреннего жаворонка, а смех подобен звучанию гармоники с колокольчиками! Как сказать тебе об этом?

Цаган заметила, что он удручен, и ей стало жалко его.

— Нам ехать надо, — мягко проговорила она, и он подошел к арбе, взял вожжи и легким рывком заставил верблюда идти вслед за отарой, которая уже начала движение.

## 14

Задание обкома партии выполнено — отары, гурты и табуны, за которые он отвечал, переправлены за Волгу. Теперь Бадма может, как было условлено, добираться до Калмыцкого Базара.

На пароход рассчитывать нечего — навигации уже нет. Над рекой постоянно проносятся стервятники с черными

крестами, нападают даже на самые маленькие суденышки. Придется продвигаться пешком, а если повезет, то попутным транспортом.

Бадма поправил кепку и зашагал.

Когда-то... Впрочем, это когда-то было совсем недавно!.. Так вот, совсем еще недавно на этой дороге постоянно царило оживление: пешеходы, люди на конях и арбах, на автомашинах. А теперь всюду пусто. Не на чем глаз остановить. Так и идти невесело, но времени терять нельзя, и Бадма шел довольно быстро. Он двигался на юг. Поклажи у него — лишь тощая сумка через плечо, а в ней немного мяса, хлеба, ложка да кружка.

Минуло несколько часов, отшагал он немало, а впечатление было такое, точно оставался возле тех мест, где расстался с чабанами. А в голове мысль об одном: «Теперь-то в обкоме должны посчитаться с просьбой. Теперь-то, выслушав доклад о выполнении задания, отпустят в армию».

Бадма прибавляет ходу — почти бежит по степи. Опомясь, смеется над собой: «Взбешенный верблюд быстрее скачет!» Он смиряет себя: нельзя нервничать и попусту растрчивать силы — путь у него неблизкий.

Позади послышался невнятный рокот. Вскоре он понял, что это автомашина, и решил было уйти подальше от дороги, чтобы не обращать на себя внимания — мало ли кто может встретиться в эту тревожную пору. Но потом передумал.

Обшарпанный грузовик поравнялся с Бадмой и резко затормозил. Над ним вскинулось облако рыжей пыли. Не успело оно осесть, как раскрылась дверца, и шофер выскочил на дорогу. Он сильно развел руками, потом несколько раз присел, вытянулся, потер поясницу: видно, давно не бросал баранку. Бадма направился к нему. Это был молодой, крепко сложенный, полноватый парень. Водителю полуторки не в белом халате работать — есть где замазаться, но этот был особенно грязен: наездился парень, пропылился. Глаза у него красные, с припухшими веками — спать приходится немного. Он закурил и пригласил Бадму:

— Садись, подвезу!

Дребезжа кузовом, машина помчалась по дороге.

Водитель и пассажир молчали, украдкой разглядывая

друг друга. Проехали несколько километров, шофер поёрзал на сиденье и спросил:

— Далеко путь держишь?

— В Астрахань.

— Живешь там?

— Да нет...

— Дела какие заставили в такую даль пешком добираться?

— По работе надо...

Шофер усмехнулся, искоса взглянул на Бадму и, снова уставясь на дорогу, сказал:

— Загибаешь... С ребенком разговариваешь, что ли? Какая нынче работа, если немцы рядом. Я вот из Калача еду. Там такое творится — все вверх дном стало. Пушки палят, бомбы рвутся, земля в небо поднимается. А ты говоришь — работа! Другое дело мы — шоферня, наша работа — возить, хоть весь мир перевернись!

Бадма рассердился:

— Брось болтать!

— Чего ты напустился на меня? Если хочешь знать, я давно был бы на фронте, если бы меня не держали на работе. Ты здесь нужней, ты коммунист, значит, подчиняйся и будь там, где приказано, — вот как со мной разговаривали! Что мне остается? За баранкой сидеть! — Шофер вздохнул.

— Ладно уж, — примирительно произнес Бадма.

Больше говорить не хотелось. «Нервы совсем расшались, — думал Бадма. — Не разобрался, накинулся на парня. А он такой же, как и я, боец тыла».

Шофер был мастером дела — он умело вел машину по разбитой дороге, вовремя замечал и объезжал колдобины. Бадма устроился поудобней и наблюдал за шофером. А тот, держа баранку одной рукой, другой достал пачку папирос, предложил Бадме. Но пассажир уже заснул.

— Намайяся, наверно, — сочувственно пробормотал шофер и закурил.

Темнело. Солнце закатилось за дальние холмы, окрасив горизонт в золотистые тона.

Шофер провел ладонью по щекам — щетина противно закрипела.

— Дожил! — чертыхнулся он. — Помыться-побриться некогда.

Впереди показались Тинаки. Подъехав к околице, шо-

фер остановил машину, вылез из кабины, обстучал ногой скаты, раскурил папиросу.

Бадма проснулся, потер кулаками глаза, огляделся.

— Ого, уже свечерело! Долго еще ехать?

— Почти приехали — вон село. Помаши платочком — увидят. Посигналил бы фарами, чтобы знали, что мы прибыли, да нельзя: светомаскировка. Так всплут, что маму забудешь.

Они рассмеялись. Шофер занял свое место и повел машину в село.

## 15

Немцы наступали стремительно. Наши с боями отходили, оставляя богатые донские степи.

Молча смотрят на бойцов старики, женщины и дети. Что им скажешь? Снова будешь доказывать, что освободишь свои земли, отомстишь пришельцам за все муки и беды?

Много крови еще прольется, много костей сгинет в земле, пока придет желанная победа, пока доберешься до логова гитлеровцев. А сейчас ты выполняешь приказ — отойти на новый, более благоприятный рубеж. До поры до времени. Когда настанет тот долгожданный час, то и снег загорится пожаром — неотвратимо возмездие!

Фашисты стремятся выйти к Волге, рвутся к Кавказу. Любой ценой они готовы пробиться к этим рубежам. Нашему командованию ясны цели фашистов — расчленив южные армии, ослабить их и разгромить. Сначала гитлеровские генералы думали, что для выполнения этой задачи достаточно четвертой танковой и шестой армий: они убеждены были, что Красная Армия больше не в состоянии сопротивляться. Но сопротивление советских войск не уменьшалось, а росло. Пришлось фашистам срочно подбрасывать подкрепления, чтобы усилить натиск шестой армии. Тридцать дивизий двигалось к Волге по суше, тысяча двести самолетов поддерживали наступление с воздуха.

Три гитлеровские армии в то же время были брошены на Кавказ.

А меж Волгой и Кавказом — калмыцкие степи. Просторы, на которых паслись тысячные стада, качались высокие травы, рокотали тракторы. Жизнь кипела всюду.

А теперь степь грозно притихла, словно замерзла от ненависти.

На границах республики развернулись ожесточенные бои. К Элисте приближался армейский корпус фашистов. Наши части, защищавшие калмыцкую столицу, получили приказ отойти и закрепиться на удобном рубеже.

Утро. Середина августа. По окраине Элисты движется последний батальон защитников города — он выходит на Яшкульскую дорогу. Когда роты добрались до высокого кургана, выбранного командованием, поступило распоряжение: закрепиться!

Отрыли окопы, оборудовали огневые точки, проверили оружие и приготовились огнем встретить всякого, кто попытается выбить батальон отсюда.

До следующего рассвета было тихо. Встало солнце, высохла роса, воздух быстро нагрелся. И казалось, что все живое вокруг просто попряталось от наступающего зноя. Порывисто пробежал по жестким травам ветер — поднимется, промчится немного и снова уляжется. Создавалось впечатление, что это земля дышит — трудно, порывисто, неглубоко.

Бойцы отдыхали, вспоминали о доме, даже посмеивались над фашистами. Лишь один человек в батальоне держался замкнуто, был молчалив и печален. Командир батальона Убуш Харадаев. Поднеся к глазам бинокль, он внимательно изучал окраину города, каждый дом, каждую улочку, которую удавалось просмотреть отсюда.

Улучив свободную минутку, к комбату пришел лейтенант Нестеренко. Не по делу, а так, чтобы побыть вместе. Увидев, что Убуш о чем-то сосредоточенно размышляет, лейтенант сел рядом, опершись о стенку окопчика.

Комбат опустил бинокль, наклонился к Григорию.

— Вот как оно получается, кум Грицко: мы с тобой занимаем энскую высоту, а совсем недавно она была просто Аэропортовской. Весной мы приходили сюда, собирали тюльпаны. Степь в эту пору изумительно хороша — просторна, многоцветна...

— Многое стало не таким, как было, — тихо проговорил лейтенант.

Убуш не поддержал разговора, хотя сам начал его. Он глядел на город и вспоминал его мирным и многолюдным. Он представил, что идет по широкой улице — вместе с другими элистинцами спешит на воскресник. Потом с



охотой копает ямы, сажает деревья — мышцы приятно гудят, а на душе так светло, так легко!.. А разве забудешь, как с комсомольской бригадой выезжал на сев, как участвовал в самодеятельных спектаклях, безмятежно пел и танцевал на молодежных вечерах, как соревновался со сверстниками в борьбе и скачках, как играл в футбол и волейбол! Кипучей и радостной была жизнь вожака областной комсомолки! Мечтал, что и сыновья, как подрастут, заживут такой же деятельной, интересной жизнью. Как они теперь? Жена занята почти круглые сутки, а ребята предоставлены самим себе. Как поживают друзья, где теперь Бадма?..

Непостижима суматоха кровавых боев, горестных отходов. Бойцы, которые старательно укрепляли эту высоту, не знают еще, что дан уже приказ собираться в дорогу — отступить к Яшкулю. Батальон должен соединиться с полком.

Душа поет, но ничего не поделаешь. Погляди, комбат, на родную Элисту. Когда еще увидишь ее?

Убуш послал связного за командирами других рот.

Нестеренко догадался, что предстоит серьезный разговор, встал, отряхнулся:

— Уже жарко... Ну и места у вас — летом солнце жжет, зимой — мороз!

— Откуда ты нашу зиму знаешь?

— Географию, чай, во всех школах преподают: резко-континентальный климат отличается тем, что...

— Ясно, — перебил друга Убуш, — урок знаешь хорошо. А теперь приготовься вместе со всеми послушать новое: приказ на марш.

## 16

Добрые пастбища в Заволжье, травы и воды вдоволь. И чем дальше идут калмыцкие скотоводы, тем больше радуются этому богатому приволью: не пропадут здесь овцы, коровы, лошади.

Очередная стоянка — возле небольшой речушки, берега которой поросли молоденьким камышом. Овцы теперь все время сыты и напоены, оттого не так устают, хотя и приходится преодолевать немалые расстояния.

Цаган варит чай. Хара сидит в короткой тени арбы, сложив ноги калачом. Чабан достает из кармана какие-

то бумажки, перебирает их. Анжиг разлегся и читает газету.

— Сейчас подзакушу и отправлюсь по другим точкам, — сказал Хара. — А вы после отдыха трогайтесь потихоньку. Идти нам еще далеко, надо поторопиться.

— Удивительные дела! — откликнулся Анжиг. — Третьи сутки идем по казахстанской земле, а никто нас не встречает.

— Не волнуйся, встретят. А для тебя еще и оркестр выставят! — говорит Цаган.

— Так я согласен! — ответил Анжиг и сел.

Девушка разлила чай по чашкам, добавила в каждую по три ложки шугурмука.

Анжиг, не откладывая газеты, взял чашку, подул и упрекнул Цаган:

— К чему так много шугурмука?

— О тебе же забочусь. Поправляйся!

— Тогда зачем столько же положила дяде Харе? Он и так уже от жира лопается!

— Ты на себя погляди, — ответил Хара. — А меня не попрекай. Я не хочу быть таким, как ты. Кожа да кости!.. А вообще-то, Цаган, наверно, мы на него зря масло переводим — не в коня корм!

...Цаган убрала посуду, начала ее мыть и вдруг выпрямилась, из-под ладони поглядела вдаль:

— Кто-то едет к нам... А-а, узнаю. Это Балдыр!

Балдыр подъехал, стреножил коня, сел рядом с Харой и Анжигом, рассказал новости, а потом заявил, что намерен побыть здесь день-другой с табуном.

— Место замечательное, пусть кони мои попасутся здесь, а потом мы нагоним вас.

Анжиг, которого эти дела интересовали не очень, встал, прошелся, разминая ноги.

— Хара, — вдруг сказал он. — К нам еще гости. Трое верховых. Только это не калмыки!

— Откуда ты взял? — спросил Балдыр.

— Посадка не наша...

Хара и Балдыр поднялись: да, прав Анжиг.

А всадники приблизились, спешились, оставили коней юноше. Старшие направились к арбе. Одному — лет шестьдесят. Это высокий мужчина с обветренным, коричневым от загара лицом, с черными густыми усами. Они свисали у него, как у моржа, подковой, обхватывая подбородок.

Одет он не по-летнему: на ногах сапоги, на голове белая войлочная шапка. Другому лет тридцать. Он припадал на одну ногу. Был так темен, что зубы его сверкали, точно у негра.

Старик стянул с головы шляпу, сказал:

— Аман, балдар,— и тут же перевел:— Здрасьте!

Хара приветствовал гостей вежливо и сдержанно, пригласил их сесть в тени, опустился рядом с ними.

Балдыр удивленно пожал плечами, отошел к Цаган:

— Откуда он узнал мое имя? Ну и чудеса!

— Разберемся,— ответила Цаган.— Немного терпения.

Старика звали Тулегеном Кайргалиевым — он председатель колхоза. Его спутник Шалхар Мукашев работал в райзо.

Гости расспросили о том, как идет перегон, здоровы ли люди, не нуждаются ли в чем. Они сказали, что идти еще довольно далеко, посоветовали, каким путем двигаться, где лучше дневать, где ночевать. Хара хотел угостить их, но они вежливо отказались: их ждали спешные дела. Хара уехал с ними: надо было побывать на других точках, договориться о том, как распределить по хозяйствам скот.

— Слыхал? — обратился Балдыр к Анжигу. — Слыхал, как гость приветствовал нас? Он назвал мое имя... Да еще «аман» добавил. В чем дело, думаю, может, что-нибудь у меня не в порядке, может, лицо в саже? Потер его рукой — все чисто... Как ты скажешь — в чем дело?

Анжиг схватился руками за живот, повалился на землю, катается, хохочет.

— Он не вас... не вас имел в виду, — давясь от смеха, говорил Анжиг.— Он здоровался и...

— Чего ты катаешься? — обиделся Балдыр. — Если понял, объясни!

— Пустыки — и ребенок поймет: «аман» — здравствуйте — он же перевел, а «балдар» — ребята!

— Вот тебе на! — воскликнул Балдыр озадаченно.

Цаган тоже рассмеялась.

— Да бросьте вы заливаться, — потребовал Балдыр. — Раз не понял, значит, не виноват!.. А ты когда успел научиться по-казахски?

— Хорошо, открою секрет,— сказал Анжиг.— Помнишь, я отходил к парню, который с лошадью остался?.. У него и спросил. Его, кетати, зовут Молтабай. Надо запоминать людей — среди них жить.

Балдыр посидел еще немного и уехал к себе. Анжиг взял бутылку с креолином и пошел смазывать раны овец.

Зной все сильней, точно возле огромного костра стоишь — пламя и дым столбом вверх, и жаром лицо обдает. Тихо журчит вода, замерли травы, стебли камыша и чакана. Душно. Рыжий верблюд медленно поворачивается на своих мосластых ногах — хочется ему стать мордой к ветру, а воздух в степи недвижим. Овцы уткнулись в землю.

Цаган уложила посуду, снесла все вещи поближе к арбе, подняла газеты, которые недавно читал Анжиг. Она держала их перед собой, но не читала. Думы ее были далеко. Она в мыслях ласково обращалась к тому, кто их тут оставил: «Анжиг, милый мой, сколько ты будешь мучить меня и себя? Ты же любишь меня, я знаю. Ну что тебе мешает заговорить об этом? Только начни, и я поведаю обо всем, что у меня на сердце... Ты умный, ты должен знать, как нам быть, ты должен понять, отчего нам так легко целыми днями работать рядом с другими и отчего так трудно, когда мы остаемся одни».

Она поверх газет поглядела на Анжига. Он безошибочно находил овец, которым следовало помочь, ловко хватал их, быстро смазывал раны. Он сразу понимал, что с овцой, которая не хочет лежать, а бьет копытами, что с той, которая хлопает ушами. Он так увлекся делом, что даже не оглянется.

«Как мне быть, Анжиг? Подбежать к тебе, открыться? Ведь ты молчишь, а времени у нас все меньше и меньше: ты сам говорил, что пойдешь в военкомат, попросишься в армию. Мы расстанемся. Неужели расстанемся, ни о чем не сказав друг другу?»

Анжиг помахал Цаган и погнал овец дальше. Цаган запрягла верблюда в арбу и медленно поехала за отарой.

Она долго глядела на Анжига, уверенно ведшего отару, и запела:

На рысакe быстром  
среди празднующих людей  
если бы ездил он.  
Бембя, весельчак голосистый,  
о грустной судьбе своей  
если бы ведал о-о-он!

Она протяжно произносит слово «он», и его отзвук катится по степи. Анжиг услышал песню и стал подсви-

стывать ей. Он знал этого Бембю, веселого парня, певца и плясуна. Бембю ушел в армию. Отличный наездник, призер многих скачек, он и в армию уходил со своим конем. С ним вместе его сверстники, тоже на конях, украшенных красными лентами. Их провожали девушки, грустные красавицы. «А мне идти в армию из чужих краев, без коня и красных лент, без красивых песен», — подумал Анжиг.

## 17

Главная улица Элисты начинается недалеко от аэродрома и тянется на несколько километров до двух мельниц-ветряков. Остальные улицы пристраиваются к главной, равняются по ней. Сегодня здесь проходят оккупанты. Их шаги отдаются в сердцах жителей захваченного города. Следы кованых сапог остаются не на мостовой, а в душах людских. Фашисты бросили в степную республику тысячи солдат, танки, самолеты. Степь уродуется гусеницами бронированных чудовищ, бомбами, снарядами, минами. Рушатся дома, школы, клубы.

Люди отсиживались дома, опасались даже в окно взглянуть — заметят пришельцы, заподозрят в шпионаже и еще в чем-нибудь, горя не оберешься! Лучше подальше от глаз этих извергов. Кажется, и деревья на городских улицах понимают — в Элисте враг; ветви их никнут, безжизненно висят вялые листья.

А во дворе гестапо собираются немногие довольные приходом оккупантов. Они важны — считают, что настал их час; они торжествуют в предвкушении благ, снюхиваются, готовясь вместе делать черные дела.

Пришел Басанг Огдонов, за ним — некий Савельев, пронырливый и лживый настолько, что и за обычным «менде»<sup>1</sup> слышится подвох; появились гнусный и жадный, словно голодный пес, Цуглинов и не менее гнусный холуй Труба.

Они сгрудились вокруг Тюджгирова, наглого и властного. Его банда насторожена и подобострастна. Мотнет он головой, и любой бросится исполнять его волю.

Тюджгиров окончил высшую диверсионную школу при германском генеральном штабе. На плечах его погоны обер-лейтенанта.

---

<sup>1</sup> Менде — здравствуй.

Из-за угла дома показался полковник Вольф. Тюджгиров щелкнул каблуками, выпятил грудь, выставил подбородок. Полковник едва кивнул и скрылся в доме. Через минуту он потребовал к себе Тюджгирова и его подручных.

Вольф вышел из-за стола и пригласил рассаживаться.

— Будем знакомиться. Вот вы...

Савельев встал.

— Я, господин полковник, пария, — сказал он с той самодовольной усмешкой, которая должна была означать, что его положение не соответствует тому, на что он способен.

— Были парией, были. Теперь забудьте это слово. Дышите полной грудью, будьте как дома. Так, кажется, говорят русские? Вы здесь хозяин. И вы и ваши соратники!

«Соратники» достали платки, приложили к глазам: они растроганы и не в силах сдержать слез благодарности.

— Доброму слову душа радуется, — проговорил Савельев.

— Верно сказано, — решил вставить свое слово и Огдонов. — Времена меняются да две... да две... — он сбился и испуганно замолчал.

Тюджгиров пришел на помощь:

— Времена меняются, да две почки лишь вместе сохраняются...

— Вот-вот, — обрадовался Огдонов. — Это мне хотелось сказать...

Полковник не понял игру слов, но одобрительно кивнул. Когда все представились ему, он разрешил высказаться от души.

— Долго мы, господин полковник, ждали этого дня, — начал Савельев. — Не нахожу слов, чтобы поделиться тем, что было пережито нами. Один господь знает, что мы вынесли. Унижение было нашим уделом. Мы мерзли в мороз, изнывали от зноя, пострадались и наголодались. И это было не самое страшное. Каждую ночь за нами могли прийти. И что поделаешь — идешь, куда ведут.

— Ай-ай-ай! — сочувственно отозвался полковник. Это подбодрило Савельева, и он продолжал с пафосом:

— Натерпишься страху в застенках НКВД! Там короткий разговор!..

— Ай-ай-ай! — снова произнес полковник.

— Спасибо вам на ласковом слове,— прочувственно сказал Савельев.— Можно закурить?

— Можно-можно, конечно курите,— поспешил разрешить полковник.

Савельев глубоко затаился, опустил голову, точно собирался с мыслями:

— Дали мне десять лет и отправили в Сибирь, в тайгу, к медведям. Отбыл срок от звонка до звонка, всякую работу делал — там с нами не нянчились. Вернулся, но покоя не было — могли снова забрать. Но благо — обошлось. Поступил в истопники, затаился, надеясь на лучшие времена. И вот я здесь.

Полковник поощряюще улыбнулся:

— С сегодняшнего дня вы, господин Савельев, начальник полиции. Вы знаете методы работы НКВД — на себе испытали их. Поэтому сразу решительно беритесь за дело. Ни часа терять нельзя — мы окружены врагами. Пока не уничтожим их — не будет нам покоя. Они всюду, они таятся и на земле и под землей. С коммунистами должно быть покончено. Мы и покончим с ними, господин начальник полиции!

Савельев поклонился и, сияя глазами, сказал:

— Гут, господин шеф, гут!

Во время этого разговора Огдонов сидел как на иголках. Он знал, что после Савельева полковник займется им. Огдонов боялся сказать что-нибудь не так, произвести плохое впечатление и прогадать при распределении должностей. С лица его пот градом катился, колени вздрагивали.

Тюджгиров видел это и думал, как помочь ему. Как только Савельеву было позволено сесть, Тюджгиров кивнул Огдонову: встать.

Тот вскочил, вытянулся, и Тюджгиров на немецком языке стал рассказывать о нем. Наверно, он не жалел похвал: полковник все с большим интересом поглядывал на Огдонова, а потом сказал по-русски:

— Вам доверяется управлять здешним степным краем. Теперь вы самый знатный из калмыков. Мы полагаемся на вас. Подчиняться будете лишь мне. Лишь мои указания для вас обязательны.

Басанг не ожидал такого оборота — он даже онемел и потерялся.

— А что я должен буду делать? — выпучив глаза, спросил он.

— Поймете, когда приступите к исполнению своих обязанностей. Да мы дадим вам инструкции. Важно быть готовыми честно служить рейху, новому порядку — остальное получится. Можно на вас надеяться?

— Конечно! Конечно,— заверил Огдонов.

Он почти не слушал, о чем полковник говорил с другими — ему хотелось, чтобы все закончилось поскорей, чтобы пойти домой, рассказать обо всем жене.

Теперь он, Басанг Огдонов, на коне, удача идет ему в руки, он уж ее не упустит!

## 18

Бадма добрался до Калмыцкого Базара, узнал, как пройти в обком. У входа он одернул на себе одежду, подтянул ремень и решительно шагнул в дом. В длинном коридоре множество дверей. За которой кабинет первого секретаря? Наугад открыл одну и попал в точку. Это было хорошим знаком!

Помощница секретаря глянула на документы, разрешила войти в кабинет.

Секретарь был не один. Все находящиеся в кабинете повернулись к Бадме, узнали его и обрадовались. В теплом взгляде Григория Ивановича Бадма прочитал: «Хлебул ты, Адучиев, туго тебе пришлось в эти дни».

Всегда аккуратный, на этот раз Бадма был не в самом лучшем виде. Одежда запылена, давно нечищенные сапоги порыжели. Щеки впалые, скулы выдаются, веки покраснели, на лбу обозначилась резкая морщина.

— С прибытием тебя, Бадма Хабанович. Расскажи нам, как прошел перегон.— Секретарь встал и подал руку Бадме.

— Скот уже на казахстанских землях... Люди все целы.

Бадма был краток. Задали ему несколько вопросов, и Григорий Иванович сказал:

— Тебе, Бадма Хабанович, надо хорошенько отдохнуть. Знаю, ты заявишь: готов немедленно взяться за новое задание, хочешь пойти в армию. Делами займемся завтра — подготовишь подробный доклад, сдашь документы. А теперь иди...



Григорий Иванович проводил Бадму до двери и попросил женщину, сидевшую за столиком в приемной, заняться, как он сказал, «замученным путешественником».

Женщина повела его в гостиницу. На улице уже стемнело. Ни огонька вокруг, а когда-то Калмыцкий Базар весь сверкал фонарями. Теперь окна черны, двери плотно закрыты. Люди остерегаются бомбежек.

Квартал прошли молча, а потом Бадма спросил:

— Сестрица, какие у вас тут новости?

Она не ответила, и он подумал, что она не расслышала его. Хотел было повторить вопрос, но женщина произнесла:

— Какие у нас новости... Как у всех...

И столько печали было в ее голосе, что он понял: у нее большое горе.

Немного погодя спутница Бадмы заговорила, тихо и горько:

— Мы здесь не надеемся на хорошие новости... Позавчера я получила письмо от сослуживцев мужа. От него самого давно ни строчки не было. Товарищи сообщают, что вместе с ним участвовали в большом сражении. Из него мой муж и не вернулся. Пишут, что он был хорошим командиром, что они жалеют его и просят меня не отчаиваться, не поддаваться беде...

Голос ее прервался. Она словно проглотила что-то, — наверно, пыталась подавить слезы. Так бывает, когда внезапно лопнет струна домбры: тоскливый звук и еще что-то неслышное и жалобное. Бадма не знал, как утешить ее, но она сама справилась и сказала:

— Одно не оставляет меня: где он, что с ним? А вдруг он попал в плен? Это ужаснее смерти — быть в лапах у фашистов.

— Не думайте о плохом, — произнес Бадма. — Может, он живой и отзовется еще.

— Вот тут гостиница. Спокойной ночи.

Бадма лег уже в постель и только тут почувствовал, как сильно устал. Думал, что заснет немедленно, но сон не шел к нему. Попытался думать о чем-нибудь постороннем, незначительном — и из этого ничего не получилось. Глаза его закрыты, но перед ним проходят картины, которых видеть не доводилось, но которые были так зримы, точно он был свидетелем боев... Крупный человек ползет по земле. Он военный, на пилотке горит красная звездоч-

ка, на петлице — прямоугольник. Он не поднимает головы, приник к траве — вражеские наблюдатели не должны заметить его. Его и бойцов, ползущих за ним... Вдруг капитан вскочил, поднял над собой автомат, скомандовал: «За мной, вперед!» — и побежал. Огонь противника усиливается, но подразделение движется вперед, не страшась потерь. Фашисты поднимаются в контратаку — две цепи сходятся. Гитлеровцы дрогнули, но на помощь им пришли танки. Наступающие залегли и открыли пальбу по танкам. Два из них уже горят. Третий накатывается на командира — вот-вот раздавит. Капитан приготовил связку гранат и выжидает. Когда машина приблизилась, он встал на колено и швырнул связку под гусеницу. Грохот, ляг — и танк замирает. А капитан, схватившись за грудь, беззвучно опускается на землю. Бойцы, отбивавшие контратаку, не заметили этого. Огонь невыносим, и подразделение медленно пятится назад — к своей траншее. В ней и обнаружили — командира среди живых нет...

«Так мог погибнуть муж этой славной женщины. Командир, коммунист мог окончить жизнь подвигом, но о нем сообщат: пропал без вести».

С этой мыслью он заснул.

## 19

Страна была в опасности. Об этом прямо говорилось в новом приказе Верховного Главнокомандующего. Он требовал усилить сопротивление, остановить врага. Ни шагу назад!

Упорно, до последней капли крови биться за малейший клочок советской земли. Ни шагу назад!

Держаться за каждый дом, каждую балку, каждую дорогу. Ни шагу назад!

От решающих битв на южном фланге советско-германского фронта зависит судьба Отчизны. Ни шагу назад!

Все советские люди услышали этот призыв. На заводах работали, забывая об отдыхе и еде, — больше оружия и боеприпасов стране! Ни шагу назад!

Колхозники и работники совхозов почти все — до зерна, до грамма мяса — отдавали армии. Ни шагу назад!

С небывалым подъемом дрались фронтовики, спешили на передовую переформированные части и выздоровевшие после ранений бойцы и командиры. Ни шагу назад!

Сталинград не сдавался, Сталинград стоял насмерть.

В Элисту перебазировались шестнадцатая мотодивизия и выделенные в помощь ей некоторые части шестого румынского корпуса, которые должны были ударить по Астрахани. Если бы оккупанты выполнили свой план — еще тяжелей стало бы защитникам Сталинграда. Поэтому Советское Верховное Главнокомандование дало указание во что бы то ни стало удержать территории, прилегающие к устью Волги. Была создана двадцать восьмая армия, в которую вошли одна дивизия, три новые бригады и другие части и соединения, оказавшиеся в этом районе. Едва сколоченная армия с ходу вступила в бой, она решительно контратаковала противника и остановила немецко-румынские войска на участке Утта, Хулхута, Юста, Енотаевка.

Батальон старшего политрука Убуша Харадаева оседлал автотрассу, что шла на Астрахань.

Степь, открытая на все стороны. Голая земля. На десятки километров видно окрест — ничто живое здесь не укроется. Ни лесов, ни зарослей камыша, по которым можно было бы подбрасывать живую силу и боеприпасы, прикрываясь которыми подразделения совершали бы необходимые маневры. Окопы и траншеи сразу выдают себя: земля здесь красноватая и брустверы видны издалека.

Трудно здесь обороняться, трудно снабжать войска, трудно готовить пищу и доставлять ее сражающимся. Ко всему не хватает автомашин, а на лошадях, верблюдах, быках много ли чего перевезешь.

Солнце печет. Земля суха, как порох. В колодцах воды мало, приходится возить ее из Астрахани. Причем к колодцам днем ходить опасно. Только ночью бойцы могут набрать во фляги колодезную или привозную, теплую и сладковатую воду.

Немцам на этом участке полегче: из глубины их обороны к колодцу на нейтральной полосе ведет небольшая, но достаточная для скрытного передвижения складка. По ней можно добраться до колодца с пресной и холодной водой...

Смелые контратаки молодой армии на какое-то время образумили фашистов. Они затихли, зарылись в землю и не пытаются наступать. Не поймешь, то ли они отдыхают, то ли накапливают силы для неожиданного штурма наших позиций.

Старший политрук Харадаев не покидает наблюдательного пункта. Он ощупывает взором бугорки, рытвинки, изгибы вражеских окопов. Ни один дымок, ни один клубочек пыли не остается незамеченным. Рядом с ним на дне траншеи разостлана схема переднего края. Порою Убуш наносит на нее условные знаки — уточняет огневую систему врага.

После полудня к комбату явился командир роты лейтенант Нестеренко.

— Что-то не нравится мне эта тишина. Неспроста немцы так упорно молчат, неспроста. Что-то они затевают, но что?.. Эх, узнать бы, что у них на уме! — сказал Убуш Григорию.

— У нас один выход — выслать разведку, — проговорил лейтенант.

— Это ясно, — отозвался комбат, не опуская бинокля, — но из наблюдения надо выжать все, что оно может дать... Я не зря тут сижу. Заметил одно обстоятельство: они перестали ходить к колодцу в урочище. Почему? Что им мешает? Может, нашли другой путь?.. А если дело в другом? В чем же?.. И что должны предпринять мы?

Комбат не поделился всем, о чем думал: надо сначала проверить свои предположения, а потом уж знакомить с ними подчиненных. Лейтенант побыл еще немного и ушел к себе в роту. Убуш остался на наблюдательном пункте и сидел там до вечера.

Прекратив наблюдение, Убуш позвонил командиру полка, сказал ему, что есть срочное дело, надо увидаться.

— Давай ко мне, — ответил командир полка.

В землянке командира был и начальник штаба. Офицеры изучали карту и чаевничали.

— Садись с нами, — предложил командир полка.

— Чай пить — не дрова рубить, — сказал Убуш, протискиваясь за маленький столик. — Еще не было случая, чтобы калмык отказался от чая. А я не составляю исключения.

Убушу подвинули кружку с кипятком и мешочек с сахаром.

Помешивая ложечкой чай, старший политрук мечтательно произнес:

— Эх, калмыцкого бы чая сейчас!

— Он что — какой-нибудь особенный? — спросил начальник штаба.

Убуш отхлебнул из кружки, ответил:

— Еще какой особенный... Необыкновенный чай!

— Слышать слышал, а пить не приходилось,— сказал командир полка.— Салом его заваривают, что ли?

— Примитивные сведения у вас, товарищ командир. Наш чай — джомба — это произведение искусства... Берет калмычка родниковую воду, кипятит, заваривает непременно в кастрюле, а еще лучше в котле. Потом добавляет определенную дозу молока, соли, кладет по вкусу гвоздику, лавровый лист, мускатный орех. И это еще не все. Надо уметь его помешивать. Поднимаешь над кастрюлей поварешку с чаем, выливаешь и снова набираешь и поднимаешь. И так девяносто девять раз. А потом надо закрыть кастрюлю, дать чаю настояться. Он становится густым, желтовато-розовым, ароматным. Я могу десять таких кружек нашего калмыцкого чая выпить!.. Вот уж полтора года, как его в рот не брал.

Убуш проглотил слюну, а командир расхохотался.

— Надеемся, что в свое время и нас угостите,— сказал командир полка.— А пока выкладывай, что там у тебя...

— У фрицев все тихо. Я наблюдал с разных позиций и в разное время. Все будто мертво...

— Какую-нибудь мерзость затевают,— проговорил командир полка, встал, походил по землянке.— Не иначе...

Убуш рассказал о своем замысле. Командир слушал внимательно, не перебивая. Когда Убуш закончил, командир полка глянул на начальника штаба. Тот согласно кивнул.

Убуш ушел к себе в батальон. Когда дверь за ним прикрылась, командир полка сказал начальнику штаба:

— Замечательно, когда командир — человек думающий, ищущий, настойчивый... Головой надо воевать, хитростью брать, тогда и сил меньше нужно. Люблю таких командиров, как Харадаев и Нестеренко. С такими быстрой фрица раскroшим...

В жарких районах нашей страны есть реки, которые к устью становятся не шире, а уже: каналы и арыки расходятся от них, как жилы, вода постепенно растекается по полям. Вот так же растекался поток гуртов, отар и

табунов, пришедших из Калмыкии. Отара Хары, один табун лошадей и два гурта коров и волов направлялись в колхоз «Алгабас», где председателем был знакомый уже Тулеген-ага.

Рано утром, когда солнце, пробивая сиреневую полоску сумрака, выкатывалось из-за горизонта, Тулеген-ага с двумя женщинами приехал к Харе: он, как вежливый хозяин, встречающий гостя у входа в дом, приветствовал прибывших на землях своего колхоза. Не успели спешиться, как женщины Мариам и Маржане познакомились и затараторили с Цаган. Они посмеивались, порой переходили на шепот. Видно, у них сразу появились какие-то свои секреты.

— Ну и народ! — покосился Тулеген-ага на разговорчивую тройцу.— Сейчас все новости в окрестности переберут, по всему выскажут свои суждения. А мы, мужчины, курим, запинаемся, не зная, с чего начать, чтобы не болтать попусту и не унизить себя несдержанностью в беседе...

Тулеген-ага не был раздражительным человеком. И если в его словах можно было уловить нотку неудовольствия, то это оттого, что он крайне устал. Лицо его было серым, видно, он редко высыпался как следует. Да и чему тут удивляться: война! В колхозах работы не убавилось, а людей мало. Мужчины на фронте, почти все держится на стариках, женщинах, подростках.

Скот, пригнанный с востока, Тулегену-ага надо было устроить, обеспечить кормом. А как это сделать, если построек и сена своему скоту не хватает?

Немало пришлось подумать старику председателю. Еще больше седин стало в его волосах, еще больше морщин на лице.

Калмыцких животноводов решили разместить в домах здешних колхозников, продукты для них выписали из небогатой колхозной кладовой...

Женщины наговорились, Цаган занялась приготовлением чая.

Мужчины обдумали самое главное, что надо было сделать в первые дни жизни и работы на новом месте.

Цаган достала самую лучшую фарфоровую пиалу и налила в нее чай для Тулегена-аги. Он сделал глоток, почмокал:

— Ароматно, вкусно!

Он не спеша выпил чай. Цаган налила ему снова. Расправившись и с этой пиалой, Тулеген-ага похвалил:

— Жаксы. Калмак чай жаксы!

Старик вытер усы, удовлетворенно крикнул.

— Наша Цаган — мастерица,— сказал Хара.

Девушка покраснела от удовольствия:

— Было бы молоко, масло и еще кое-что — ничего хитрого, всякий приготовит!

— А чего же еще тебе, кроме молока и масла!

— Вода, например!

— Этого добра у нас сколько угодно,— рассмеялся Тулеген-ага.

После чаепития Тулеген-ага дал Харе свежую газету. Тот посмотрел фотоснимки, постеснялся сказать, что по-казахски не читает, и отложил газету.

— Значит, так,— сказал Тулеген-ага.— Поднимаемся в дорогу. Скоро будем на месте. Доберетесь до своего дома, умоетесь, отдохнете, а там начнется нормальная работа.

— Спасибо тебе, большое спасибо,— говорит Хара.— Дни стоят теплые, наша бригада могла бы пока и без дома обойтись...

— Ну нет,— возразил Тулегец-ага,— на улице вас не оставим, будете жить у своей сестры.

— У какой сестры? — в один голос спросили Хара и Цаган.

— Говорю, что у своей. Живет у нас одна калмыцкая дочь, уважаемая всеми бабушка. Сами увидите, что она очень хороший человек!

Председатель встал. Поднялись и остальные.

— Просьба есть,— сказал Хара Тулегену-ага.— Калмык, где бы он ни оказался, выражает почтение к старшим, берет на себя заботу о младших. Помогите нам достать вина и сластей. Мы не можем прийти к нашей сестре с пустыми руками... А ночевать там будем по очереди с Анжигом — одному из нас надо за отарой присматривать, пока не уйдем на дальние пастбища.

— Будь по-вашему. Все сделаю, тем более что обычаи у нас сходные,— сказал Тулеген-ага и направился к своему коню.

Старика в колхозе любили. Он был строг и справедлив. Для него в артели все равны. Если кому он и оказывает особенное внимание, так это семьям погибших воинов.

Этот суровый и сдержанный человек всегда найдет теплое слово для вдовы или горюющей матери погибшего, поможет им деньгами и продуктами. Он как бы становится отцом осиротевших детей, защитником женщин, потерявших своих мужей. В его колхозе не услышишь женской жалобы: «Если бы муж был жив, со мной говорили бы уважительно».

Тулеген-ага неизменно заботлив и ровен с людьми. Дел у него невпроворот: то начинается сенокос, то надо отремонтировать животноводческие помещения, то найти людей для погрузки продуктов. И приходится председателю изворачиваться, постоянно латать дыры, работать день и ночь, почти не слезая с коня.

## 21

Город нем и глух. Улицы его не слышат песен и веселых восклицаний, не видят радостных лиц, молодых улыбок. Даже птицы на деревьях перестали петь. Даже петухи во дворах молчат. Точно все живое, вместе с людьми, понимает, какая беда свалилась на город.

На стенах — грозные приказы коменданта. Чаще всего в них встречается слово «запрещается», чаще всего называется одна кара — расстрел.

Не поклонился немецкому офицеру или солдату — лагерь.

Испытываешь симпатию к Советской власти — смерть.

Нарушаешь приказ немецкого командования — смерть.

Школы, клубы, кинотеатры закрыты.

Личный скот элистинцев строго учитывается — если обнаружат, что не все животные зарегистрированы, то конфискуют.

Самые характерные звуки, которые часто раздаются на улицах недавно шумного и бойкого города, — это выкрики патрулей, стук кованых сапог и выстрелы. Прохожие, услышав эти звуки, стараются спрятаться. Молодые что-то шепчут с ненавистью, старики молятся: «Господи, пронеси этих извергов».

Редкий домосед отвернет уголок занавески и выглянет в окно — рискованно, можно получить автоматную очередь в лицо.

По тротуару вышагивает худой как жердь гитлеровец Рихтер. Шея у него длинная, сухая, ноги выпрямлены



и напряжены, руки словно щупальца. Глаза злобно прищурены, губы вытянулись в строчку, плотно сжаты.

Рядом с ним семенит Савельев. Глаза его то бегают по сторонам, то вопрошающе смотрят на Рихтера. Точно пес шествует вместе с хозяином, готовый ринуться вперед по первой команде. Подобно охотничьему кобелю, он иногда выбегает вперед — высматривает то, на что надо обратить внимание хозяина. На его лице написаны и жажда добычи, и постоянный страх: он боится, что вместо вооруженных фашистов встретятся народные мстители — тогда несдобровать. Убедившись, что всюду гитлеровские солдаты с автоматами, он облегченно вздыхает и стирает со лба пот. В общем, он ведет себя так, как должен вести всякий предатель, наплевавший в колодезь, из которого пил воду.

Предатель не может не понимать, что когда-нибудь возмездие настигнет его. Но и деваться уже некуда: надо верой и правдой служить новым властям и уничтожать тех, кто может принести ему гибель. Оттого жестокость «нового порядка» по душе ему.

Страх заставляет начальника полиции дурманить голову водкой, которой в его распоряжении хоть отбавляй. Подбодренный парами алкоголя, он бьет себя в грудь и заявляет:

— Давить их, давить, чтобы мослы трещали, чтобы суставы скрипели, чтобы кровь в жилах большевичков закипала!

Савельев, Огдонов и Тюджгиров не одиноки. К ним прибивается разная нечисть, прятанная до поры в темных углах. Подняли головы кулаки, родственники бежавших богачей, преступники, воры, грабители, растратчики. Они выплыли на поверхность, как щепки во время наводнения. «Новые власти» рады им и объявляют их представителями местного населения, представителями народа.

Один из таких «народных представителей» сопровождает Рихтера. Кроме начальника полиции офицера охраняют три солдата с автоматами. Рихтер оглядывает каждый дом, забор, калитку. Он полагается на свой нюх, на свой опыт в ловле коммунистов и евреев. Савельев хочет быть полезным — он тычется то в одни ворота, то в другие, но Рихтер не считается с ним — он верит только себе. Он ни слова не говорит начальнику полиции — командует им с помощью небрежных жестов.

Один дом заинтересовал Рихтера. Он взглянул на номер и фамилию владельца, подошел к забору. Короткое движение руки, и Савельев влетает во двор. Рихтер так же молча расставляет посты: у калитки, во дворе, у входа в дом. Пока офицер делает пометки в записной книжке, Савельев ищейкой обшаривает комнаты. Если здесь окажется еврей, его схватят и через Ставрополь отправят на Украину, в Житомир или Бердичев, по словам фашистов, превращенные в еврейские города. Савельев делает вид, что он ищет оружие, но на самом деле он хочет пожить. Ему приходится считаться с тем, что по праву завоевателя самое лучшее забирает себе Рихтер. Подручному достается то, что не пожелал взять хозяин. Разумеется, Савельев не преминет схватить что-нибудь под носом у офицера, если тот отвлечется.

Есть у начальника и приобретенный им самим опыт: он считает, что жители прячут драгоценности в постелях больных или парализованных стариков и старух.

В задней комнате на кровати лежала старая, худая женщина. Она следила за каждым шагом Савельева горящими глазами, и он решил, что она наверняка страшится того, что спрятанное под ней золото обнаружится. Он оглянулся — не видит ли Рихтер? — и кинулся к кровати, пошарил под матрасом, под подушкой, а потом попытался обыскать старуху: может, на ней пояс с золотом? И случилось неожиданное — больная так резко ударила его по лицу костлявой рукой, что треск раздался.

Савельев отшвырнул старуху — она ударилась о стену.

— Что тут происходит? — спросил Рихтер, входя в комнату.

— Да тут парализованная лежит, мешает обыску, так я ее...

— Гут,— удовлетворенно произнес Рихтер и откинул крышку сундука. Савельева сундуки не интересовали — ни оружия, ни драгоценностей в сундуки не прячут.

Рихтер устал, да и пора было докладывать полковнику Вольфу об итогах операции — он требовал докладывать два раза в день.

Рапорт Рихтера лег на стол Вольфа вместе с другими рапортами. Судя по сведениям, которые дают исполнители приказа, прочесывание города, перепись населения, аресты опасных лиц идут хорошо. Скоро это дело будет завершено. Черным машинам с гестаповской эмблемой не

приходится простаивать — есть кого возить в тюрьму. Да и все другие операции протекают благополучно. Полковник Вольф доволен своей жизнью и службой в Элисте. Меры обеспечения безопасности приняты. Крупные начальники в этот глухой угол пока не заезжали. Вольф сам осуществляет тут всю полноту гестаповской власти.

Режим у него хорошо налажен. В определенные часы он просыпается, плотно завтракает, работает, обедает. А вечерами — отдых с отличными напитками и закусками, с музыкой, к которой полковник испытывает слабость. До Германии отсюда далеко, но Вольфа это не тяготит: он знает Россию, владеет русским языком. Он долго готовил себя к работе в этой огромной и дикой стране и очень доволен, что попал не на Украину, с которой у него связаны неприятные воспоминания. Впервые он попал туда много лет назад, в пору петлюровского владычества. Наступление Красной Армии едва не привело Вольфа к гибели: пришлось бежать, скрываться в степи, в худой одежде, без пищи. Петлюра помог ему спастись. Жутко было, так жутко, что полковник старается не вспоминать об этом эпизоде своей молодости. Случается, что в минуты опьянения эта история приходит на ум, и полковник даже бледнеет от страха и ненависти ко всем русским.

Собутыльникам это бросается в глаза, и они обычно спрашивают:

— Что с вами, герр полковник?

— Пьянею... Голова побаливает, — отвечает полковник и уходит в спальню. Сон помогает снова забыть обо всем печальном и постыдном.

Вольф надеется, что здесь не случится ничего подобного. Надеется, но тревога часто посещает его, особенно в последнее время.

Недавно Бадма Тюджгиров, преданный Германии человек, допрашивал арестованного. Молодой калмык, почти юноша, молча выносил пытки. Он обвинялся в нелестных отзывах о новых властях. Юноша говорил, что никакого отношения к подполью не имеет, что тихо жил у родных, не занимаясь политикой. Как тогда сказал Тюджгиров? Он привел русскую пословицу: «В тихом омуте черти водятся». Как бы в этом тихом омуте не обнаружили черти. Правда, полковник Вольф многое сделал, чтобы предупредить возникновение подпольных организаций, создать невыносимые условия для тех, кто захотел бы

вредить немецким властям. В этой стране всего можно ожидать, но местное гестапо неусыпно, и, да храни нас бог, все обойдется благополучно.

Во всяком случае, не так, как у этих армейских генералов. Вести с фронтов малоутешительные. Сколько раз говорили о том, что падение Сталинграда близко, но город все держится. У верных пророчеств уже борода выросла. Чего они там мешкают? С таким количеством дивизий, с таким вооружением и техникой не такие города можно захватывать. А перед ними что — клочок земли, величиною с ладонь, горстка бойцов противника, вцепившихся в берег! И их не только не сбрасывают в реку, но и не лишают возможности контратаковать. Разучились генералы воевать, разучились штурмовать города!

...Ознакомившись с рапортами, полковник решил пойти поужинать, выпить хорошего вина и лечь спать.

Размышления о делах в Элисте и фронтовых неудачах, видно, сказались на нервах. Вольф пил и ел без удовольствия. Поспешил лечь, но сон не шел. Он старался думать о хорошем — счастливом детстве, о доходах, которые он получит в этой оккупированной стране, пытался даже петь — бессонница продолжала мучить его.

Он забылся, сам того не заметив, и тут началось такое, от чего он проснулся в холодном поту.

Кто-то с длинными волосатыми руками напал на него, схватил за горло, стал душить. Ужас сковал Вольфа, он уже задышался и тут, полумертвый, стал сопротивляться. Вольф вцепился в руки напавшего, хотел оторвать их, но это не удавалось. Он бил ногами по жилистому телу душителя, но тот сел на него верхом и захохотал. Вольф еще раз попытался освободиться, но все было бесполезно. Наконец он вырвался и пустился наутек, но эта бестия, наверное решившая поиграть со своей жертвой, прежде чем покончить с нею, не отставала. Ее дыхание было совсем рядом. Спиной, затылком ощущал его Вольф. И не было силы бежать быстрее. Ноги — как ватные. Вольф упал и очнулся.

— Что бы это могло значить? — думал Вольф, глядя в темноту душевной комнаты. — Предчувствие опасности?..

Давно уже рассвело. В распахнутое окно в комнату врвался чистый воздух. Пахло чем-то приятным, про-

хладным, щекочущим ноздри. Доносился шум листвы и птичий щебет. Лежать бы так весь день, наслаждаясь покоем, чувствуя, как отдыхают натруженные ноги, как на смену мрачным мыслям приходят веселые и ясные. Но разнеживаться некогда. Бадма сбросил с себя одеяло, сделал несколько энергичных движений и встал.

Он посмотрел на плакат, приклеенный к стене, вгляделся в пожилую женщину, поднявшую вверх руку и словно бы обращавшуюся к нему, Бадме, с призывом защитить родную землю, советских людей от врага. Взгляд ее тверд и уверен, полон непоколебимого мужества. Казалось, она видит пожары, полыхающие в городах и лесах, танковые армады фашистов, вытаптывающие посевы, слышит выстрелы, хрипы умирающих и стоны раненых, плач женщин и крики детей. Она зовет в строй всех способных носить оружие. И за ее спиной сверкают штыки бойцов, идущих на фронт. Голос матери услышан ее храбрыми сынами!

«Родина-мать зовет!» — написано на плакате.

«Родина-мать зовет!» — слышит Бадма.

Красный платок и платье этой суровой женщины развеваются, как алое знамя, обожженное в огнях, омытое кровью погибших воинов.

Волосы ее седы — многое довелось ей пережить. Но нынешние беды ни с чем не сравнишь!

Бадма долго глядел в глаза женщины, точно хотел сказать, что услышал ее призыв и готов его выполнить.

...В приемной первого секретаря было человек десять. На нового посетителя они смотрели настороженно: не из тех ли он, кто без разрешения проходит в кабинет? Бадма сел на диван, и ожидающие отвернулись от него — очередь не нарушается, можно быть спокойными.

Из кабинета вышла секретарь, увидела Бадму.

— Григорий Иванович спрашивал о вас, заходите, — сказала она.

Он поднялся и, провожаемый раздосадованными взглядами, открыл дверь.

Григорий Иванович усадил Бадму на стул у стены, закурил, сел рядом. Он молча затягивался, наверное собираясь с мыслями и готовясь к разговору. Лицо Григория Ивановича осунулось, волосы еще больше побелели.

— Хлебнул ты, парень, — произнес Григорий Иванович, словно угадал, о чем думает Бадма, и хотел отвлечь

его от этих мыслей. — Вон как высох, одни скулы да глаза остались.

— Да и вы не прибавили в весе, — в тон ему сказал Бадма.

Они невесело рассмеялись.

— Ну, дружище, — прерывая смех, произнес Григорий Иванович, — не будем жалеть друг друга, а засучим рукава и возьмемся за работу.

— Работа не волк, в лес не убежит...

— Это так. Отдохнуть тебе, безусловно, надо. Дадим несколько деньков на поправку.

— Я о другом, Григорий Иванович...

— О другом, говоришь?

— Угу...

— А здесь я один останусь?..

Бадма не ответил.

Григорий Иванович встал, прошел по кабинету от стола к двери, от двери — к столу.

— Не обижайся, Бадма Хабанович. О другом разговора не будет. Берись снова за «Улан Хальмг».

Григорий Иванович взял со стола газету.

— Я понял вас, Григорий Иванович, — промолвил Бадма, — но и вы выслушайте меня и поймите. В газете работают люди, за которых я ручаюсь. Они справятся... Я же надеюсь, что вы удовлетворите мою просьбу, что вы... — Бадма запнулся.

— Бадма Хабанович, ты — член бюро обкома. На нас, на бюро, возложена задача создавать партизанские отряды, отбирать людей, готовить их. Кого попало в партизаны не пошлешь. Нужны твердые и верные люди... А отбор проводить трудно — он должен быть очень тайным...

Бадма встал, шагнул к секретарю:

— Меня, Григорий Иванович, меня пошлите... Почти все здоровые мужчины на фронте. У нас тут остались больные и инвалиды. Многие из наших работников обременены большими семьями.

— А свою семью и свое здоровье ты не берешь в расчет? — спросил Григорий Иванович и пожалел, что горяча заговорил о том, о чем лучше бы умолчать.

Бадма посуровел, резко завел руки за спину, посмотрел куда-то вдаль, словно сквозь стену. Глаза его горели.

— Сына я похоронил, а жена... что ж, она должна выдержать, — медленно и глухо сказал Бадма, а потом вспыхнул: — Григорий Иванович, я не могу поступить иначе, не могу! В такое время, в такое время... Рука не поднимется подписывать газету... В армию не отпустили — я послушался, но теперь-то вы не можете отказать мне. Направьте меня в партизанский отряд!

Нельзя было понять: слышит или не слышит его Григорий Иванович, дошло ли до его сознания все сказанное Бадмой и он обдумывает свое решение, заняты ли его мысли другим, далеким от этой беседы и он забыл о посетителе? Но вот он оглядел Бадму с ног до головы и осторожно начал:

— Там нужны люди очень крепкие, очень здоровые, выносливые. Не простое дело остаться и бороться в тылу врага. Придется переносить и бессонницу, и голод, и холод. И драться в партизанах — это не на фронте. Возможны рукопашные, возможны схватки, где с автоматом, где с ножом, а где и голыми руками...

Бадма понял, что имеет в виду секретарь. Ему стало обидно, но он сдержал себя и заговорил внешне совершенно спокойно:

— Я отдаю себе отчет в том, что меня может ждать... Но вы не беспокойтесь. Я своей покалеченной рукой владею не хуже, чем другой — здоровой. Я такую оплеуху могу отвесить ею, если понадобится! Но ведь в тылу будут не только схватки лицом к лицу, это же не единственная форма борьбы!

— Я сейчас ничего не скажу, ни «за», ни «против». Вечером у нас заседание — там и потолкуем... Посмотри справки — у нас много вопросов накопилось. Ты еще не партизан, потому давай заниматься и будничными делами, давай соблюдать дисциплину. — Григорий Иванович улыбнулся.

Бадма вышел из кабинета, остановился и задумался.

Надежды на то, что все получится, как хотелось, мало. Раз речь зашла о бюро, значит, сам Григорий Иванович твердого решения не принял, значит, он надеется на бюро, которое своим постановлением оставит на месте настырного редактора. А Бадма уже представил себя в степи, где-нибудь возле дальнего кургана, в кругу подпольщиков, получающих первое боевое задание.

Поспешил ты, Адучиев, поспешил. Бюро потребует ра-

ботать там, где работал, и ничего не напишешь — партийная дисциплина для всех одна...

Но надежда еще остается, она живуча! Бадма нашел тихий уголок в обкоме, достал лист бумаги и засел за новое заявление. С чего начать? Какие аргументы наиболее убедительны? Он писал, перечеркивал написанное и набрасывал новые строки.

Долго просидел он за столом и наконец закончил заявление:

«Бюро Калмыцкого областного комитета ВКП(б)  
от члена партии Адучиева Бадмы Х.

По решению бюро я был ответственным за перегон скота. Как и всем советским людям, мне хотелось с оружием в руках пойти на фронт. Но я понимал, насколько важно сберечь скот. Поэтому, вместо того чтобы двигаться навстречу фронту, я двигался в обратную сторону — в глубокий тыл. Теперь, когда скот в безопасности, когда я могу доложить, что задание обкома выполнил, снова прошу освободить меня от обязанностей редактора и предоставить мне возможность принять личное участие в борьбе с врагом.

Мое место на переднем крае! Прошу учесть, что я владею кроме калмыцкого и русского немецким языком и могу быть особенно полезным, когда оккупанты заняли часть территории нашей республики. Прошу зачислить меня в создаваемый партизанский отряд».

Прежде чем подписать заявление, Бадма встал из-за стола, походил по комнате и сделал приписку:

«Я крепок, здоров, способен выдержать любые испытания, сделаю все для того, чтобы не посрамить чести и достоинства советского человека».

Перечитал написанное еще раз. Подумал, что упрекнул: хвалишь себя, в здоровяки записываешься, а у самого кисть руки не в порядке. А, пусть упрекают. Главное, чтобы разрешили...

Бадма твердо поставил подпись.

Заседание бюро было долгим. Последним в повестке дня стоял вопрос об организации борьбы в тылу врага и в районах, которые могут быть заняты им. В обкоме партии заранее была создана оперативная группа, и ее руководитель сделал сообщение о встречах с представителем Центрального штаба партизанского движения, о намеченных с его помощью мероприятиях, о путях орга-



низации партизанского движения и развертывании подпольной работы.

По мнению оперативной группы, не следовало создавать большие отряды. В открытой степи легче таиться маленьким вооруженным группам. Калмыкия — это не Украина и Белоруссия, где могут скрытно действовать целые партизанские соединения. Здесь лесов нет. Легкие партизанские подразделения Калмыкии, перейдя фронт и углубившись в тыл врага, должны проводить быстрые операции и немедленно исчезать. Отряды в степных районах должны быть подвижны, как челноки швейной машины. Неожиданность маневра, скорость его, внезапность нападения, моментальная смена местонахождения — вот возможная тут тактика партизанской войны. Предстоящие операции сразу получили название «челночных».

Когда все обговорили, Григорий Иванович со вздохом взял со стола лист бумаги, прочел его, точно впервые видел. Бадма понял, что это его заявление, и замер. Что же скажут члены бюро? Как решат они?

Григорий Иванович все медлил. И речь свою начал неторопливо, словно внутренне противился тому, что говорил:

— Бадма Хабанович просил отпустить его на фронт. Теперь он настаивает на том, чтобы его зачислили в партизаны. Как поступим? Он честный и смелый человек, знает наши степи, владеет тремя языками, в том числе и немецким... Нам нужен комиссар формируемого партизанского отряда...

## 23

Вечерело. Тулеген-ага послал трех колхозниц подменить бригаду гостей, постеречь отару, пока они будут заняты. Хара, Анжиг и Цаган, взяв приготовленный подарок, пошли к той женщине, которую, еще не увидев, называли старшей сестрицей.

К этому случаю Цаган достала из своего узла цветастое шелковое платье с короткими рукавами. Оно было таким легким и так ладно сидело на девушке, что, казалось, одно движение — и она взлетит птицей. Волосы заплетены в толстую косу и откинута на спину. Поколебавшись, Цаган вытащила белые туфли и переобулась. Анжиг стоял в сторонке и смотрел на девушку. Цаган, застеснявшись, отвернулась, и Анжиг отошел к Харе. Убе-

дившись в том, что парень не смотрит на нее, Цаган отстегнула брошку от того платья, в котором ходила в будни, и приколотла к праздничному. В белом кружочке был узор, напоминавший букву «А». Каждый раз бросая взор на брошку, Цаган повторяла про себя: «Анжиг, мой Анжиг...»

А он уже был готов идти в гости. Старательно зачесаны назад черные густые волосы. Белая рубашка, синие шерстяные брюки, шевровые туфли — все сидит на нем ладно. Любой девушке понравился бы такой парень, но сердце-то у него одно и принадлежит оно одной.

А Хару и не узнать сразу. Он в белой вышитой рубашке, подпоясанной красивым поясом с кистями. Брюки заправил в сапоги, а сапоги надраены так, что хоть смотришь в них. Черный пиджак — на руке: без него идти неудобно, а наденешь — рубашку помнешь.

Когда сборы закончились, пошли в аул.

Возвращалось с пастбища стадо. Все жители, старые и малые, высыпали на улицу встречать скот. Кругом веселый и озабоченный шум — животные мычат и блеют, женщины отгоняют детишек, чтобы не попали под копыта, зазывают коров. Но показались незнакомые, и в ауле затихло: кто эти люди, куда идут, к кому?

Путников нагнал Тулеген-ага на своем скакуне. Он соскочил с коня, пошел рядом, ведя гнедого в поводьях.

— А вот и дом вашей сестры, — немного погодя сказал Тулеген-ага.

Свернули к невысокой оградке. Во дворе молодая смуглая женщина управлялась со скотом. Увидев гостей, она вбежала в дом, почти тотчас же вышла обратно, а вслед за ней показалась рослая седая старуха. Тулеген-ага добродушно улыбнулся ей:

— Салям бердык, шиши!

Он проговорил несколько фраз, показывая поочередно на Хару, Анжигу и Цаган. Старуха пригласила всех во двор, обняла каждого, расцеловала. Она так растрогалась, что даже всплакнула. Вытерев слезы, повела гостей в дом. Шла она легко и быстро — как бы помолодела от радости. Ей уже за семьдесят, здесь она родилась и выросла. Всегда жила хорошо, почти не зная нужды, а в душу иногда закрадывалась грусть. Ее всегда тянуло к своим соплеменникам, к отчему народу. Хотелось повидаться с ними, и вот давнее желание ее сбылось.

В доме всюду ковры да войлок. Гости разулись у порога, прошли в глубину большой комнаты, сели на ширдыки<sup>1</sup>. Старуха дала всем по подушке. Тулеген-ага положил подушку сбоку, оперся на нее локтем, удобно вытянул ноги. Хара и Анжиг последовали его примеру. А Цаган села по-девичьи, подобрав под себя ноги.

Старуха вышла. Судя по доносившемуся властному голосу, она давала распоряжения молодой смуглянке. Минуту спустя хозяйка возвратилась.

— Ну, расскажите мне, как вы поживаете. Благополучны ли ваши семьи, родные места, хозяйства? — переводил ее вопросы Тулеген-ага.

Хара вздохнул, помолчал, раздумывая, и ответил:

— Как вам сказать, сестра? Половина нашей земли в руках врага. А о семьях, их жизни вот уже два месяца ничего не знаем. Все время были в дороге, гнали скот, пока не добрались сюда...

— Не расстраивайтесь, бедные мои, все будет хорошо!.. Ой, алла!.. Два моих сына на войне. Вчера получила письмо от старшего, сегодня — от младшего. Пишут, что живы и здоровы. Воют, — сказала хозяйка.

Пока шел разговор, молодая невестка старухи постелила клеенку, принесла блюдо с баурсаками<sup>2</sup>. За нею появилась другая молодайка. Она держала в руках тазик и глиняный кувшин с водой. По очереди вымыли руки. А на клеенчатой скатерти становилось все тесней: там появился самовар, пиалы и рюмки. Опустившись на корточки, старшая невестка разливала чай.

Старая сестрица калмыков с благодарностью приняла гостинец, а водку подала Тулегену-ага. Он наполнил рюмки и первую поднес старухе. Она сказала длинный йорел, пригубила рюмку и поставила на клеенку. Мужчины выпили, закусили, и все стали пить чай и беседовать. Очень мешало то, что на всю компанию был один переводчик — Тулеген-ага.

— А вы, сестра, не забыли, что род ваш ведется от калмыков? — полюбопытствовал Хара.

Тулеген-ага перевел вопрос, и старуха рассмеялась, сказала что-то быстро и весело.

---

<sup>1</sup> Ш и р д ы к и — циновки.

<sup>2</sup> Б а у р с а к и — казахское национальное блюдо, вроде хвороста.

— Она говорит, что всегда помнила об этом, — промолвил Тулеген-ага. — Если бы захотела забыть, все равно не дали бы. Односельчане ее семью так и называли — калмыки. Куда идешь? К калмыкам. Где был? У калмыков. Не подумайте, что обидеть хотели, нет. Привыкли все, словно так и надо. Наши аульчане памятьливы. К предкам относятся почтительно.

Старуха устроилась поудобней и рассказала о своей семье. Эта история передается из поколения в поколение.

— Известно вам, что в давние времена калмыки через казахские земли перекочевывали в Китай? — начала она.

— Конечно, — подтвердил Анжиг.

— ...Так вот, — продолжала старуха, — наша прабабушка, очень красивая семнадцатилетняя девушка — в молодости я на нее была похожа, — вместе с сородичами, со всем скарбом оказалась в этих местах. Семья была небогатая, добра и скота немного, но все равно торопились бежать от царских войск, останавливались ненадолго, чтобы сварить чай и подкрепиться. Готовили только ночами. От одних неприятностей избежатся — другие наступают. Такова судьба бедных и гонимых. Жадный казахский хан решил поживиться за счет беглецов. Он напал на калмыков. Все случилось неожиданно. Люди не смогли использовать даже те силы, какие у них были. Хан захватил скот, многих калмыков взял в плен. Среди полонянок оказалась и моя прабабушка. Ее увидел мой прадедущка, служивший в одной царской части. Он полюбил красивую девушку и решил жениться на ней. Хан уважал его и согласился отдать пленницу ему в жены. Жила прабабушка неплохо. Родила детей, но не переставала тосковать по своему племени. Но что она могла поделать? Так и закончила свою жизнь в казахском краю, положив начало нашему роду. Порой хотела наложить на себя руки, но жила ради маленького сына...

Гости молчали, представляя ту давнюю жизнь и тяготы, перенесенные предками. Перед глазами вставал образ юной калмычки, попавшей в чужую семью. Рядом никого, с кем можно было бы поделиться думами и мечтами, печальями. И она одиноко оплакивала судьбу.

— А вы надолго в наши края? — спросила старуха. Ее слова рассеяли мысли о давнем, вернули гостей к действительности.

— Нет, не надолго, — сказал Хара.

— Почему же? — повернулся Тулеген-ага к чабану.

— Мы на фронте понадобится, — ответил Хара. — А чабаны у вас и свои найдутся.

Тулеген-ага что-то говорил старухе, и она, слушая его, несколько раз повторила: «Ийе, ийе».

«Наверное, она говорит ему: да, да... так, так», — подумал Хара.

— Ваша сестра рада тому, что вы будете жить у нее. Она не торопит вас. Она спросила вас о том, сколько вы будете жить здесь, надеясь, что задержитесь надолго.

Старуха понимала, о чем говорил Тулеген-ага, кивала одобрительно и разводила руками: дескать, будьте как дома, все, что здесь есть, отдается в ваше распоряжение.

Тулеген-ага сидел допоздна. Когда он ушел, старуха велела постелить для Цаган в своей комнате. Другую комнату отвели Харе и Анжигу.

Перед сном Анжиг сказал Харе:

— Прекрасный человек наша сестрица.

— Верно, — согласился чабан. — И новый братишка у нее неплохой, только есть у него один большой недостаток...

— Какой же?

— Девушек, как огня, боится этот храбрец, — подшучивал Хара.

Анжиг почел за лучшее смолчать и лег в постель. Он отвернулся к стене и думал, что упрек, в сущности, верен. Разговорчивый и колкий на людях, смелый в чем угодно другом, Анжиг робеет перед Цаган, боится открыть ей свои чувства, хотя знает, что девушка его не оттолкнет. Но как стать другим? С этими невеселыми размышлениями он и уснул.

Ночью Анжиг внезапно проснулся. Было темно и тихо. Слышался ровный храп Хары. Анжиг сел на постели и стал припоминать прерванное сновидение. Ему чудилось хорошее: он уходил в армию, на фронт. Цаган провожала его. Она держала и не хотела выпускать его руку. А он целовал ее лицо, ее губы, лоб, нос, щеки. Сладостное ощущение не оставляло его, точно он наяву ласкал любимую.

Он снова лег, но так и не заснул. Начало светать. Анжиг неслышно поднялся, оделся, вышел во двор.

Дышалось легко и сильно. За ним из дома вышел и Хара.

— Чего тебе не спится, а?

— Не спится, и все! — весело ответил Анжиг.

— Отчего бы это? Удивительное дело! Такой любитель подрыхнуть поднимается раньше всех! Не прихворнул ты?

— Да нет, не похоже, — ответил Анжиг.

Хара еще раз взглянул на парня и вернулся в дом.

Скоро все обитатели этого гостеприимного дома проснулись. Хозяйка накормила дальних сородичей и проводила их до калитки.

Они шли по улице, а она долго смотрела вслед. «Не думала, что всеобщая беда поможет исполниться давнему желанию. Горе привело вас ко мне. Я позабочусь о вас, дам вам ночлег, поделюсь своим добром... Я все сделаю, чтобы скрасить вам разлуку с родными краями, дороги мои!»

## 24

Убуш и Григорий наблюдали за колодцем.

Солнце, медленно багровея, готовилось спрятаться за краем степи. Темнели розовые облачка, рассыпавшиеся по просторному небу.

— Ветер надвигается, — проговорил Убуш, ощутив на лице дыхание свежих струй воздуха.

Григорий не ответил, точно и не расслышал слов командира.

Солнце наконец скрылось. Опустились сумерки, за ними наступил вечер. А ветер крепчал. Где-то очень далеко сверкнула молния, по степи скользнул мертвенный свет, докатился глухой гром. После вспышки молнии стало еще темней, и раскат грома показался особенно жутким.

— Посылай людей, Гриша. Еще раз предупреди, чтобы шли против ветра, иначе каждый шорох будет слышен фрицам. Двигаться исключительно скрытно и осторожно, не рисковать попусту.

Группа была подобрана заранее и ждала приказа. Старшим был назначен автоматчик Бембя, опытный боец, много раз ходивший в разведку. На его счету уже были «языки». Он немало полезных советов дал своим товарищам, когда готовились к этому новому поиску...

До колодца было недалеко. Бембя с двумя товарищами затаился в небольшой впадине, потом пополз, бойцы не отставали от него. Добрались до места, выбранного для засады, залегли, слившись с землей. Медленно шло время, ожидание утомляло, и в голову лезли мрачные мысли: «Зря тут пролежим — не придут, гады...» Он отгонял эти думы: «Не воздух же они пьют! Должны, должны прийти сюда. Видно, бояться и выжидают».

Было за полночь, когда послышался легкий звон — так бывает, если тронешь дужку пустого ведра. Бембя приподнял руку — просигналил друзьям: «Внимание». Они и без того насторожились и почти не дышали, чтобы не спугнуть немцев и не пропустить ни звука с их стороны. Сердца их стучали медленно и тяжело.

К колодцу направлялась небольшая группа немецких солдат. Сразу нельзя было разобрать, сколько их. За ними двигалось что-то темное, большое. Послышался всхрап, и бойцы поняли, что фашисты ведут за собой лошадь. Кто-то из фрицев сдавленно произнес: «Доннер!» — и снова стало совсем тихо, будто по степи двигались бесплотные тени.

Гитлеровцев было пятеро. Двое стали по сторонам колодца, один вытаскивал ведро с водой, двое других переливали ее в какие-то баки.

«Что же делать?» — думал Бембя. Втроем против пятерых — сил маловато, чтобы бесшумно справиться. Нападешь — они поднимут стрельбу. Откроешь огонь — всполошишь врагов и сорвешь операцию.

Блеснула молния. Бембя увидел, что немцы, навесив на лошадь баки с водой, повернули обратно. Двигались они не таясь: их успокоило то, что степь казалась пустой. Немцы загалдели, а один из них отделился от группы и отошел в сторону. Его позвали, и он буркнул что-то в ответ. Водовозы успокоились и отправились дальше, негромко переговариваясь.

А гитлеровец положил на землю автомат, снял каску и, опустившись рядом, расстегнул ремень... Бембя не сдержал усмешки — картина!

Бембя пополз к немцу, занявшему «позицию» спиной к тому месту, где были разведчики.

Немец что-то напевал. Когда до него оставалось не больше трех-четырех шагов, Бембя бесшумно поднялся, бросился на солдата, придавил его. Тот от страха на миг

онемел, и Бембя успел зажать ему рот. Фриц мычал, пытаясь вырваться, но на помощь Бембе подоспели разведчики и связали пленного. Рот ему заткнули тряпкой.

Разведчики подняли пленного и поволокли к своим. Бембя взял его автомат, повесил на плечо, а свой держал наготове и двигался за разведчиками, чтобы в случае нужды прикрыть их отход.

Водовозы встревожились, со стороны немцев слышались голоса, топот: фашисты искали своего.

— Быстрей, ребята, — торопил Бембя, — как бы они нас не обнаружили.

— Да этот бугай едва идет, весь дрожит от страха! — ответил разведчик.

— Подстегни его!

— Как же его подстегнешь, если на нем штаны не держатся!

— Это даже хорошо — не убежит...

— Все равно путы с него снимать не надо. Мало ли что может случиться...

«Язык», насмерть перепуганный, и не думал бежать. Он покорно шел туда, куда его вели.

В траншее разведчиков встретил лейтенант Нестеренко. Он уже начал беспокоиться о своих людях: гитлеровцы стали бросать ракеты, открыли беспорядочную, частую стрельбу, и командир не мог понять: то ли разведчиков лишь обнаружили, то ли уже преследуют.

Последние метры перед траншеей бойцы вместе с «языком» преодолели бегом — спешили доставить добычу в свое расположение.

Выстроились в змейку — впереди лейтенант Нестеренко, за ним один из разведчиков, третьим шел немец; замыкали змейку Бембя и второй разведчик. Так и двинулись к землянке комбата.

Убуш встретил их у входа.

— Он у вас, ребята, окружен почетом, — сказал комбат бойцам, которые на просторной площадке перед землянкой охватили «языка» полукольцом. — Можно подумывать, что вы эскортируете королевскую особу.

— Если забыть, что во рту у него кляп, а руки связаны за спиной, то его действительно можно принять за кайзера. Важен настолько, что не хочет говорить с гостеприимными хозяевами и не подает им руки, — подхватил шутку лейтенант.



Пленному солдату было лет двадцать пять. Худой, длинный, костлявый, с оттопыренными ушами. Его усадили на землю. Он вытянул ноги, пугливо озирался, но потом успокоился: офицеры ушли в землянку, двое из захвативших его разведчиков сели в сторонке и курили, а охранять остался один. Часовой улыбался чему-то, иногда переговаривался с друзьями. Немец почувствовал, что пока ничто не угрожает ему, стал позевывать, а потом и задремал.

Бембя — это он охранял «языка» — ждал дальнейших распоряжений. В роте ценили Бембю. Он был храбр, находчив, очень добр и весел. Он любил подшутить над друзьями, но никогда не обижался, если им удавалось разыграть его самого. За силу и рост его называли Кряжем, а когда хотели задеть, то заменяли это прозвище другим — Бревно.

Разведчики, отдохавшие в сторонке, нарочито громко, чтобы слышал Бембя, переговаривались:

— Фриц решил соснуть, как бы Бревно не последовало его примеру.

— Оно торчком стоит — не заснет.

— Забыл, что наше Бревно в любом положении может спать?

Бембя на первые слова не обращал внимания, а потом шутливо пригрозил:

— Смотрите, как бы я вас самих торчком не поставил!

— Ты кайзера лучше подними!

Бембя шагнул к немцу, хотел окликнуть его: «Тебя сюда дрыхнуть привели? Готовь лучше отчет!» — да спохватился и сморщился от брезгливости: по серому воротнику немца ползла большая, медлительная, как курдючная овца, вошь.

— Чистая раса! — ругнулся Бембя. — Завшивели!

Возле немца стали собираться бойцы. Они с любопытством глазели на пленного, осматривали его, точно перед ними был не человек, а чучело. Впрочем, он и был похож на чучело: грязный, растрепанный, равнодушный ко всему.

Подшел боец, немного понимавший по-немецки. Он попытался завязать разговор с пленным.

Пережегая русские слова с немецкими, добровольный переводчик задавал один вопрос за другим. Пленный

оживился, охотно отвечал, торопливо рассказывал о себе. Оказалось, что воюет он давно, побывал в Париже и Варшаве.

— Ну и как тебе жилось в Париже?

— О, прима штадт, вундербар штадт! — хвалил немец.

— А как тебе тут, в калмыцких степях?

— Нихт, ниht, — забормотал немец, мотая головой. Можно было понять, что здесь ему жарко, мучительно от жажды, не то что умыться — и напиться воды не достанешь...

— А кто тебя звал сюда? Сидел бы у себя в Германии, человеком был бы, а то ошелудивел, как пес! — сердился переводчик. — Дать бы тебе за все, чтобы мозги повывлетали. Мы вас, завоевателей, еще заставим хлебнуть за всё!

«Языка» потребовали в землянку комбата.

Этот пленный был не из тех, что в начале допроса гордо вскидывали голову, отказывались отвечать, грозили, что скоро Гитлер доберется до Москвы. «Язык» сразу же рассказал, что зовут его Гансом, назвал свою часть, сообщил, что был ранен и недавно вернулся из госпиталя, что планов командования не знает.

К каждому ответу неизменно добавлял, что он рядовой солдат, что на фронте ему приходится тяжело — климат невыносим, офицеры обращаются с солдатами сурово, эсэсовцы следят за всеми — неудачно сказанное слово может привести к аресту.

От него и не требовали раскрыть планы генштаба — он их знать не мог. Комбату надо было разобраться в силах и огневых средствах, которые были перед фронтом батальона. Ганс рассказал о количестве солдат в первых траншеях, о расположении пулеметов, пушек и минометов. Эти данные Убуш нанес на схему.

Бембе было приказано отвести пленного в штаб полка. Комбат отправился к командиру.

Пока у начальника штаба допрашивали «языка», Убуш рассказал командиру полка о полученных данных, сверил их с теми, что были добыты ранее. Сведений о противнике было достаточно. Командир рассуждал так: потеряв солдата, враг будет опасаться удара, но не такого быстрого — он прикннет, что нам пужно время на подготовку операции. А мы ее ускорим. Очень важно было

лишить гитлеровцев колодца и пологих скатов возле него.

После долгих подсчетов и тщательного обсуждения вариантов приняли решение: за ночь сосредоточить силы батальона на узком участке перед колодцем, с рассветом провести короткую, но сильную артподготовку и смело атаковать траншеи врага; полностью использовать растерянность фашистов, отогнать их на неудобные рубежи, а самим закрепиться. Обо всем доложили командиру дивизии. Он одобрил замысел и обещал поддержку огнем, особенно отсечным, на случай контратаки из глубины обороны врага. Опасаться можно было удара по дороге Элиста — Астрахань и со стороны расположенных неподалеку Утты и Хулхуты.

Днем проверили оружие, пополнили боеприпасы, до каждого бойца довели план операции, а с темнотой заняли исходное положение для атаки. Бойцы терпеливо ждали рассвета, всем хотелось участвовать в этой операции.

Быстро гасли звезды, бледнели тени, прояснились очертания далеких предметов. Глаза бойцов, проводивших бессонную ночь, лихорадочно блестели.

Разом ударили орудия, окрестность огласилась страшным гулом. В расположении немцев дыбилась земля, кустами вставали взрывы, серели облака дыма.

Артподготовка закончилась внезапно, как и началась. По единому сигналу батальон поднялся и бросился на траншеи врага.

Бойцы продвигались легко и стремительно. Почти вся первая траншея была занята, часть бойцов ворвалась во вторую. И тут немцы опомнились, начали сопротивляться. Усилили огонь, особенно из глубины. Автоматчики фашистов уже цеплялись за каждый изгиб траншей, за каждый блиндаж. Те, которые выбежали на открытое место, залегли, начали накапливаться для контратаки. Примерно в километре от второй траншеи показались автомашины с солдатами противника. Фашисты высыпали на землю и короткими перебежками спешили к пологой высотке, на которой закрепилась уже рота Нестеренко. Лейтенант приказал огня не открывать, подпустить контратакующих поближе.

Они были совсем рядом, но лейтенант молчал. Казалось, вот-вот немцы бросятся в штыковую атаку — бойцам были видны их лица. И тут последовала короткая

команда. Сильный огонь встретил и прижал к земле идущих в атаку.

В тот момент когда поступила команда открыть огонь, Бембя поднялся во весь свой высокий рост и швырнул гранату. В то же мгновение он рухнул на землю. Нестеренко кинулся к нему — весельчак Бембя был мертв.

Раненых все больше, но немногие покидают поле боя. Способные держать оружие остаются в строю.

Пешая контратака сорвалась, но подоспели немецкие танки. Десять машин двинулось на высотку, веером охватив часть степи. Нестеренко приказал приготовить противотанковые гранаты. Телефонист, лежавший рядом с командиром роты, протянул ему трубку. Говорил комбат:

— Гриша, держись, к тебе идут бронбойщики!

Танки миновали залегших фашистов. Те поднялись и побежали следом.

Наши бойцы приготовили противотанковые гранаты и бутылки с горючей жидкостью. Заняли позиции захваченные бронбойщики.

Послышались редкие и хлесткие выстрелы — это подали голос противотанковые ружья. Танк, шедший впереди, замер и вспыхнул. Другие были совсем близко. Оглушительный грохот, лязг гусениц, звериное рычание моторов — все смешалось.

И наверно, не сдержать бы атаки танков, если бы не глубокая траншея, вырытая педантичными немцами по всем правилам.

А потом подоспели танки, присланные командиром дивизии. Контратака была отбита. На поле осталось множество трупов в мышиного цвета мундирах и четыре сожженных танка.

Узел сопротивления врага был захвачен. Батальон Харадаева взял в плен около ста немецких солдат.

Фашисты вели артиллерийский и минометный огонь, но это не помешало батальону закрепиться.

## 25

Анжиг поймал верблюда и привел его на стоянку. Быстро запряг в арбу, уложил мешки, свой и Хары. Цаган, одетая по-дорожному, стояла тут же, бессильно опустив руки. Только что она собрала мужчин в путь, каждого наделила чашкой, ложкой да сменой белья. А теперь с тоской ждала неминуемого — разлуки,

Хара еще раз обогнул стоянку. Все было в порядке, ничего не забыли, честь по чести передали чабанам, которые заменят его с Анжигом. Можно ехать, однако Хара медленно ходил вокруг стоянки, словно запоминал эти места. За каждым шагом чабана следили собаки — мохнатый длинноухий Солтон и Хужурт. Псы помахивали хвостами, косились на хозяина, а потом стали бегать вокруг него. «Понимают бессловесные, что расстаемся», — подумал Хара.

Он подошел к арбе. Как изменилась Цаган! Веселое и улыбочливое лицо ее потемнело, налилось тоской. Губы скорбно сжаты, и ни слова не произносит она, а ведь Хара привык к тому, что она неизменно говорлива и светла. Если Цаган похожа на померкшее солнце, то Анжиг как туча. Шутки не услышишь от него. Худо приходится им, беднягам!

Наконец все было готово. Двугорбый друг заревел и тронулся. Заскрипела арба. Хара забрался на нее. Верблюд широко шагал по дороге, а вокруг расстилалась неоглядная степь. Далеко-далеко колыхалось и текло марево, над ним порой показывались причудливые сооружения — что-то обманчивое и влекущее. Желтела выгоревшая трава. В небе медленно кружились коршуны. Вот один высмотрел добычу, сложил крылья и камнем ринулся к земле. Через мгновение он тяжело взмыл вверх — жертва была схвачена.

Долго ехали молча. Каждый был занят своими мыслями. Арба однообразно покачивалась, Анжиг изредка покрикивал на верблюда: «Хе!»

Хара поглядел на Цаган и заговорил:

— Мы будем писать тебе, а ты аккуратно отвечай. Вернешься домой, передай нашим привет. Если спишешься с Бадмой, передай и ему наши добрые пожелания... Ты не очень расстраивайся. Тебе здесь будет хорошо, люди тут добрые и отзывчивые. Почаще бывай у нашей сестрицы. Если что понадобится, иди к Тулегену-ага, он посоветует и поможет.

Цаган не отвечала.

— Победим врага, приедем домой. И ты вернешься. Там и встретимся, честное слово, встретимся...

Ему хотелось, чтобы Цаган поняла то, о чем он не смел говорить вслух: мол, ты с Анжигом еще увидишься,

расстаетесь вы временно, дождетесь своего счастья, только сумеете сохранить свою любовь...

В ауле они остановились у дома, в котором поселились. Сестра, сидевшая в тени, пошла им навстречу. Тут же примчался Тулеген-ага.

— Чуть не загнал коня — так боялся опоздать. С утра мотаюсь. Был в сенокосной бригаде, потом на кошарах. Едва сумел вырваться — так много дел свалилось. И все срочные...

Старая женщина не поняла, почему так неожиданно приехали с пастбища ее жильцы, почему так спешно прискакал председатель колхоза.

Она пригласила всех в дом, теряясь в догадках и вопросительно поглядывая на Тулегена-ага. Он объяснил: в армию идут твои новые братья. Старуха остановилась, зашевелила губами: молилась. На фронте были ее сыновья, и она желала им и этим будущим воинам удачи, спасения от пуль, мужества и храбрости в боях с врагами. «Все думы и чаяния матери — о детях», — говорят калмыки. Эта старая мать фронтовиков не видела разницы между своими сыновьями и теми, кого она провожала на войну сейчас. Все они были детьми таких же, как она, женщин, для которых нет большей беды, чем война, уносящая людские жизни.

Хозяйка усадила мужчин, подала им чаю. Тулеген-ага достал из кармана бутылку водки, ударом ладони по донышку выбил пробку. Разлил прозрачную жидкость по стаканчикам и первый подал старухе. Она пожелала уезжающим скорого возвращения и пригубила. Мужчины выпили, помолчали. Тулеген-ага закрыл бутылку пробкой и подал Анжигу:

— Положи в мешок, в дороге пригодится.

Встали, вышли на улицу, печальные, неразговорчивые.

Старуха поцеловала Хару в правую щеку и подарила ему серебряную монету. Так же она распростилась с Анжигом.

— Хорошие мои, до свидания, — сказала она. — Счастливого пути, благополучной встречи. Вторую щеку поцелую, когда вернетесь...

Цаган уже сидела на арбе, сквозь слезы наблюдала за сценой прощания.

Анжиг тронул вожжи, и верблюд зашагал по аулу.

Старая хозяйка гостеприимного дома махала отъезжающим платком. Жители стояли возле домов, говорили что-то грустное и доброе. Даже незнакомые провожали будущих бойцов. В эту тревожную пору всех наших людей связывали одни печали, одни надежды.

Далеко за аулом Тулеген-ага слез с арбы, сел на коня: — Ну, ребята, счастливо! Пишите нам!.. До встречи!

Поклонился, подал руку и повернул коня: в ауле председателя ждали неотложные дела.

Перед заходом солнца подъехали к городской окраине. Пообчистились, отряхнули с себя пыль и направились к военкомату. А там людно и шумно, как на базаре в выходной день. Всюду стоят подводы. Суется женщины. Украдкой плачут девушки. Бегают детишки.

Пока мужчины находились у военкома, Цаган сидела на арбе и думала. Она спрашивала себя: кого я провожаю?.. Дядю Хару, старшего в бригаде, хорошего, доброго человека. И Анжига. Не мужа, даже не жениха. Кого же тогда? И сама себе отвечала: любимого, просто любимого. А разве этого мало?

Когда на улице показались Хара с Анжигом, она вопросительно смотрела в их глаза: немедленно уйдут в армию или еще побудут, если не дома, то здесь, в городе? Вот бы оставили тут на несколько дней, чтобы еще побыть с Анжигом. Или призвали бы ее вместе с ним — только бы не расставаться...

— Утром, часов в десять, выезжаем, — сказал Хара. — А теперь нам надо найти комнату: переночуем по-людски. Да и Цаган спокойней будет: пойдет нас провожать, оставит верблюда и арбу там, где остановимся.

Верблюд, никогда не видавший такого скопления людей и машин, пугался, шарахался в сторону, но Анжиг крепко держал вожжи и уверенно вел арбу по городу. Доехали до Урала, переправились через него по мосту, ненадолго задержались на берегу. Рассекая мутные волны, добросовестно пыхтел пароход. За ним на буксире тащились рыбницы и баржа.

Река катилась к морю, сердито билась о берег, выбрасывая серую пену.

— Слышал ты, Анжиг, что по этим берегам прошли наши предки? Тогда река называлась Яиком. Тут ночевали и дневали калмыки, перекочевывая в наши степи...

— Слышал, Хара... Теперь мы тут кочуем...

От реки попали на широкую и длинную улицу. Свернув налево, проехали завод и оказались перед вокзалом.

— В этом районе и будем искать пристанище, — сказал Хара.

— Здесь трудно устроиться. Всюду большие дома. Давайте переедем железную дорогу, в поселок, там и попросимся к кому-нибудь.

Снова погнали растерянного верблюда и остановились, облюбовав белый домишко. Анжиг пошел разузнать, кто тут живет и пустит ли на ночлег. Вернулся с маленьким седоусым старичком. Тот открыл ворота и пригласил постояльцев в дом.

Кроме старика здесь жили его старуха и двое внуков: мальчик лет четырех и девочка лет шести-семи.

Старик показал, где можно умыться, и стал помогать жене собирать на стол.

Чаевничали долго, по-казахски наливая чай в пиалы на самое доньшко. Для калмыков это было непривычно, но они понимали, что в гостях о своих привычках приходится забывать.

Когда встали из-за стола, Хара сказал Анжигу:

— Я тут отдохну, а ты пригласи Цаган в кино, погуляй с нею.

...В кинотеатре шел фильм «Ленин в Октябре». Цаган и Анжиг видели его, но решили посмотреть еще раз. Хотя народу было много, билеты все-таки достали. Лента была дублирована на казахский язык, но оба они хорошо помнили содержание картины.

Вместе с матросами и солдатами, теснившимися на экране, они, волнуясь, встретили стремительного и энергичного Ленина; словно к ним обращенное, услышали первое слово: «Жолдастар!»

— Он говорит: «Товарищи»? — спросила Цаган и тронула руку Анжига. Парень кивнул в темноте и сжал руку Цаган в своей. Она не сопротивилась, только взглянула на него и снова повернулась к экрану.

Так они, не разжимая рук, просидели до конца картины, а потом вышли на улицу. Прохладный ночной воздух смешался с влажным дыханием Урала. Мерцали золотые далекие звезды.

Прогуливаясь, они оказались возле городского парка. Играл духовой оркестр. Послушали музыку и направи-



лись к реке. Быстрые волны холодно серебрились под луной, бормотали что-то грустное и задумчивое.

Казалось, река с чем-то обращается к берегу, а он молчит, и она устало повторяет вопрос, надеясь поколебать немоту темного берега.

Цаган опустилась на песок, нащупала камешек, бросила его в воду. Послышался тихий плеск. Анжиг сел рядом. Он смотрел на черные волны, а мысли его были о Цаган, тихой и печальной. В душе его шла борьба. То ему хотелось заговорить, сказать Цаган о том, что он долго таил в себе, то робость овладевала им и мешала произнести хоть слово, самое простое, самое обычное. Он подбадривал себя: «Смелый найдет там, где робкий потеряет». Но легче было запомнить и продекламировать тысячу пословиц и поговорок, чем поступить согласно им.

А пугавшие его слова вырвались сами, вырвались внезапно:

— Цаган... я тебя... люблю...

Он взял руку девушки, стиснул ее.

— Я не могу без тебя, не могу... Я давно хотел сказать тебе об этом, но слова не шли с языка, вернее, шли не те, которые нужны...

Он говорил не останавливаясь, точно боялся ее ответа. А она слушала его, и в груди ее колотилось что-то большое, сильное.

Она погладила его голову и тихо сказала:

— Верю, Анжиг...

Потом повернулась к нему, заглянула в его глаза, а он привлек ее к себе, обнял за плечи, прислонился лбом к ее щеке, нашел губами мягкие холодноватые губы. Она закрыла глаза, а он целовал ее щеки, лоб, ресницы, подбородок и снова прижимал к губам.

Радость, долгожданная и невероятная, обессилила его, он опустил руки, подставил лицо ветру, набегавшему с реки. А Цаган положила голову на его колени и смотрела в звездное небо, на фоне которого рисовался четкий профиль Анжига.

Стало прохладней. Небо медленно бледнело, звезды, пока самые маленькие, исчезали.

Над домами вспыхнуло зарево, потом показался красный край солнца. Оно на мгновение задержалось, словно оглядывало места, которые целую ночь не видело, и теп-

лыми лучами коснулось лиц влюбленных, бледных, усталых, охваченных радостью и мукой.

Анжиг и Цаган поднялись и направились к дому. Хара уже проснулся. Он поздоровался, не высказал удивления и не спросил, почему их всю ночь не было дома. Он был рад за них, молодых, счастливых.

Команда, в которую назначили Хару с Анжигом, уже была в сборе. Когда офицер со списком сделал переключку, колонну новобранцев повели на вокзал. Цаган вместе с женщинами и детьми шла по тротуару, стараясь не упускать Анжига из виду.

Поезд с паровозом под парами уже стоял у платформы. Отъезжающие разошлись по вагонам, оставили там вещи и снова высыпали на перрон. Хара побежал набрать воды, а Цаган с Анжигом стояли в сторонке, держась за руки и глядя друг на друга.

— Пиши мне каждый день, слышишь, — говорила Цаган. — Каждый день!

— И ты мне пиши часто... Сразу отвечай на письма. Даже не жди, пока получишь, пиши и сама... А когда вернешься в Калмыкию, заходи к моей матери. Ты теперь самый близкий ей человек.

— Все свободное время буду проводить у нее. Я позабочусь о ней. Береги себя.

— По местам!

Эта команда, как выстрел, ударила в сердце. Люди заволновались, громче стали голоса, пронзительней женский плач.

Цаган с мокрым от слез лицом стояла у входа в вагон.

— Бодрись, Цаган. Надейся на лучшее. О плохом не думай, — сказал Хара и вошел в вагон.

Анжигу хотелось поцеловать Цаган, но с детства в сознании укоренилось: нельзя целоваться с девушкой на людях; была бы она женой — куда уж ни шло.

— Будь осмотрительным, не лезь вперед очертя голову, — настойчиво говорила Цаган. — Береги себя, береги!

— Обещаю, но и ты не изнуряй себя, не забывай отдыхать. И не забывай писать мне. Адрес сообщу немедленно, как приеду в часть.

Паровоз загудел, колеса медленно двинулись по рельсам. Анжиг вскочил в вагон, стал в тамбуре, не сводя глаз с Цаган, быстро шагнувшей рядом с поездом. Но ско-

рость поезда росла, девушка все больше отставала. Стуча на стыках, мимо нее пробежал последний вагон. Она остановилась, провожая взглядом хвостовой фонарь. Еще немного, и поезд скрылся за поворотом. Над полотном дороги остались только легкие рваные клочья серого дыма.

Цаган медленно брела по улице, ладонью стирая слезы. Сейчас она приготовит арбу и отправится в аул. И вернется одна, и жить будет одна. Кто скажет: когда придет Анжиг? Не случится ли беды? Не суждено ли им расстаться навеки?

## 26

Сталинград держался. Фашисты рвались к Волге, хотели сбросить в реку защитников города, а они яростно сопротивлялись, наносили неожиданные удары, срывавшие наступательные планы врага. Бои становились все ожесточенней и кровопролитней.

Пока на улицах, в развалинах зданий, в подвалах шли упорные бои, на флангах накапливались войска для прорыва фашистского фронта. От их успеха зависело многое: гитлеровцы вынуждены были оттягивать силы с центрального участка.

В это время командование Советской Армии намечало разгромить закрепившиеся в калмыцких степях части фашистов и погнать их на запад, не давая им возможности закрепиться.

Удар был нанесен между озерами Сарпа, Цаца и Барванцыг и в районе северо-восточнее Малых Дербетов. Фронт был прорван на рассвете, а к полудню дефиле между озерами было захвачено. За несколько часов были уничтожены четыре тысячи фашистских солдат и взята вся артиллерия 4-й румынской дивизии.

Стремительной и эффектной была атака на село Садовое. Наши части, прикрываясь ночной темнотой, вплотную подошли к селу, внезапно ворвались на его улицы. Застигнутые врасплох, немцы выбегали из домов в одном белье. Два пехотных и один артиллерийский полк были разгромлены полностью, осталось около трех тысяч трупов.

Наши танки вошли в прорыв, развернули бои на оперативном просторе. Это вынудило врага снять из-под

Сталинграда две танковые дивизии и бросить наперерез наступающим...

Вести с мест боев докатывались до Элисты. Жители шепотом обсуждали эти радостные новости, а полковник Вольф потерял покой.

Шеф гестапо нервно ходил по комнате из угла в угол, чертыхался. Успехи на фронте отозвались и здесь — под Элистой запылали скирды захваченного фашистами сена, возле Яшкуля была повреждена телеграфная линия, у Троицкого партизаны подпилили телеграфные столбы, и они рухнули на землю. Связь почти всюду стала ненадежной.

Полковник сопоставлял факты и приходил к выводу: в тылу действует несколько диверсионных групп, диверсии проводятся часто, скрытно, но без единого плана. Значит, партизанские отряды еще не успели объединиться. Что же будет, когда они начнут действовать согласованно?

— Не дать им связаться! — воскликнул полковник. — Помешать! Уничтожить их немедленно, порознь, без промедления, иначе будет еще хуже, покоя здесь не видать!

Он сел за стол, уперся в него тяжелым взглядом. Вспомнилась услышанная недавно калмыцкая пословица: «Над смиренным верблюдом легче потешаться». А если он только на вид смиренный?.. Сюда бы того «знатока», который там, в Берлине, инструктировал его, полковника Вольфа! «В степи живут забитые и покорные люди, — говорил «специалист». — Они привыкли к повиновению. Они подобны волам: скажи им «цобе» — идут, скажи «тпру» — стоят. Заяви им, что ты распоряжаешься от имени властей — все равно каких, — они подчинятся тебе».

Полковник криво усмехнулся. Все оказалось наоборот. Калмыки не так просты, как думалось. Никогда не поймешь, что у них на душе, что они замышляют.

Постепенно гнев остывал, и полковник задумался над тем, что надо предпринять для наведения порядка в Элисте и ее окрестностях. Не знал шеф гестапо, что через минуту-другую его размышления будут прерваны...

Как зверь в клетке, метался в своем штабе командир 16-й эсэсовской мотомеханизированной дивизии генерал-лейтенант Гопри. Нигде так худо не приходилось ему, как здесь, в районе Утты и Хулхуты. Потери принимали

угрожающие размеры. Обескровленная дивизия слабела. Ее подкрепили румынскими подразделениями, но от них проку было мало. А поддержка необходима как воздух: в степях зашевелились калмыки, по дивизии бьют с тыла. А этот тупой буйвол Вольф сидит сложа руки, ничего не предпринимает против партизан и диверсантов...

Генерал потребовал соединить его с шефом гестапо и, когда адъютант подал трубку, с ходу заорал в нее...

Телефонный звонок заставил вздрогнуть задумавшего полковника Вольфа. Он помедлил, и звонок раздался снова, резкий и настойчивый. Вольф поднял трубку. Мембрана едва не лопалась от крика. Лицо полковника темнело, губы сжимались, левая щека задергалась. Ошеломленный разнесом Гопри, полковник не смог произнести ничего, кроме: «Да, да, да, господин генерал!»

Бросив трубку, Вольф с яростью пробормотал: «Вот они, тихие и покорные сыны степей... Дали знать о себе!» Полковник машинально ворошил бумаги на столе, бросал гневные взгляды на телефон и проклинал тот день, когда издан приказ, по которому он стал шефом гестапо в этом мерзком краю.

Надо было подальше держаться от того берлинского скота, не надеяться на его покровительство. Как оно обернулось, это покровительство! Заслал в эту дикую пустыню, населенную неблагоприятными азиатами! И этого тупицу генерала надо бы избегать. От него всякой пакости можно ждать. Всю жизнь прослужил в армии и дослужился лишь до генерал-лейтенанта. Бездарь, срывающая зло на людях, неповинных в его неудачной карьере! Сейчас, когда ощутимы потери в командном составе, дивизиями командуют чуть ли не майоры. А этот старый кабан сидит здесь и рычит, точно лев... И как он мог узнать о делах в ведомстве Вольфа? Кто информирует его? Несомненно, сведения к генералу идут отсюда. И передать их мог только Рихтер, только Рихтер, больше никому...

Вольф позвал адъютанта, велел вызвать Рихтера и Савельева. Те явились скоро. Рихтер выбросил вперед руку, выпалил «Хайль!», Савельев низко, чуть не до земли, поклонился и перекрестился.

Полковник не ответил на приветствия, не предложил вызванным сесть. Но Рихтер опустил на диван, а Савельев столбом торчал посреди комнаты. Вольф сделал вид, что ищет нужную бумагу, неторопливо переложил

документы с одной стороны стола на другую. Потом сцепил пальцы и заговорил:

— Мне звонил генерал Гопри. В тылу его дивизии диверсии не утихают. Они подобны тем, что проводятся и у нас. Генералу известно все о наших делах, главным образом — о промахах. О тех, которые допущены моими подчиненными...

Вольф, произнося это, не сводил глаз с Рихтера, но тот был невозмутим — выслушал начальника, не моргнув.

— Так вот, обер-лейтенант Рихтер и начальник полиции Савельев, на вас возлагается важная задача: разыскать, захватить и доставить сюда организаторов диверсий. Арестовать распространителей слухов об успехах русских и наших поражениях. Идите!

Полковник снова остался один в кабинете, и снова в его ушах забили оскорбительные слова генерала: «Зачем вас прислали сюда, полковник? Брюхо отращивать? Оно, паверное, уже так велико, что вы под носом своим ничего не видите!.. Вы спите там!.. Бездельничаете!.. Устроили себе курорт!.. И такой невежда, как вы, считается специалистом по работе в России! Позор!»

Действительно, позор, что этот старый веник позволяет себе так разговаривать с полковником гестапо! Он еще пожалеет, он узнает, как оскорблять Вольфа!

Полковник приказал вызвать к нему городского голову Трубу и его заместителя Цуглинова. Они вбежали запыхавшиеся, потные. Вольф брезгливо смотрел на них и думал: «Они стоят друг друга... Да где взять лучших? Вот и приходится пользоваться услугами этих отбросов. Вору, доносчику, изменнику, они и нас могут предать, как предали большевиков...»

Вид этих новых «друзей Германии» рассмешил полковника. Злость оставила его. Он встал из-за стола, выпрямился, выпятил грудь, прошелся по комнате, поблескивая начищенными сапогами. Лица Трубы и Цуглинова поворачивались в ту сторону, в какую шагал шеф. Он затеял игру: стал ходить быстрее и резче поворачиваться — быстрее задвигались при поворотах, задержались щекастые лица.

Ненадолго забытые дела напомнили о себе, и Вольф вдруг остановился.

— Где список активистов, который вы должны были представить?

Труба вздрогнул:

— Савельев... Полиция... Это они...

— Полиция, полиция! А чем будет заниматься городское управление? — раздраженно сказал полковник. — Запомните: пока не выловите активистов, никому не будет покоя. А вам — в первую очередь!.. Я вам покажу, как надо служить новому порядку! Идите и выполняйте мой приказ!

Ни городской голова, ни его заместитель не имели сведений о тех активистах, которые эвакуировались, и о тех, кто остался в Элисте. В сущности, все надо было начинать сначала. Они решили прочесать город, взять всех подозрительных.

Направились на базар. Впереди шел Труба с Цуглиновым, за ними, немного поодаль, Савельев с несколькими полицаями.

Оглядывали каждого встречного, прислушивались к каждому слову.

Мужчин на базаре было мало. Торговлей в основном занимались женщины. В продаже — овощи. Мяса не достанешь. Немногочисленные покупатели и продавцы, увидев полицаев, забеспокоились.

Цуглинов надумал походить в одиночку, понаблюдать за людьми. Он остановился, чтобы передохнуть и выкурить сигарету. Не спеша размял ее в пальцах, с удовольствием затянулся. В это время к нему подошел невысокий загорелый мужчина:

— Товарищ, разреши прикурить...

Цуглинов насторожился, сузил глаза, свел брови над переносицей.

— Твои товарищи там, за Волгой. — Он ткнул большим пальцем назад, через плечо.

Мужчина вздрогнул, лицо его посуровело. Он сделал движение, точно собирался вцепиться в горло Цуглинова, но опомнился и сдержался: на людной базарной площади лучше попытаться скрыться. Однако было уже поздно. Цуглинов жестом позвал Савельева, и мужчина, допустивший неосторожность, был схвачен. Полицая подвели еще трех женщин, а Труба — двух стариков. Всех шестерых доставили в тюрьму. Изо дня в день в ней становилось теснее. В камеры бросали по малейшему поводу: если становилось известно, что человек был передовым колхозником или спас народное добро от пожара, или

просто за то, что он раньше часто выступал на собраниях.

Подобные «операции» немцы и их прислужники проводили не только в Элисте, но и во всех окрестных селах и хотонах. Грабежи, убийства, насилия стали частыми явлениями. Гибли старики, женщины, дети.

В Яшкуле была повешена работница аптеки Кермя Эрднишкаева. Каратели даже не потрудились предъявить ей доказательное обвинение. Цаган Эрдниева и Амуланг Ходжгорова были расстреляны только за то, что их мужья — партийные работники. Не пощадили враги и двух малолетних детей Ходжгоровой — их убили вместе с матерью.

Захватчики разрушали и увозили в свой фатерланд ценности, которые создавались и накапливались калмыцким народом в течение десятилетий. Они поднимали грязную руку на самое священное, на самое дорогое людям. Гордость Элисты — большой памятник, стоявший в центре города, трактором стащили с постамента и разбили, стреляли по нему из пушек прямой наводкой.

...Шеф гестапо в своем кабинете ждал сведений о первом дне прочесывания Элисты.

Раньше всех явился Огдонов. Полковник поднялся, протянул руку, а Огдонов бросился к нему навстречу, подобострастно склонился, бережно взял в ладони кисть Вольфа. В ноздри гестаповца ударил застарелый запах пота. Брезгливо сморщившись, полковник показал на стул, стоявший поодаль. Его удивляло, как этот туземец не расплавился от жары в своем толстом бешмете, мерлушковой шапке, глубоко надетой на голову, заросшую густыми, длинными, до плеч, волосами.

Вскоре появились Труба, Цуглинов и Савельев.

Труба отдал Вольфу стопку исписанных листков:

— Это список задержанных активистов.

— Гут, гут, — приговаривал полковник, просматривал бумаги.

А Басанг Огдонов слегка наклонился к сидевшему рядом Цуглинову и шепотом спросил:

— Среди тех, кого вы задержали, есть знакомые?

Цуглинов назвал несколько известных в городе фамилий.

— Эге, хорошо! Проворные черти, они нам крепко насолили, — в самое ухо Цуглинова торопливо говорил



Огдонов. — Работать гоняли, чуть не с палкой над душой стояли, по следу, как гончие, неслись... Но теперь мы увидимся с ними в другой обстановке, я потолкую с ними как следует!

Огдонов был так доволен, что забылся, вытащил дубовую трубку, примял в ней табак.

Цуглинов толкнул его в бок. Огдонов спохватился, испуганно глянул на полковника, быстро спрятал трубку, поправил полы бешмета, подобрал ноги. Вся поза его говорила о том, что он уважает дом, в который его пригласили, почитает хозяина и готов до гроба служить ему.

## 27

Поток заявлений в обком партии рос. Подавали их старые, давно снятые с военного учета люди и молодые, увечные или страдавшие от болезней. Совсем юные парни, почти мальчишки, и девушки просились в партизаны. Калмыки, русские, украинцы. Рабочие и чабаны, учителя и агрономы.

Как член бюро обкома, подбором людей занимался и Бадма Адучиев.

Наконец отряды были укомплектованы. Их костяк составили партийные, советские, комсомольские работники. И в короткий срок они должны были пройти обучение, овладеть основами военного дела. Ведь большинство никогда не держало оружия в руках и даже на охоте не нюхало пороху.

На одной из окраин Астрахани была создана специальная партизанская школа. Отряды жили отдельно один от другого, чтобы партизаны знали только тех, с кем вместе воевать. Тем, кто был хорошо известен в республике, придумали клички.

Григорий Иванович спросил Бадму:

— Ты любишь цветы?

— Конечно! Особенно бамб цецг — лотос.

— Ну и быть тебе Лотосом, — сказал Григорий Иванович. — Лучшего имени не найти: красивое, легкопроносимое, эмоциональное.

— Спасибо! — произнес Бадма.

Он и в отряде представился так: комиссар Лотос.

Все обратили внимание на то, что кисть руки комиссара изуродована. Многие сомневались: «Как он воевать собирается с такой кистью?»

Знакомясь с новыми товарищами, Бадма обратил внимание на одного парня. Где же он видел его? Сколько ни старался, вспомнить не смог, однако его не покидало ощущение того, что он с этим человеком где-то встречался. Где же и когда? Этот вопрос нельзя было оставить без ответа. Он стал перебирать всех, кого знал.

И доискался. Память подсказала, восстановила полузабытую картину.

Но парень держался так, точно никогда ничего не слышал о комиссаре, точно впервые увидел его. Конспиратор!

Бадма отозвал парня в сторону:

— Со знакомым не грех дважды поздороваться.

Парень удивленно поглядел на комиссара, пожал плечами.

— Ты припомни...

Парень притворно развел руками, спросил:

— Кто же вы?

Бадма рассмеялся и ответил шуткой:

— Вай, вай, у такого молодого цветущего человека в голове дырка!

Растерянный парень машинально прикоснулся к голове, покраснел и смущенно заморгал.

Бадма пожалел его.

— Тогда ты показался мне взрослым мужчиной. Волосы отросли, лицо в щетине. Правда, и грязен ты был основательно, и веки от бессонницы покраснели. А сейчас отмылся, отоспался. Совсем юным стал, наверно, еще и за девушками не ухаживал?

— Где и когда это было? — сопротивлялся парень.

— Недавно было. Ты нагнал меня, посадил в свою машину, подвез...

— На свою беду подвез, — улыбнулся парень, решивший, видно, взять реванш за шутку. — Видик у вас был исключительный. Детей пугать таким видиком! Вы были как... — парень не досказал, а открыл рот и пальцами вжал щеки, изображая крайне истощенного человека. — Если говорить откровенно, у вас только глаза и оставались...

— Преувеличиваешь, дорогой, — сказал комиссар.

Он ушел, а Баатр — так звали этого молодого калмыка — смотрел ему вслед, задумчиво, внимательно. Вдруг рядом мужской голос сказал:

— Видать, хороший человек, веселый и добрый...

Оглянувшись, Баатр увидел парня и девушку, тоже взглядом провожавших Лотоса.

— Хороший, — подтвердил Баатр. — Цепкий глаз у него, крепкая память — раз видал, да и то не очень хорошо, в пыли, в тряске, да и сам он больше спал, чем глядел по сторонам. А запомнил.

— А что у него с рукой? — спросила девушка.

— Наверно, он фронтовик, — предположил парень.

— В ту встречу выдал он мне здорово! — сказал Баатр и, видя, что собеседники слушают с интересом, рассказал о встрече в степи.

Лотос, по обыкновению, проснулся рано, умылся и пошел, как он стал шутя выражаться в последнее время, «к массам».

Партизаны собрались в кружок и о чем-то весело переговаривались.

— Опять Баатр байки рассказывает? — громко спросил Лотос.

— Я быль вспомнил. Байки уже кончились. Вы опоздали, товарищ комиссар, — дружелюбно заговорил Баатр. — Вот говорю, что в детстве я был очень метким. С любого расстояния без промаха выбивал альчики из круга. Уговор бывал такой: проигравший возит победителя на спине. Так я все время катался...

— Значит, быть тебе снайпером! Впрочем, мы сейчас проверим твои способности. Померимся силами: кто дальше и точнее метнет гранату.

Из груды учебных гранат — обрезков труб, насаженных на деревянные ручки, — Лотос выбрал одну, подобрал ее:

— Эта подойдет.

Баатр снял с себя фуражку, отошел подальше и повесил ее на ветку:

— Чья граната упадет возле этого дерева, тот и победитель!.. Может, далековато повесил? Чтобы на такое расстояние метнуть, сила нужна!

Лотос не ответил. Молча поднял с земли прутик и обозначил им рубеж.

— Начинай, Баатр!

Поплевав на ладонь, Баатр поудобней ухватил грана-

ту, отошел назад, разбежался и швырнул ее. Траектория была низкой — метров через тридцать граната упала, завертелась, разбрасывая листву и комья земли.

— Круче надо было взять, — сказал Лотос. — Попробуй еще раз.

Баатр метнул вторую гранату. Она описала высокую дугу и упала шага на два дальше первой.

— Ты что, по птицам бьешь? — подтрунивал Лотос под общий смех.

Баатр насунился, засучил рукава, взял еще одну гранату, резко бросил ее — на этот раз близко к цели.

Лотос переложил прутик, увеличив расстояние до фуражки, выбрал гранату, хитро взглянул на Баатра, отошедшего в сторонку, постоял несколько секунд, сосредоточиваясь и собираясь с силами, разбежался и кинул гранату. Она пролетела дальше последней гранаты Баатра.

— Вот это бросок! — восхищенно произнес один из бойцов.

Комиссар недовольно покачал головой и повторил бросок. Он получился более точным. Но Лотос взял третью гранату. Новая попытка могла удовлетворить кого угодно — ее результат был отличным.

— Ну, кто еще хочет попробовать?

Желающих посостязаться в силе, ловкости и меткости оказалось много. Целый час, под шутки и смех, партизаны занимались гранатометанием, и никому не пришло в голову, что это не случайная игра, а учение, пусть не предусмотренное расписанием на нынешний день, но необходимое и умело затейное комиссаром.

Сделали перекур. Комиссар сел на траву, вокруг него устроились бойцы, задымили сигарками. Посыпались анекдоты, прибаутки. А Баатр сказал с завистью:

— Вас, товарищ комиссар, не из железа отливали? Никогда бы не подумал, что вы такой сильный...

— Ничего удивительного, — ответил Лотос. — Ты вот говоришь, что в детстве здорово играл в бабки, часто ездил на спинах неудачливых соперников. А я в шестилетнем возрасте перебрасывал камни через Зурмутинку...

— Плохо мы знаем географию, — пошутил один из партизан. — Есть на свете великая река Зурмутинка, а мы о ней и представления не имеем!

— Знания никогда не поздно пополнять, — в тон проговорил Лотос. — Запомните, это великая водная арте-

рия находится в приморье, недалеко от Лагани. А на берегу реки — знаменитое село Зурмута, в котором я родился и вырос. Места чудесные.

...Зурмутинцы дали ему прозвище Бирд<sup>1</sup>. Оно сразу пристало к нему — точно выражало его характер. Он был подвижным, проворным, очень деятельным. О какой бы ребячьей проделке ни рассказывали — вспоминали Бирда. Отчаянный паренек не знал страха и усталости, смело шел на такое, на что многие не решались. Стоило первому ледку сковать Зурмутинку, как он, нацепив коньки, выписывал кренделя. Едва река освобождалась ото льда, как он бросался в холодную воду и плыл к противоположному берегу. Его не пугали самые дремучие заросли камыша и чакана. Он с утра забирался в них, удил рыбу, добывал и съедал лакомые коренья. Если ребята состязались в беге — он впереди всех. Играли в альчики — он почти всегда добивался успеха. Задумалась какая-нибудь шалость — Бирд тут как тут.

Осиротел он в раннем детстве. Отец и мать умерли почти одновременно, оставив бабушке малолетнего внука. Жилось трудно, помощи ждать было неоткуда.

Из сверстников-соперников Бадме долгое время противостоял лишь маленький Кооку, драчун и хвостун. Он был одного роста с Бадмой, а называли его маленьким потому, что в селе был и второй Кооку — большой. Особенно был опасен маленький Кооку в беге на льду. У всех ребятешек, в том числе и у Бадмы, были деревянные самодельные коньки, а Кооку шеголял на замечательных «снегурках». Залюбоваться можно было, когда он, заложив за спину руки, мчался по льду на сверкающих коньках!

Но Бадма решил во что бы то ни стало обойти Кооку на своих деревяшках. Он долго тренировался, сто потов пролил, и наконец вызвал обладателя серебристых «снегурок» на единоборство. Все шло неплохо, но на пути оказалась припорошенная снегом полынья. Кооку плавно обогнул ее на своих стальных лезвиях, а Бадма даже притормозить не смог — с ходу нырнул в ледяную кашу. Домой он явился злой, дрожащий от холода и обиды, мокрый с головы до ног.

Бабушка ахнула:

---

<sup>1</sup> Б и р д — юркий, озорной.

— Что с тобою? Что ты еще затеял? Где ты так купался?

Он едва не плакал, но не потому, что боялся наказания или озяб, а потому, что не мог забыть поражения.

— Все равно я его обгону, пусть так и знает!

— А, вон в чем дело! — догадалась бабушка. — Но разве тебе плохо быть вторым в Зурмуте?

— Если бы он вправду был сильный и быстрый — другое дело! Все ведь дело в коньках!

— Ладно, не убивайся, куплю я тебе коньки, вот увидишь, куплю...

Вскоре Бадма прослышал, что один парень, живший на другом конце села, купил себе новые коньки и недорого просит за старые. Бабушка достала запрятанные подальше деньги и отдала их внуку. Мальчик понимал, что бабушка не зря хранила их, хотела приобрести что-то необходимое и долго копила гроши, но соблазн был велик. Когда он принес домой побывавшие во всяких переделках, но настоящие стальные коньки, бабушка радовалась не меньше внука.

— Теперь, малыш мой, не проигрывай.

— Не проиграю, — заверил Бадма, а голос его дрожал от восторга и нетерпеливого желания испытать покупку на льду.

В тот же день схватка с Кооку повторилась. Но и на этот раз Бадма проиграл: он поторопился, не успел потренироваться и привыкнуть к настоящим конькам и оттого бежал хуже, чем на деревянных.

Всю следующую неделю Бадма пропадал на реке. Прибежав из школы и наскоро поев, он спешил на Зурмутинку и тренировался дотемна, набивая синяки и шишки. И все-таки подчинил себе коньки, научился легко и быстро скользить на них, плавно разворачиваться.

В день решительного соревнования все мальчишки собрались на реке. Многие были на стороне Кооку: он признанный чемпион. Чванливый мальчишка еще выше задрал нос — он привык побеждать и надеялся и на этот раз обставить соперника.

Разметили дорожку, провели черту на старте и финише. Бадма и Кооку стали рядом. Добровольный судья скомандовал, и Бадма побежал. Кооку намеренно задержался на пару секунд и только потом бросился вдогон.

И просчитался. Бадма уходил все дальше и до финиша домчался с большим разрывом.

Кооку запротестовал:

— Я позже начал бег да и завязка ослабела!

— Давай еще раз, — предложил Бадма, воодушевленный долгожданным успехом.

Кооку заново перевязал коньки, потоптался на них, покружил:

— Теперь радуйся, если тебе удастся вблизи увидеть мой затылок!

Все получилось наоборот. Как ни старался Кооку обойти Бадму, ничего не вышло. Бадма добился своего: ребята признали его чемпионом.

...А в родных степях шла война.

Белые через Лагань и Оленичево пробивались на Астрахань. Противостояла им армия, в которую входил революционный калмыцкий полк. В одном из ожесточеннейших боев тяжело ранило легендарного пулеметчика Аралтана. Истекающего кровью, потерявшего сознание, привезли его в Зурмуту и поместили в доме бабушки Бадмы.

Раненый стонал, кричал, скрежетал зубами. В бреду он кого-то звал и рвался куда-то, пытался встать, а то вдруг начинал петь, чем приводил в ужас бабушку.

На третьи сутки пулеметчик пришел в себя. Очнувшись, он обнаружил, что на соседней лежанке распростерся малыш с перевязанной рукой. Эта был Бадма. Он нашел на улице патрон, принес его домой и сунул в горящую печь. Раздался взрыв, и мальчугану изуродовало кисть руки.

Аралтана и Бадму лечили вместе. Когда дело пошло на поправку, они подолгу беседовали. Пулеметчик рассказывал много о себе, а Бадма вспоминал о состязании с Кооку. Аралтану нравилось упорство, с каким мальчишка добивался победы.

— Ты настоящий мужчина! Мне по душе такие крепкие люди. Надо быть упорным. Так держать... Ты молодец! Я смотрю, как ты и ранение переносишь. Другой бы ныл и плакал, а ты как орел!.. Я знаю, какое детство тебе досталось. Оно должно закалить тебя... А я все равно доберусь до своего пулемета и отомщу белякам за свою рану! Дорого она обойдется им!

Аралтан не бросал слов на ветер. Вернувшись в строй, он воевал злей прежнего. Много белых полегло от огня

его пулемета. Но конца гражданской войны Аралтан не увидел — погиб.

Неторопливо и широко шагает верблюд по степной дороге. Он легко везет арбу, порой тянется к колючкам, растущим на обочине. Высоко держа голову на длинной шее, он важно оглядывает окрестности. Цаган не подгоняет его. Она думает об Анжиге, вспоминает его шутки, повторяет про себя последние слова, сказанные им на вокзале. Где он теперь, куда занес его грохочущий поезд, кому мигает огонек на хвостовом вагоне?

Она представила памятную ночь на берегу Урала, ласки любимого, нежные слова его. И еще горше становилось оттого, что счастье их было слишком недолгим. Почему судьба не подарила им еще две-три такие прекрасные ночи? Словно стараясь побороть отчаяние, она запела. Сначала тихо, а потом все громче и громче:

Плещет Урал в берег крутой  
сильной водой — горной водой!  
Так тяжело мне, молодой, —  
милого ждет яростный бой...

Мелодия звенела, летела в степь, будила дремавшие под зноем травы.

Цаган допела и встрепенулась от решения, которое пришло в голову, точно подсказанное словами песни.

«Мне здесь делать нечего. Я должна быть там, где Анжиг. Разве я не смогу взять в руки винтовку, хорошо прицелиться и нажать курок? Меня станут отговаривать, может быть, ругать, но я настою на своем. Что мне могут сделать? Ведь я на фронт пойду, в армию. В армию!»

Она натянула вожжи, подхлестнула верблюда. Он удивленно оглянулся, но послушно зашагал, а потом перешел на рысь. Арба жалобно скрипела, подпрыгивала на выбоинах, но Цаган не унималась и хлестала верблюда по бокам: быстреей, быстреей!

Еще стадо не пригнали в аул, а Цаган уже подъехала к дому старой калмычки. Вбежала в дом, коротко поприветствовала хозяйку, села, собираясь с мыслями, прикидывая, с чего начать. Старуха сказала что-то по-казахски. Девушка не расслышала. Хозяйка повторила вопрос. Цаган машинально кивнула.



— Значит, уехали, — пробормотала старуха. — Ой, алла!

Цаган вышла из дома, распрягла верблюда, вернулась, молча поужинала, но спать не легла. Стала собираться.

— Гайда! — воскликнула хозяйка.

— К Тулегену-ага схожу, — сказала Цаган.

Жену председателя Цаган увидела во дворе. Та объяснила девушке, что Тулеген-ага еще не возвращался, но скоро должен быть, можно подождать его в доме.

Цаган вошла в комнату, села за стол, взяла газеты, лежавшие стопкой. На верхней она увидела заголовок «Письмо трудящихся Казахстана защитникам Сталинграда».

В нем говорилось, что казахстанцы, воодушевленные подвигами сталинградцев, успешно убрали урожай, выполнили планы производства вооружения и боеприпасов для Красной Армии; тысячами тонн металла, различных продуктов труженики республики встретят 25-ю годовщину Октября; десятки вагонов с подарками будут отправлены на фронт. В этом — выражение заботы народа о своих воинах, защитниках Сталинграда. Письмо призывало отстоять героический город, сражаться, как сражались под Москвой бойцы 8-й гвардейской дивизии, как сражались 28 героев-панфиловцев.

«Ваш славный подвиг, подвиг героев-защитников Сталинграда, не померкнет в благодарной памяти народа. Не отступайте назад ни шагу!»

Во дворе послышался цокот копыт. Цаган подошла к окну. Вернулся Тулеген-ага. Он появился в комнате, вытирая полотенцем лицо и шею.

— О, у нас гостя! А почему такая грустная? Нельзя так печалиться... Понимаю, тяжело оставаться одной, но мы здесь все свои люди и поможем тебе перенести одиночество. А там, смотришь, вернутся с победой наши братья, наши герои!

Жена председателя внесла ужин и пригласила к столу.

На следующий день, поглубже затолкав в карман билет, Цаган сидела на пристани в ожидании парохода. Причалит он вечером, а в путь отправится только утром. Каждый час, проведенный бездельно, мучителен, а тут их столько! Чем же заняться?

Цаган прошла по мосту, долго бродила по городу, любясь красивыми домами, разглядывая достопримечательности, и незаметно вновь оказалась на берегу Урала. Река со сдержанным шумом несла свои мутные воды. Волны лизали берег, оставляя на нем клочья пены.

Девушка остановилась на том месте, где совсем недавно сидела с Анжигом. Потом она опустилась на песок, вытянула ноги, отыскала камешек и швырнула его в реку. Вода булькнула и побежала кругами. А волны вздувались и катились, на песок выбрасывалась и таяла на нем пена.

В памяти стремительно пронесся разговор с Тулеген-ага.

— Не отпущу, ни за что не отпущу! — кричал председатель. Лицо его налилось пунцовой краской, усы сердито топорщились. — Ты же видишь, что работать некому?

— Тулеген-ага, разве вы не понимаете, куда я прошусь? Не от работы бегу, не боюсь я ее, как бы она ни была тяжела!

— Еще этого не хватало!

Старик не допил чай, встал, перво заходил по комнате.

— Тулеген-ага, я хочу служить в нашей армии. Чем я лучше тех девушек, что сражаются на фронте? Нет, чем я хуже их? Почему я не имею права защищать Родину?

— Ты ничем не хуже. Но пойми меня, что и здесь нужны люди! Что с ними я могу сделать тут? — Он кивнул в сторону своей жены.

Спор становился все более бурным, председатель и девушка горячились, перебивали друг друга. Говорили на русском языке, и хозяйка дома многого не понимала и время от времени умоляюще и сокрушенно бормотала: «Ой, пурмай!»

Старик умолк внезапно. Сел за стол, принялся за чай. Он был грозен, как небо перед ливнем. Лицо его потемнело, брови низко надвинулись на глаза.

Цаган молча ждала продолжения разговора.

Покопчив с чаем, Тулеген-ага вытер усы, прокашлялся:

— Ты только собираешься в военкомат или уже была там?

— Нет, в военкомате я еще не была, — ответила Цаган и добавила не без тайного умысла расположить старика к себе: — До разговора с вами, без вашего согласия я не могла пойти туда. Вот если вы одобрите мое решение — другое дело...

А Тулеген-ага и вправду размяк, подобрел. Он ничего не говорил, только спокойно и грустно смотрел в одну точку, раздумывая и, видимо, прикидывая: согласиться с девушкой или отказать ей? Потом он перевел на нее взгляд, долго смотрел в ее лицо.

«Разрешит или снова начнет ругать?» — мелькнуло в голове Цаган.

— Раз ты надумала, то теперь тебя, пожалуй, не остановишь, — медленно начал он. — Молодежь пошла, что хочет, то и делает! Хоть ты усы себе повырывай — не переубедишь.

Цаган улыбнулась, жена председателя вопросительно поглядела на мужа.

— Тулеген-ага, не надо рвать усы, — пошутила Цаган. — Поберегите их, они такие пушистые и красивые...

Старик улыбнулся, поцокал языком, перевел разговор жене. Она жалобно смотрела на Цаган и охала.

— Что ж, пусть будет по-твоему, — сказал председатель. — Только ты поезжай сначала домой. Дня через три будешь там, попрощаешься со стариками. Заодно вещи Хары и Анжига отвезешь родным да мое письмо передашь им.

— Сделаю, как вы советуете. Большое вам спасибо.

— Давай без церемоний, — сказал старик.

— Какие церемонии? Вы хороший, добрый и умный человек, — сердечно произнесла Цаган.

...Рассвет Цаган встретила на пристани. Посадка была трудной — народу собралось много. Девушка втиснулась в толпу пассажиров, и они почти внесли ее на борт судна. Место у нее было в тесной каюте, рассчитанной на четырех человек. Было жарко, душно, беспокойно, и она вышла на палубу.

Девушка облокотилась на перила и оглядывала синюю даль, раскрывшуюся перед ней. Кругом была вода. Казалось, и в небе — море, бесконечное, могучее, вечное. Волны плескались о борта и, пенясь, кипели за кормой, убежали назад.

Качало. От этого сильнее хотелось увидеть землю, твердую, устойчивую. Но земля скрылась давно. Голова кружилась. В груди что-то опускалось и поднималось, точно в обратном порядке повторяло движение судна.

Дул влажный ветер, в лицо летели прохладные брызги, пахло горьким и приторным. Запах тины мешался с запахом смолы, ржавчины и еще чего-то неприятного.

Пассажиры разбрелись в поисках укромных уголков. Некоторые, застелив палубу, расселись тесными кружками, достали из сумок жареную и соленую рыбу. С кормы слышались звуки гармошки, поющие голоса, смех.

А Каспий все плескался, и пароход деловито шумел машиной.

Будничная неторопливая жизнь пассажиров сказалась на самочувствии Цаган. Ей стало лучше. Тошнота прошла, голова перестала кружиться.

На западе, окрасив даль багровым пламенем, садилось солнце. Оно коснулось своим нижним краем воды, начало медленно погружаться в море.

Вскоре и вовсе стемнело. На пароходе огней не зажигали — боялись самолетов. В каютах лампочки засветили, но окошки были покрашены белым, и свет сквозь них наружу не пробивался.

Ветер сник, и стало удивительно тихо и спокойно. Только волны еще клокотали под днищем, брызгались и шипели, будто рвались в драку, будто стремились разорвать путы, которые смиряли их. Цаган видела, что они устают и рано или поздно сдадутся. Если, разумеется, снова не поднимется ветер. Уж тогда-то они покажут себя!

К концу второго дня пассажиры заволновались, задвигались, собирая вещички. Цаган сложила свой багаж — она взяла не только свои вещи, но и Хары и Анжига.

Пароход развернулся в устье Волги, протяжно и хрипло прогудел, тяжело привалился к пристани. Пассажиры шумно кинулись на берег. Цаган взяла на плечи узел и, сойдя с парохода, спросила у мужчины в морской фуражке, где касса линий местного сообщения.

В этот момент девушку окликнули. Она заволновалась, стала оглядываться. К Цаган подбежал Бадма.

— Здравствуй, сестричка, здравствуй! Вот так встреча! Вот не ожидал! Никогда бы не подумал, что тут увижусь с тобой! — радовался Бадма, держа девушку за руку.

Он помог ей сдать вещи в камеру хранения, купил билеты на автобус, шедший в Калмыцкий Базар. Комната Бадмы в гостинице была свободна, и он уступил ее девушке, решив временно поселиться у друзей. Цаган подробно рассказала о жизни в казахском колхозе, о проводах Хары и Анжига, о споре с Тулегеном-ага.

— Ты твердо решила идти на фронт?

— Твердо. Вот только съезжу домой, проведу родителей, увидаю родных Хары и мать Анжига.

— Что ж, ладно. Переночуй здесь. Вот тебе ключ, а утром встретимся. Спокойной ночи и хороших снов...

Встала Цаган рано. Умылась, переплела косу.

Она еще стояла перед зеркалом, когда пришел Бадма. Он принес небольшой сверток, положил его на стол.

— Насколько я понимаю, ты еще не позавтракала? Я спешил: знаю, что ты по чабанскому обычаю должна поесть сразу после сна, на рассвете. Так что без разговоров за стол...

— А где вы работаете?

— Как тебе сказать? В одном месте небольшим начальником, — отшутился Бадма. — Вот что, вари чай, а я остальным займусь.

Цаган сварила чай, Бадма открыл банку консервов, нарезал хлеба. За завтраком говорили о делах на фронте, о родных и знакомых. Бадма сказал, что сейчас в Калмыкии создаются партизанские отряды.

Цаган отодвинула чашку с чаем.

— Партизанские отряды, говорите?

— Угу, — словно речь шла о чем-то малозначащем, промолвил Бадма.

— В наших степях будут воевать?

— Разумеется.

— А к кому надо обратиться, чтобы попасть в отряд?

— Ты что, думаешь... — начал Бадма.

— Да, именно это и думаю, — перебила Цаган.

— Трудное и опасное дело. Все время быть окруженным врагами, да еще на ровной как стол и голой местности. Мужчинам тяжело, а женщинам и подавно...

— А где сейчас легко? И можно ли воевать, не подвергая себя опасности?.. И почему женщине — подавно? Руки короткие? Или ноги хромы? Глаза, может, слепы?

На фронте проще, да? Легче тем девушкам, которые уже воюют!

Бадма дружелюбно посмеивался, а когда она замолчала, сказал:

— Фронт имеет свой тыл, а у партизан никакого тыла. Порой и раненых некуда деть. И неоткуда ждать помощи. На себя лишь нужно надеяться!

— Чего спорить попусту! Вы лучше скажите, к кому мне обратиться? Если можете помочь мне — помогите. А я решила окончательно!

Бадма поднялся:

— Давай-ка наведем здесь порядок и пойдем...

Они пришли в обком партии, и Бадма, усадив Цаган в приемной, скрылся в кабинете первого секретаря.

Девушка терпеливо ждала. Но вот прошло десять минут, двадцать... Полчаса. А Бадма все не появлялся. Она стала тревожиться. Вдруг ничего не получится? Вдруг ее просьбу отклонят и Бадма не сможет уговорить строгое начальство?

Когда он показался в дверях, Цаган вскочила, бросилась к нему. «Ну, что? Говорите скорей», — молили ее глаза.

— Не волнуйся, — спокойно произнес Бадма. — Возьми себя в руки.

Цаган почувствовала, что не все еще потеряно, и улыбнулась.

— Вот так, — похвалил Бадма и повел ее в кабинет.

Высокий пожилой мужчина протянул ей руку, оценивающе оглядел и признался:

— А я представлял вас другой. Высокой, сильной! Бадма Хабанович так горячо расхваливал вас...

Цаган смутилась, покраснела, опустила голову, уставясь на носки туфель.

— Да вы не обижайтесь, я пошутил.

Секретарь обкома вышел из-за стола, усадил Цаган на стул у стены, опустил рядом:

— Жизнь партизана — опасная жизнь. Может и так все сложиться, что придется пожертвовать собой. Бадма Хабанович много хорошего сказал о вас. Я верю ему. Но вы подумайте еще, время у вас пока есть. Никто вас не упрекнет, если вы откажетесь... А если не откажетесь — мы за... И направим вас под начало Бадмы Хабановича.

— Как это под начало? — спросила Цаган, переводя взгляд с секретаря на Бадму.

— Ты не сказал ей?

— Нет, Григорий Иванович. Она пока — гражданское лицо.

— А-а!.. Тогда поясню. Бадма Хабанович — комиссар партизанского отряда. Можем направить вас к нему...

— Сейчас же направляйте, я давно и твердо решила.

— Тогда поздравляю вас и желаю вам всяческих успехов, замечательных подвигов и победного возвращения к мирной жизни.

Цаган хотелось поблагодарить за доверие, сказать, что она оправдывает его, будет воевать смело и решительно, однако слова не шли. Григорий Иванович понял ее, ласково погладил руку и проводил до двери.

В тот же день Цаган стала бойцом партизанского отряда. Она на сутки съездила домой, а потом отправилась к месту учебы и вместе со всеми занялась основами стрельбы, гранатометания и многого другого, необходимого партизану.

## 29

В батальоне Убуша Харадаева только что закончился обед.

Был невыносимо жаркий день. Сверху палило солнце, снизу пекла раскаленная земля. Обжигаяще дышал горячий ветер. Никуда не денешься от этого изнуряющего зноя. Бойцы попрятались в окопах и блиндажах. На посту остались лишь наблюдатели, все остальные отдыхали, приводили в порядок одежду, писали письма, читали газеты и книги.

Хара и Анжиг устроились рядом, прислонились к стене окопа и стали сочинять письма, домой — родным и в Казахстан — Цаган. Вся работа на Анжиге. Хара в грамоте не силен. Два письма дались быстро — матери Анжига и семье Хары. А вот с посланием Цаган дело обстояло сложнее. Анжигу хотелось ещё раз сказать ей, как он любит ее, как тоскует по ней, хотелось заверить, что, сколько бы ни длилась разлука, он будет помнить ее и сохранит любовь. Трудно изложить все это.

Комбат Убуш Харадаев и комиссар Нимгир Манджиев сидят в своем блиндаже и изучают письма убитых немецких солдат. В блиндаж пришел лейтенант Нестеренко. Дело у него, видно, не срочное. Он сел в сторонке, стал ждать, пока начальство освободится.

А Нимгир, пробежав очередное письмо, сказал:

— Слушай, майор, есть интересное...

— Давай выкладывай...

Комиссар сразу переводил на русский:

— «Моя милая Фрида! Ты умылась бы в собственных слезах, ты плакала бы беспрерывно, если бы знала, в какую страшную дыру угодила твой Иоганн. Худшего места не бывает. Ты, наверное, и не слыхала о калмыцких степях. Я был учителем географии, но и то не имел о них представления. Теперь я знаю, что это такое. Это огромнейшая пустыня, ровная и безрадостная степь, в которой пешеходу видно все вокруг чуть ли не на десятки километров. И ни деревца, ни колышка...»

— Сильное впечатление у него о нашей степи, — усмехнулся Убуш.

— Куда сильней! — зло сказал комиссар. — Но почтаем дальше: «В центральной части этой пустыни находятся пологие возвышенности — Ергени. От этой природной межи до самой Волги — сплошные солончаки. Растительность бедная. Редко попадаются островки хороших пастбищ, а воды и вовсе нет. Лишь в колодцах, а они друг от друга очень далеко. Западнее Ергеней есть озера, но вода в них соленая.

Почва здесь серая, дороги — сплошной песок. Летом температура достигает пятидесяти градусов выше нуля. Зной невообразимый. А если поднимется горячая песчаная буря, то от нее спасения не найдешь. Песок режет глаза, скрипит на зубах, проникает сквозь одежду и жжет кожу. Пить хочется так, что слюна становится вязкой, как смола, язык распухает и не помещается во рту, а губы растрескиваются до крови.»

Григорий рассмеялся:

— Хлебнул наш «гость»!

— «Бывают здесь и дожди, но короткие, обильные, с градом. От них ручейки превращаются в речки, низины заливают до краев, потоки воды смывают все на своем пути. Земля разбухает, превращается в грязное месиво, по которому не проедешь и не пройдешь.»



Милая моя Фрида! Ты не очень беспокойся за меня. Мне легче, чем другим, я крепче и здоровей. Опасность пока обходит меня — я берегу. Недавно ночью надо было идти к колодцу за водой. Выпала моя очередь. Нас было четверо, в том числе и Ганс, он есть на той фотографии, что я тебе послал. Когда мы возвращались, он немного отстал от нас, и до сих пор не можем понять: то ли его украли, то ли сам сбежал к русским. Во всяком случае, русские наверняка тоже были где-то возле колодца. Мы стреляли по ним, но они неуловимы. Тем более что было темно. Во всяком случае, я таким неосторожным, как Ганс, не бываю...

Потери у нас большие. Так хочется домой, что иногда завидую раненым, которых отправляют в госпитали. Если бы пуля слегка задела руку или ногу: чтобы не стать инвалидом, но побывать дома.

Пожалуй, хватит. Написал много. С нами бог, он не оставит нас.

До свидания, целую тебя. Твой Иоганн».

Нимгир отложил письмо в сторону:

— Надо его ребятам почитать. Пусть знают, какое теперь настроение у этих завоевателей мира.

— Видно, дотошный был этот географ, — сказал Григорий. — Все до мелочей разглядел и описал.

— Он весенних ветров на своей шкуре не испытал, иначе бы все письмо слезами закапал, — проговорил Убуш. — Вот придет весна, хлебнут они этого ветра. Нас-то он закаляет, а немцу от него гроб.

— Ты так говоришь, словно здесь Арктика! — усомнился Нестеренко.

— Знаешь какие они! Острые, холодные, пронырливые — в рукав пробираются, из штанин выходят. Подуют денек-другой, небо с землей сливается, слепнешь, а он в это время тебя до костей пронизывает, в грудь бьет, с ног валит или загоняет до смерти. Никакая одежда не согреет!

Донесся тягучий зуммер телефона. Убуш взял трубку. Звонил командир взвода лейтенант Соловьев:

— Товарищ майор, в глубине обороны противника вдоль дороги показались танки, но какие-то странные — похожи на наши!

— Сколько их?

— Насчитал двенадцать!

- Точное место, где они сейчас?
- У барханов, в районе колодца!
- Усилить наблюдение! Сейчас выхожу на НП!

Убуш позвонил артиллеристам и минометчикам, приказал командирам рот приготовить все противотанковые средства.

Снова зазвучал зуммер, и лейтенант Соловьев доложил, что танки — наши, что на передних видны красные звездочки.

— Не ослаблять наблюдения. Перед фронтом наши танки появиться не могли.

Убуш побежал на свой наблюдательный пункт, Нестеренко вернулся в роту.

Танки шли колонной. Как только они начали разворачиваться, Убуш увидел, что колонна — фашистская, только два первых танка наши, использованные врагом для маскировки. За танками шла пехота. Часть ее устроилась на броне.

Полуденная жара спадала. Через несколько часов — вечер. Несомненно, немцы намерены к наступлению темноты достигнуть решительного успеха, иначе они не начинали бы атаки в эту пору.

Враг хотел вернуть потерянное в недавнем бою.

События развивались стремительно. Броневой кулак гитлеровцев был нацелен в одно место.

Майор Харадаев оценивал всю картину начинающегося сражения, соотносил силы на своем переднем крае с артиллерией, стоявшей в тылу. Их взаимодействие должно было стать основой отражения танковой атаки.

Лейтенант Соловьев вместе с несколькими бойцами покидал передовой наблюдательный пункт. Он отходил в главную траншею.

Двадцатилетний наводчик сорокапятки, выдвинутой для стрельбы прямой наводкой, сержант, ловил в перекрестье прицела первый танк. Это была советская машина, захваченная врагом. Тем сильнее было его желание уничтожить немцев, засевших в ней.

— Огонь! — услышал сержант. Мгновенный выстрел, пушка вздрогнула, отозвалась земля, но танк был невредим — он быстро шел вперед и вел за собой остальные. За ними прикрывалась пехота, строчившая из автоматов.

Огневой бой кипел всюду. Били вражеские танки. Звонко стреляли наши ПТР. Рвались мины.

Взвод противотанковых пушек вел такой быстрый и точный огонь, что танки стали замедлять ход. Первый из них уже горел. Но одна наша пушка тоже разбита.

Для Хары и Анжига это был первый бой. Они лежали рядом бледные и растерянные. Им казалось, что немцев не остановить, что они неуязвимы. Им думалось, что все мины и снаряды нацелены в них. Но, когда танки подошли ближе, Хара заметил, что если смотреть наискось, то солдаты, идущие за крайними машинами, хорошо видны, и стал целиться в них. Глаз старого чабана зорок, рука метка — пули его попадали в цель.

— Вы чего бормочете? — крикнул Анжиг.

— А? — не понял Хара.

— Чего бормочете?!

— Это я считаю убитых фрицев. Ты тоже считай!

Слова Хары успокоили Анжигу, придали ему уверенности. Он тоже стал стрелять быстро, без суетливости.

Рядом с ними бросился на землю комиссар батальона. Переводя дух, спросил:

— Держимся?

— Держимся! — ответил Хара.

Оба они, и Хара и Анжиг, почувствовали себя гораздо лучше, точно присутствие комиссара ограждало их от опасности, прибавляло им сил. Это и понятно: тот расположился деловито, лицо его, разгоряченное, потное, было даже веселым.

Огонь нашей артиллерии ослаб — боеприпасов было небогато. И немецкие танки снова пошли в атаку.

Убуш с противотанковой гранатой в руках перебрался в первую траншею, вылез из нее и пополз навстречу бронированным чудовищам. Он ни слова не сказал, но истребители танков поняли его и последовали за ним. Молодые бойцы обогнали комбата. Раньше всех встретил танки Анжиг, ползший перед комиссаром. Юноша чуть приподнялся и швырнул гранату под гусеницу. Послышался грохот, лязг, рев мотора. Танк развернулся, остановился и почти одновременно вспыхнул: в бок ему угодила пуля противотанкового ружья.

— Молодец, Анжиг! — крикнул комиссар.

Парень слов не разобрал, но понял, что его похвалили. Он приготовил вторую гранату, но танков близко не было. Они снова откатывались, не выдержав решительно-

го удара истребителей танков. На поле осталось пять мертвых машин.

Убуш Харадаев вернулся на свой НП и доложил командиру полка, что атаки немцев отбиты, батальон готов и дальше сопротивляться, если удар врага повторится. Но, видимо, силы фашистов иссякли. Движение на их переднем крае прекратилось. Только артиллерийские залпы еще обрушивались на расположение батальона. Гитлеровцы мстили за неудачу.

Быстро вечерело. Убуш принял доклады командиров рот о потерях в людях и вооружении, подписал подготовленное начальником штаба донесение и вернулся в свою землянку. Там уже находился Манджиев.

— Все раненные отправлены в тыл, — сказал он комбат. — Убитых вынесли. Ночью похороним.

— Состав представления к награждению тех, кто особенно отличился. А я распорядился, чтобы от моего имени командиры рот объявили благодарность всем рядовым и сержантам.

— Всю ночь просижу, а сделаю, — заверил комиссар. Убуш устало опустился на нары, ослабил пояс.

— Устал? — спросил Нимгир.

— Вымотался...

— Ну, полежи немного, — предложил тот.

— Если удастся...

Но ему не лежалось. Скоро комбат ушел: надо было побывать в ротах, подбодрить бойцов.

Вечер переходил в ночь. Чтобы хоть часть бойцов могла поспать, командиры, в том числе и майор Харадаев, должны отказаться от сна. На то они и командиры...

## 30

Майор Убуш Харадаев в третий, а может, и в четвертый раз перечитывал письмо от родных. По почерку он узнает руку жены, руки сыновей — каждый из них выбирал самые теплые слова. Из письма комбат узнал, что его жена и Люба — жена Григория работают вместе, что сыновья растут и дружат с маленьким Тарасиком, который начинает ходить.

Надо было написать ответ, пока на переднем крае тихо. Фронт есть фронт: не используешь спокойную минуту, завтра она может не повториться. Но он только усел

написать «Здравствуйте, мои дорогие!» — вбежал ординарец:

— Товарищ майор, к вам командир полка!

В землянку ввалилось трое мужчин.

— Принимай гостей! — сказал подполковник.

Убуш глянул на вошедших повнимательней и, еще не веря себе, воскликнул:

— Бадма!

Друзья обнялись.

— Неужто знакомые? — спросил подполковник.

— Да это же мой самый лучший друг! Росли вместе! — ответил Убуш.

— Но ты его назвал Бадмой, а он — Лотос, комиссар партизанского отряда «Молния». А это его командир — товарищ Илья.

Убуш пожал товарищу Илье руку.

— Что это за «Молния»? Какой отряд и откуда?

— Я же сказал тебе — они из партизанского отряда «Молния».

— Понял, все понял, — рассмеялся Убуш.

— Раз так, займемся делом. Где твоя карта?

Убуш вытащил карту из планшетки и расстелил ее на столе.

— Смотрите, — пригласил подполковник всех. — Задача состоит в том, чтобы помочь партизанскому отряду добраться до этого пункта. Вот, помечаю... Сегодня и завтра отряд отдохнет в тылах батальона, командир и комиссар проведут необходимые наблюдения. А потом вы, майор, дадите им людей для сопровождения. Идти с ними, пока не кончится тактическая глубина немецкой обороны — она здесь невелика. Все должно быть тихо и скрытно. Немцы не должны даже подозревать, что в барханах за их спиной скрываются партизаны. Разумеется, до поры, но это уже не наше дело. Мы обязаны обеспечить скрытность передислокации отряда. О себе фашистам они «доложат» сами.

— А как проводники вернутся? Ночи короткие...

— Дойдут до начала барханов, проведут там день и — обратно. Встречу им обеспечить самую продуманную.

— Будет сделано, — сказал Убуш.

Задание было нелегким. Через фронт противника, напуганного активностью батальона, надо было провести целый отряд, да еще обеспечить возвращение сопровождаю-

щих. В тылу будет проще — там, в районе барханов, немцев нет. А до барханов тридцать километров. За одну ночь бойцы должны дойти туда, за другую — вернуться.

Комиссару батальона, который был в роте лейтенанта Нестеренко, уже сообщили о гостях. Он явился вместе с Григорием. Когда познакомились с партизанами, Григорий сказал Бадме:

— А я вас знаю!

— Откуда?

— Видел фотокарточку у майора. Он все тревожился, что от вас нет вестей, а вы сами явились! Здорово получилось!

Командир полка, оставив партизан, ушел. В землянке состоялось короткое совещание.

— Прохождение через передний край будет обеспечивать твоя рота, — сказал Убуш Григорию. — Кого выделишь в сопровождающие?

— Лейтенанта Соловьева с бойцами из его взвода.

— Так тому и быть, — согласился майор.

Совещание закончилось, и Нимгир предложил:

— Я принимаю комиссара, ты, командир, — командира.

— Так не пойдет, — возразил Убуш. — Ты с Нестеренко помоги товарищу Илье ознакомиться с нашей обороной, а я тут побуду с Бадмой.

В батальоне уже знали, что в тылу расположился партизанский отряд. Ему уступили большую землянку, вырытую в ложине возле колодца. Высотка, отбитая у немцев, хорошо прикрывала эту ложину. Каждому бойцу хотелось повидать этих удивительных людей. Но пока повезло одному Анжигу. После осмотра переднего края лейтенант Нестеренко остался в роте, а Анжигу поручил сопровождать комиссара, который вместе с товарищем Ильей шел к партизанам.

Небольшая группа партизан сидела в тени плащ-палатки, натянутой на шесты: видно, в землянке им было душно. Анжигу они казались людьми из особого теста, но самое невероятное заключалось в том, что среди партизан была девушка. Он присмотрелся к ней и замер, пораженный догадкой. «Неужели она?.. Конечно она! Нет, быть не может, это не она!»

Нимгир и товарищ Илья скрылись в землянке, Анжигу остановился в нескольких шагах от партизан.

Да, среди партизан была Цаган! Теперь он видел, что

с нею были еще две девушки. Цаган сидит вполоборота и слушает партизана, который что-то оживленно рассказывает и искоса поглядывает на бойца, застывшего в напряженной позе. Цаган проследила за направлением его взгляда и...

— Ца-га-а-а-ан!

Она вскочила. Анжиг бросился к ней. Они на мгновение обнялись, а потом опомнились, отстранились, держась за руки.

Партизаны тоже поднялись, приблизились к Анжигу и Цаган, весело переговаривались, поняв, что встретились любящие — это сразу видно. Цаган и Анжиг не обращали на них внимания.

Девушка смотрела на Анжига радостно и жалостливо: он казался очень худым в туго затянутой гимнастерке и узких бриджах. «Трудно ему приходится! Питание не домашнее, жара лютая, заботы трудные. Тощий какой!» — грустно подумала Цаган.

— Так ты партизанка? — едва слышно спросил Анжиг.

Цаган кивнула.

Не сговариваясь, они пошли к колодцу, обогнули его и забрались в щель, вырытую на случай бомбежки.

— Самолетов что-то не видно! — крикнул им вслед один из партизан.

— Твои глаза опасней самолета! — одернул шутника другой.

Анжиг с Цаган опустились на дно щели, спрячась от солнца в узкой тени. Здесь их никто не видел, и они обнялись.

Анжиг сидел, с трудом вытянув ноги. Цаган присела рядом и смотрела на любимого, счастливая оттого, что случай подарил им эту встречу.

— Милый, что же ты молчишь?

Анжиг пожал плечами.

— Дядя Хара пишет тебе?

— Дядя Хара? А зачем он станет писать? Он тут, со мной!

— Так пойдем к нему!

— Сегодня он в наблюдении. Освободится, увидишь его... Он молодец, в первом бою убил пятерых фашистов. Такого стрелка-героя поискать надо,— рассказывал Анжиг.

О том, что он сам подбил танк, Анжиг умолчал.

— Ты о себе расскажи...

Анжиг гладил черные густые волосы Цаган, а девушка говорила о том, как надумала идти в армию, как отговаривал ее Тулеген-ага и как встретила на астраханской пристани Бадму, по делам направляющегося в обком партии. Рассказала о матери Анжига, которой отвезла его вещи, о своих родителях и семье Хары.

— А где же Бадма? В Астрахани остался?

— Здесь он. Я же говорю, что он комиссар нашего отряда.

Они не расслышали, что Анжига зовут. Парень поднялся и увидел Хару, который выходил из-за колодца.

— Зачем в яму залез? — спросил Хара. — Партизаны говорят, что ты испугался бомбежки и спрятался. Но ведь самолетов не было! Чего же ты испугался? — Хара заглянул в щель и воскликнул: — Ах, ты тут с Цаган!

— Как ты узнал, что она здесь? — удивился Анжиг.

— Ко мне пришел майор с Бадмой. Он сказал, что Цаган здесь, и майор приказал подменить меня. Так что дай мне обнять ее и поговорить с нею.

— Лезьте к нам, — пригласила Цаган, — мы потеснимся.

Хара спрыгнул в щель.

— Ты можешь объяснить мне, как ты, едва проводив нас, сама оказалась здесь?

Девушке снова пришлось рассказывать о событиях последнего времени, о том, как живет семья Хары. За этим разговором и застал их Бадма.

Они жали друг другу руки, глядели в лицо так, как будто не верили, что это не сон, а действительность.

Расспросам, восклицаниям, воспоминаниям о смешном и грустном, пережитом вместе, не было конца.

Бадма увидел Убуша, который пришел знакомиться с партизанами, и позвал его:

— Вот, брат, сошлись трое друзей — вместе скот перегоняли. Знакомься.

— С девушкой охотно познакомлюсь, — шутил Убуш. — Ее я впервые вижу, а вот с бойцами, скорее, сам могу тебя познакомить. Я их в бою узнал. Тебе известно, что наш стрелок Дорджиев в первом бою уничтожил пятерых фашистов? Не известно? Так знай! А Анжиг Шонхоров подбил вражеский танк! Хороши сведения? Можешь дополнить ими анкеты своих приятелей!



Анжиг разумянился, как девица, не столько от самой похвалы, сколько оттого, что говорили о нем в присутствии Цаган.

А Цаган и сама сияла. Ее Анжиг, смелый, сильный, ловкий, отличился в сражении, проявил мужество и отвагу! Не каждому дано подбить танк, не дрогнуть, когда на тебя идет бронированная громадина! Кто может сравниться с ним, кто сумеет так уверенно держаться в страшном бою? Мало кто. Ведь таких, как ее Анжиг, немного! А для нее он вообще единственный, самый лучший, самый нужный!

Убуш, как гостеприимный хозяин, встретивший добрых знакомых во дворе своего дома, сделал широкий жест в сторону землянки:

— Такое событие заслуживает того, чтобы его обмыть. Заходите под этот надежный кров. У моего ординарца есть заветная фляга...

Командир партизанского отряда Илья, ненадолго появившийся возле колодца, не смог принять участия в маленьком празднике: с частью своих бойцов он возвращался на передний край, чтобы наладить наблюдение и выбрать место перехода в тыл. Остальные партизаны собрались под плащ-палаткой. Землянка перешла в распоряжение Бадмы, Убуша, Анжига, Хары и Цаган.

Ординарец расставил на шатком столике разномастные кружки, немудреную еду, передал комбату флягу с водкой, а сам с автоматом вышел из землянки, — как он сказал, «обеспечивать охранение».

Убуш разлил водку и протянул жестяную кружку самому старшему — Харе. Тот опустил палец в водку, разбрызгал ее и произнес йорел:

— Да пожелаем друг другу сойтись с врагом лицом к лицу, разбить его и вернуться в родные степи. А там собрать пир радости, отметить победу доблести и чести! Да пронесем незапятнанным имя сына степи — калмыка. Пусть каждый будет готов к подвигу!

Йорел всем понравился. Убуш высоко поднял кружку и сказал Харе:

— Дожить вам до древней седины и всегда быть главой веселых и дружных компаний!

Мужчины выпили, Цаган поставила кружку на стол.

— Это никуда не годится, хоть немного, а выпей! — потребовал Бадма.

Цаган хлебнула глоток, обожглась и зажала рот рукой. Водка развязала языки мужчинам. Каждому хотелось сказать что-нибудь доброе, сердечное, вспомнить недавнее мирное прошлое, родных и родные места, похвалиться ими — самыми лучшими на свете местами.

А меж тем наступил вечер. Было тепло и тихо. Все вышли на воздух.

Партизаны собрались в кружок и тихо пели.

— Пойдем посидим с ними, — предложил Убуш.

Партизаны потеснились, и друзья устроились прямо на земле.

Стриженная под мальчика узкоглазая девушка-калмычка, подружка Цаган по партизанскому отряду, настроила домбру и ударила по струнам. Домбра звенела, звуки, рассыпчатые и чистые, долго держались в густом воздухе. Если бы слушателей спросили, о чем поет домбра, то ответов было бы столько же, сколько людей в тесном кругу бойцов батальона и партизан. Каждый слышал в музыке что-то свое, близкое, неповторимое.

Девушка играла легко и быстро. Пальцы левой руки скользили по ладам, а правая рука летала над струнами, мгновенно и сильно касалась их, точно обмакивала пальцы в золотую воду, а потом бросала в подарок людям звонкие капли.

Домбристка начала новую мелодию — плясовую, и кто-то сказал:

— Вставайте, гости, давайте, гости!..

Бадма кивнул командиру партизан товарищу Илье, стоящему в сторонке, — он только что пришел с первой линии и наблюдал за своими друзьями, слушавшими музыку и словно забывшими о том, что им завтра уходить на опасное дело.

— Придется нам с тобой брать инициативу на себя, — сказал Бадма, поднялся и вышел в середину круга.

Музыка стала еще живей, послышались частые хлопки в ладоши. Но Бадма не спешил. Спокойно повел руками, ногами перебирал как бы с лентой, а потом, будто пожалев домбру, заскользил в такт, закружился, выделявая замысловатые коленца, то приближаясь к домбристке, то удаляясь от нее.

Зрители подпевали и били в ладоши, а танцор вдруг замер перед Ильей, передавая ему право на продолжение пляски.

Илья притопнул раз, другой, третий и пошел, к приятному изумлению калмыков, по всем правилам. Танцевал он здорово, но недолго: сделал несколько кругов, стал искать, кому передать танец, и увидел Баатра, сменившегося с дежурства на наблюдательном пункте. Парень принял вызов, а командир уже подскочил к Цаган, коснулся рукой ее правого плеча.

— Цаган, не подведи, паддай жару! — лихо выкрикнул Хара.

Баатр и Цаган стали друг против друга, прислушались к музыке, начали танец размеренно и мягко.

Следующий день прошел в хлопотах. Когда совсем стемнело, отряд отправился в путь. К счастью, ночь была облачной, и фронт пересекли благополучно. Сопровождали партизан лейтенант Соловьев и трое бойцов, в числе которых был Анжиг.

Убуш с Бадмой простились в траншее перед самым выходом.

Всю ночь неустанно шагали, держась подальше от полевых дорог и редких колодцев, к рассвету углубились в барханы настолько, что сам черт не обнаружил бы их. Дневку решили провести врозь. Отряд расположился в глубокой складке, а лейтенант Соловьев с бойцами вернулся километра на два назад и залег под барханом, ожидая наступления ночи...

## 31

Шестая ночь, проведенная на марше, показалась невероятно долгой. Люди устали. И не только от ходьбы. Надо было добраться до места назначения так, чтобы никто не обнаружил, что в тыл проник партизанский отряд. Шли осторожно, чуть ли не бегом пересекая дороги, далеко огибая хотоны. Опасность могла нагрянуть с любой стороны. Постоянное напряжение, необходимость соблюдать меры предосторожности выматывали нервы. Даже вдали от жилья, глухими ночами партизаны не позволяли себе расслабляться: рассчитывай на плохое, говорят калмыки, а хорошее, если ему суждено, и само придет. Продукты таяли, и рацион пришлось урезать.

Далекий лай собак из хотонов, которые оставались в стороне, редкие выстрелы часовых воспринимались словно нереальные: жизнь партизан была теперь далека от всего, что связано с домами, селами, бытом. Дневки проводили в самых затаенных углах, в ямах, колючих зарослях, под сваленными в кучу кустами перекасти-поля. Чтобы сберечь силы бойцов, командир и комиссар отряда чаще других брали на себя дежурство. Но силы человеческие имеют предел. Надо было дать отряду хороший отдых, чтобы к назначенному пункту прийти бодрыми, способными решать боевые задачи.

Позади был Яшкуль. Впереди Цаган-Усун. От него, миновав Хара-Толга, следовало двигаться в направлении Лола, Элиста.

Темнота сгустилась—приближался рассвет. Отряд располагался на долгий привал. Люди укрылись во впадине, а комиссар Лотос нашел местечко повыше, замаскировался бурьяном—предстояло длинное и трудное дежурство.

Хотелось спать, но даже на секунду нельзя забыться. Бодрствовать, только бодрствовать!

Ночь стала бледнеть, когда к Лотосу подполз Баатр. Командир отряда послал его к комиссару. Вдвоем легче бороться с усталостью. Да и в удобную минуту можно было вздремнуть по очереди.

— Ложись и спи, только тихо! — сказал Лотос Баатру. Парень заснул мгновенно.

Уже видны были очертания кургана, тропка в ложине, голенастые кусты бурьяна. Небо светлело, и воздух становился теплее.

Послышался неясный звук. Лотос насторожился. Скоро он услышал шаги. Кто это? Шаги все ясней, отчетливей. На тропинке, до которой рукой подать, показался немец с ведром. Он что-то напевал, перебирал ногами, точно ему хотелось пуститься в пляс. Фашист скрылся за поворотом, — наверно, поблизости был колодец. Действительно, через несколько минут донесся скрип журавля, звякнуло ведро. Ну и местечко! На карте нет ни колодца, ни тропок. Просчитались, значит.

Не успел вернуться первый немец, как на тропу вышли трое других. Каждый нес по два ведра. Гитлеровцы сладко позевывали, лениво переговаривались.

Лотос почти не дышал, а Баатр вдруг всхрипнул. Лотос обмер на миг, а потом толкнул Баатра локтем в бок.

Парень открыл глаза и спросонья едва не вскочил — комиссар успел прижать его голову к земле.

— Немцы! — выдохнул Баатр.

— Тихо! — шепотом приказал Лотос.

Когда фашисты скрылись, Баатр шепнул:

— Забросать бы их гранатами! Заткнуть рты, чтобы не зевали...

— Сначала тебе надо заткнуть рот, храпишь, как в своей постели.

— Больше этого не повторится, товарищ комиссар. Я же не знал, что они тут бродят...

Немцы прошли обратно, и стало тихо. Как они тут оказались? Что за стоянка у них? Днем не выяснишь, а вечером надо спешно уходить. Не ввязываться же в бой, если приказано не поднимать шума и тайней тайного выйти в намеченный район!

Лотос продолжал наблюдение, разрешая Баатру отдыхать, набираться сил. Парень дважды ползал к командиру: один раз доложил об увиденных немцах, другой раз сообщил, что больше движения по тропинке не наблюдается, и узнал, что на остальных постах ничего не замечено.

Комиссар уже переборол усталость, им овладело нервное возбуждение, создавая обманчивое впечатление бодрости и свежести. Он понимал, что с каждым шагом дорога будет все тяжелей. Партизаны несут боеприпасы, автоматы, продукты. Силы их иссякают, и ноша все сильнее будет давить плечи. Вся надежда на стойкость и мужество людей. Тяготы кочевой жизни пока они переносят, не жалуясь, не падают духом, не ропщут, а, наоборот, стараются помочь друг другу. С такими ничто не страшно!

Взять хотя бы учителя Санджи Очирова. Он никогда не служил в армии, не носил сапог. Скоро натер себе ноги, водянки причиняют ему мучительную боль, но он ни разу не пожаловался, не отстал от строя. На дневке пролежал босиком, а когда лопнувшая водянка подсохла, приложил к ней чистый платок и затянул портянкой. Друзья случайно узнали о беде, предложили нести его вещи, но он отказался.

Никто не хотел быть обузой товарищам, все стремились нести свою партизанскую службу честно и безотказно.

Комиссару и командиру отряда приходилось труднее всех — они отдыхали меньше, работали больше, старались всегда быть веселыми. Они договорились следить друг за

другом, поддерживать в трудную минуту. Командир товарищ Илья, как все его звали в отряде, словно забыли фамилию, рассудительный, немногословный, серьезный, нравился Лотосу. С таким не пропадешь, пойдешь в огонь и воду.

Лотос видел, что партизаны уважают командира, охотно делятся всем, что на душе, любят посидеть, побалагурить за компанию. Это было радостно: испытание, по крайней мере первый этап его, выдержано. Можно быть уверенным в том, что и экзамен боем будет сдан.

На восьмую ночь, задолго до рассвета, отряд прибыл в указанный район. Командир и комиссар помнили слова Григория Ивановича: «Будьте осмотрительны. Выйдя в намеченный район, основательно разведайте местность. Вы должны знать ее, как собственную квартиру. Действуйте по обстановке — нам отсюда не все видно. Не спешите все задачи решить с ходу. Торопливость может принести обратные результаты».

В темноте, почти на ощупь, выбрали местечко посуше — отряд углубился в заросли камыша, — сложили вещи, выставили посты.

Как только начали тускнеть звезды и над камышами растекся мутный прохладный свет, выслали разведку. Обследовали сразу несколько направлений. Многое из того, что предусматривали раньше, оправдалось. Заросли обширны и дремучи. На окраинах их можно найти немало отличных точек для наблюдения и охраны лагеря. И до реки близко.

Решили устроить длительную стоянку на небольшом сухом островке, окруженном камышом и чаканом. Со стороны его обнаружить почти невозможно, зато отсюда можно скрытно уйти и запутать преследователей.

Оставалось узнать, что делается за Аршанью, неширокой и неглубокой рекой с вязким илистым дном.

Лотос вызвался заняться этим. Командир согласился.

От одного вида реки сводило натруженные мышцы. Холодом веяло от утренней сизой воды, подернутой зябкой зыбью. Невольно втянув живот и задержав дыхание, Лотос ступил в прибрежную грязь, а потом осторожно стал погружаться в воду. Его обдало жаром, ноги защекотало быстрыми пузырьками. Но постепенно тело привыкло к холоду, стало теплей, и комиссар, перебравшись через реку, довольно быстро избавился от неприятной дро-

жи. Он залег и вслушался. Шуршали стебли камыша, что-то звучно шлепалось в воду — может, лягушки прыгают с кочек, а может, плещется рыба. Глухомань. Навряд ли здесь встретишь живую душу, но таиться необходимо. Один неосторожный шаг — и целый отряд подвергнется опасности.

Лотос, осторожно раздвигая стебли чакана и камыша, двинулся дальше. Он привык к жалобному шуршанию и легко мог бы заметить малейший посторонний звук. Показался просвет — заросли кончались. Лотос снова приник к земле. Осмотрелся — все было спокойно. Впереди низина, за ней гряда, скрывавшая степь. Комиссар быстро поднялся и, наклонившись, пробежал метров сто — до низины. Она была покрыта кочками, достаточно высокими, чтобы за каждой мог залечь стрелок. За грядой раскинулась равнина, голая, просматриваемая на многие километры. Хорошее место: прячась за грядой, можно вести бой с превосходящими силами. По низине удобно подбрасывать боеприпасы, уводить раненых, да и самим отходить с огнем, если придется отходить...

Лотос не только доложил командиру о результатах наблюдений, но и сделал схему разведанной местности. Двоем наметили места постоянных дозоров. Теперь надо было позаботиться о разведке в Элисте. Кого послать? Предприятие не только рискованное, но и очень сложное.

Остановились на двух партизанах, которые должны были отправиться в город один за другим. Первый — тридцатилетний фотограф Мелютин, объездивший республику, знавший каждый хотон, а в Элисте — каждую улочку. Второй — Эрдни Аранов, перед войной окончивший десятилетку; он воевал в истребительном подразделении и ушел из города с последними его защитниками.

Командир и комиссар едва закончили разговор, как пришел Мелютин, точно почувствовав, что речь шла о нем.

— Товарищ командир, я знаю, что в город должен пойти разведчик. Направьте меня. У меня там семья. Жена была беременна и не смогла эвакуироваться. Я сумею тайком пробраться к себе, а если попадусь, скажу, что решил жить в оккупированном районе. Мне поверят: семью, мол, специально не вывез.

— Твое желание совпало с нашим решением. Выйдешь после захода солнца. Мы дадим тебе явку. Запомни

пароль и отзыв: «До чего же невыносима жара». — «Если не сейчас, то когда же быть жаре».

Мелютина отпустили, вызвали Эрдни.

— Слушай, парень, — просто, точно говорил о привычном деле, сказал товарищ Илья, — надо прогуляться в Элисту, встретиться с одним жителем, передать наш вопрос и вернуться с ответом. Сможешь?

— Готов, хоть сейчас, товарищ командир...

— Молодец, но все не так легко, как кажется. Дело рискованное, надо быть начеку... Туда же пойдет Мелютин, но район его действия — окраина. Тебе надо побывать в центре... У тебя есть там верные друзья?

— Есть... Найдутся...

В разговор вмешался комиссар:

— Ты погоди — это разные вещи: есть или найдутся?

— Есть! Могу рассказать, кто остался в Элисте и почему.

Командир и комиссар расспросили Эрдни о тех, на кого он мог положиться, посоветовали быть осторожным и иметь дело только с самыми надежными людьми.

Поздно вечером проводили одного, а потом и второго разведчика, обошли дозоры, вернулись на стоянку и, улегшись на камышовую подстилку возле шалаша, составили и зашифровали первое донесение командованию. Радистка Ася передала сведения, и Илья с Лотосом ушли спать.

Когда запыхавшийся дозорный растолкал Илью, он даже чертыхнулся от досады: только закрыл глаза, а тут будят. Но, выбравшись из шалаша, заметил, что стоит глубокая ночь, от реки тянет холодом и сыростью.

— Замечен верховой, — доложил дозорный. — Скачет к нам!

Командир схватил автомат, разбудил комиссара. Быстро зашагали в направлении, указанном дозорным. Верховой уже был в камышах.

— Это же Эрдни! — узнал всадника Лотос.

Разведчик спешил, торопливо доложил:

— Мелютина, видимо, схватили!

— Доказательства!

— Я шел по балке и видел, как от его дома отъехала закрытая немецкая машина... поймал на лугу коня и сюда!.. Я успел узнать, что арестовано немало активистов. Вот фамилии некоторых.



Эрдни назвал людей, которых знали оба — и командир, и комиссар.

— Объявить тревогу, — приказал командир. — Надо менять стоянку.

Через несколько минут отряд был в сборе. Перешли вброд реку, отшагали километров двенадцать, выбрали полянку поблизости от края зарослей и взялись за работу: не только соорудили шалаши, но и вырыли окопчики, на случай если явятся фашисты. Разумеется, первое, что делает отряд, — это попытается незаметно исчезнуть, а если не удастся, надо быть готовыми принять бой.

День прошел спокойно. Внешне спокойно, а на сердце у всех тревога: еще ничего не успели сделать, а одного товарища уже потеряли.

Эрдни собирался вернуться в Элисту. На этот раз ему дали не только пистолет, но и связки гранат — по две гранаты в каждой связке. Парень предложил провести дерзкую диверсию: среди бела дня взорвать столовую, расположенную возле базара и превращенную в офицерское казино.

В полночь Эрдни добрался до города, знакомыми дворами прошел к дому, в котором жила его подружка и одноклассница Пошта. Тихо постучал в окно. Долго не отвечали. Потом занавеска медленно отвернулась, и к стеклу приникло девичье лицо. Пошта узнала Эрдни и впустила в дом.

— Что случилось? — испуганно спросила девушка. — Ты же ушел с нашими?

— Не бойся, Пошта. Все в порядке... Пока ни о чем не расспрашивай. Приготовь мне сумку. А сейчас я отдохну и утром пойду на базар.

— Зачем? Я сама схожу...

— Так надо...

Он попросил постелить ему на полу. Пошта легла на кровать. Эрдни долго не мог заснуть — все думал о задании. Конечно, нужна тщательная разведка, но так хочется открыть счет уничтоженным фашистам, так хочется дать им понять, что здесь не они хозяева, так хочется пручить этих наглых завоевателей и грабителей!

После долгих колебаний Эрдни, умолчав о партизанском отряде, сказал Поште, что вернулся для того, чтобы начать борьбу против гитлеровцев, что попробует бросить гранаты в казино во время завтрака, когда немцы меньше

всего будут ждать нападения. Пошта тут же предложила на рассвете, когда базар только откроется, осмотреть все вокруг казино.

Обговорив все детали предстоящего дела, они заснули.

Проснулся Эрдни от скрипа двери. Пошта возвратилась с базара с бутылкой молока.

— Людей на базаре мало. Немцев совсем нет. В столовой только повара и официантки. Скоро немцы пойдут завтракать. Оп длится недолго — они приходят почти все сразу...

— Это мне и пужно, — сказал Эрдни. — Сиди дома и ничего не бойся. Все остальное беру на себя.

Парень положил в сумку связки гранат, накрыл обрывком бумаги и матерчатым мешочком из-под муки. Натянул кепку пониже и вышел на улицу. Прохожих почти не было. И базар был немногочисленным. Эрдни прошел по рядам, посмотрел, чем торгуют, не забывая наблюдать за казино. Купил два пучка луку, положил в сумку так, чтобы перья свешивались наружу. Он заметил, что покупателей и продавцов становится все меньше, базар быстро пустеет.

Немцы один за другим скрывались в столовой. Часовых не было: фашисты привыкли, что здесь им ничто не угрожает.

Эрдни готов был к чему угодно — к аресту и к смерти от пули патрульных. Самое главное — швырнуть гранаты и побольше фашистов перебить. Он не боялся за себя, а все равно внутри что-то неприятно подрагивало, по спине пробегали мурашки, тянуло зевать.

Парень свернул в переулок, обогнул квартал и по противоположной стороне стал приближаться к столовой. Поравнявшись с нею, решительно пересек дорогу и двинулся вдоль окон. Сквозь стекла были видны завтракающие немцы. Дверь была полуоткрыта, никто не входил в нее и никто не выходил. Большие форточки широко распахнуты. Эрдни огляделся, мгновенно вытащил одну связку и швырнул ее в форточку. Перебежал к другому окну и забросил вторую связку. И тут же метнулся к дворовым постройкам столовой, оттуда, вдоль базарного забора, в параллельный переулок, а потом неторопливо, точно действительно ходил за луком, направился к дому Пошты.

Теперь, когда затихли взрывы и крики, он слышал только выстрелы. Шел и думал: пусть стреляют — это с

перепугу. Пока они опомнятся, поставят оцепление и начнут искать диверсанта, он, Эрдни, уже будет отдыхать у Пошты.

Спокойствия его хватило только на то, чтобы дойти до Пошты. В доме девушки наступила разрядка: Эрдни вдруг покрылся потом, руки мелко дрожали, голос стал хриплым.

Пошта все поняла и ни о чем не расспрашивала. Дала ему калмыцкого чая и посоветовала лечь. А сй пора было идти на работу.

До войны она была наборщицей. Когда пришли немцы, решила отсидеться дома. Однако новые власти затеяли издание газеты. Полицаи разыскали типографских рабочих, не успевших эвакуироваться, и под страхом смерти заставили набирать заметки и верстать страницы поганого фашистского листка.

— Что я могла поделать? — говорила Пошта Эрдни.

— Ничего, мы и из этого извлечем пользу. Делай вид, что стараешься, войди в доверие.

— Кто это «мы»?

— Ну... ты и я!

Пока Пошта дошла до типографии, ее трижды останавливали: у всех прохожих проверяли документы.

У наборных касс Пошту ждала ее подружка Аня.

— Слыхала, что кучу немцев перебили? — зашептала она в ухо Поште. — Кто-то на завтрак гранаты им поднес! Накромсало начальства всякого!

— Да когда это было?

— Совсем недавно!

— Задержали кого-нибудь?

— Где там! Кто-то ловкий действовал! Раз повально проверяют документы, значит, не нашли...

Работала Пошта как в полусне. Она боялась за Эрдни и жадно ловила слухи, которые приносили посетители типографии. Каждое сообщение о том, что диверсанта не поймали, радовало и пугало девушку.

Вечером она почти бежала домой. Отперла дверь, заглянула в комнату, Эрдни нигде не было. Куда же он девался — дом ведь был на замке? Он тем временем спал с печи, где поспал всласть.

Пошта бросилась к нему, обняла.

— Какой ты молодец, какой ты молодец! А я так тревожилась, даже трусила!

Девушка приготовила поесть, накормила Эрдни. После ужина он спросил:

— У тебя не осталось красок? Ведь ты любила рисовать...

— Что ты еще придумал? Если останешься в городе, то хоть погоди, пока все утихнет.

— Но ты завтра уйдешь на работу, чем же я стану заниматься? Дай мне возможность поразвлечься рисованием.

— Знаю я твои развлечения... Эрдни, ты рассказал бы мне, где был до сих пор, с кем ты связан. Ведь не один ты. Мне тоже хочется быть вместе с твоими товарищами... Ты что, не доверяешь мне?

— Доверяю... Но я один действую, — сказал Эрдни, опустив глаза. — Читала «Одинокого борца» Хасыра Сян-Белгина? Вот и я такой одинокий борец. А подробности потом, когда прогоним этих извергов... И не считай, что ты стоишь в стороне. Ты немало полезного делаешь.

Эрдни привлек к себе девушку, стал целовать ее порозевшие щеки.

— Не надо... Ну, не надо, — отбивалась она.

Утром, проводив Пошту на работу, Эрдни засел за дело. Положил на стол краски, бумагу, набрал в стакан воды и принялся писать призывы. Черной краской вывел «Смерть черным фашистским воронам!», красной — «Да здравствуют красные орлы!». На третьем листе четко вывел: «Калмык! Твой враг — фашист. Убей его!»

Вечером, за ужином, Эрдни сказал, что ему осталось встретиться с одним человеком, устроить на улицах Элисты «выставку своих художественных работ» и потом он сможет на время покинуть город.

Пошта опять стала расспрашивать его о том, как он жил последнее время, с кем ведет подпольную работу, к кому ей обратиться, чтобы получить боевое задание.

И опять Эрдни ответил уклончиво:

— Понимаешь, не успел я убежать от фронта. Немцы на машинах, а я на своих двоих. Проблуждал по хотонам и вернулся сюда. Родных нет, разъехались. К кому идти, как не к любимой, которая была маяком, светившим мне всю дорогу сюда.

— Ты все шутишь...

— Не шучу. Лучше слушай, что я тебе скажу. Через полчаса я уйду. Когда вернусь — не знаю. Ты завтра

понаблюдай, как отзовутся мои «картины» на настроения в городе. Приду, расскажешь.

...Эрдни не позволил Поште даже из дому выйти. Попрощался с нею у двери и выскользнул на темную улицу. Где удобными дворами, где чуть ли не ползком вдоль заборов пробрался к базару, приклеил к столбам ворот плакатики, миновал овраг, прошел окраину и зашагал степью — в отряд.

Парня ждали. Встретили его радостно, долго расспрашивали о делах, хотя его официальный доклад был коротким, но толковым. Командир объявил молодому партизану благодарность, пожелал и дальше действовать так же героически и разрешил отдохнуть...

## 32

Приземистый дом Мелютин стоял на берегу маловодного ручья. Весною, в пору таяния снегов, русло наполняется до краев мутным клокочущим потоком. А летом ручей почти пересыхает.

Мелютин тихо прокрался к дому, постоял, вслушиваясь в ночь, — ничего тревожного. Однако на душе было тяжело, сердце билось часто и неровно, по лбу стекал пот. Как там, дома? Что с женой, с детьми: с дочкой Ирой и... кто он, второй ребенок? Мальчик или девочка?

Обойдя сарай, шагнул к крылечку в одну ступень, легко поскребся в дверь. Ответа не было. Негромко постучал.

— Кто там?

Это жена, испуганная, дрожащая, — по голосу слышно.

— Ганна, открой.

Женщина немедля отворила: Ганной называл ее только один человек — муж.

Она прижалась к нему, а он погладил ее волосы, потом взял на руки и понес в комнату. Когда опустил ее, она завесила окна и засветила лампу, а Мелютин остановился над люлькой малыша.

— Кто?

— Сын! — счастливо ответила жена. — Раздевайся, дам тебе помыться, накормлю.

— Нет, ничего не надо. Я...

— Неужели уйдешь?

Он сам задал вопрос:

— Ганночка, как вы тут живете? Какие новости?

— Живем как все. В страхе и надежде... Всюду аресты. Мало кто на свободе остался. Днями и ночами облавы, повальные обыски.

— Кого взяли?

Ганна перечислила несколько фамилий, в том числе назвала Беленко.

— Какой Беленко? — встревожился Мелютин. — Да, да, помню его, — прошептал он, а в голове билось: «Как же быть? Явка у меня к нему!» — Может, ты ошиблась, Ганна?

Она ничего не успела сказать — в дверь громко и настойчиво постучали.

Мелютин снял автомат со спинки кровати, Ганна бросилась к нему, выдохнула:

— Не стреляй, убьют!

Стук повторился. В дверь били прикладами.

— Открой, все равно взломают, — сказал Мелютин жене, взяв дверь под прицел.

В комнату ворвались полицаи, но стрелять он не стал — в последний миг представил, что будет с детьми, если в доме начнется пальба.

Савельев отобрал у Мелютина автомат, передал солдату, а вошедший за полицияями немецкий офицер сразу начал обыск. Он перерыл весь дом, разбросал одежду, разбудил Ирочку, которая, побелев от страха, жалась к матери.

— Партизан? — спросил офицер Мелютина, утомившись от обыска и сев на стул возле стола.

— Нет, дезертир. Долго блуждал, пока добрался до дому. А с автоматом охотился в степи — есть надо же!

— Лжешь! Писал в газету, печатал снимки, а потом дезертировал? Какой ты дезертир!

— Я не писал в газету. Только снимки давал.

— Ты же был партийный?

— Какой я партийный, я — дезертир...

— Слыхали такие песни! Заставим петь другие, — грозил Савельев.

На улице послышался шум работающего мотора — подогнали машину.

— Пошли, — скомандовал офицер.

Мелютин привезли в полицию. Савельев, заподозривший в нем партизана, поспешил доложить полковнику Вольфу, но тот, изрядно выпивший перед сном, пришел

в ярость, отругал чересчур старательного служаку и велел посадить арестованного в отдельную камеру.

Первые сутки Мелютина не трогали: гестаповцы были заняты другими делами, а Савельев, уверенный, что пойман партизан, и желавший устроить допрос с пристрастием, не решался нарушить приказ: держать узника до особого распоряжения...

А утром — диверсия в казино. Со всех концов Элисты сбегались и съезжались сюда официальные лица, которым сообщили о случившемся. Прибыл и полковник Вольф. Он вошел в зал, в котором кислый запах взрывчатки смешался с ароматами кухни и слышались стоны и крики. Корчились раненые, в странных позах лежали трупы. Из-под стола выбирался трясущийся Рихтер. В руке у него был обрывок меню.

— Как это случилось? — спросил Вольф Рихтера.

Перетрусивший офицер слова не мог вымолвить.

Полковник приказал помочь раненым, увести тела убитых и сам занялся расследованием.

...В своем кабинете метался генерал Гопри. Он тяжело ссутулился, лицо его обрюзгло, под глазами синели мешки. Можно было подумать, что генерал всю ночь пьянствовал. Но во рту у него не было ни капли спиртного. Иное привело его в такое состояние. Непрерывно трещал телефон. В Келкете ночью убили офицера и нескольких солдат. Напавшие скрылись бесследно. На дороге между Яшкулем и Элистой подорвались на минах и сгорели три автомашины. Близ Троицкого была нарушена линия связи. В Зунде-Толга шесть часов шел бой с партизанами. Напавшие не оставили ни одного трупа. Значит, была возможность унести, значит, они были хозяевами положения.

Генерал настолько растерян, что не может придумать ни одного решительного ответного хода. Даже зло не на ком сорвать. До полковника Вольфа не дозвонись. Где болтаются он и его помощники — неизвестно.

Положение складывается такое, что и здесь, в штабе, нет уверенности в безопасности. А вдруг где-то поблизости затаились партизаны, быстрые и беспощадные?

Наконец позвонили из Элисты. Это было невероятно — среди бела дня забросали гранатами казино. Генерал обессиленно свалился в кресло. И в этот момент распахнулась дверь и в кабинет вошел полковник Вольф. Генерал даже не поднялся.

— Рассказывайте, полковник, как вы это допустили и что думаете предпринять?

— Думаю, что за последнее время в наш тыл заброшено сразу несколько партизанских и диверсионных групп...

— Это и так ясно... Что вы успели сделать?

— Герр генерал, я наметил...

— Хватит! — вспыхнул генерал. Он грохнул кулаком по столу, вскочил, выбежал из-за стола. — Мне надоела ваша болтовня! Вы разговариваете, а в моем тылу черт знает что происходит!

— Герр генерал...

— Нет, теперь вы слушайте! Пусть будет вам известно, что обер-лейтенант Блюм, гауптманы Штейнкопф и Штрипке разжалованы в рядовые и отправлены в Хулхуту. Пусть эти тыловые пьяницы и обжоры попробуют там нарастить сало на своих животах! Смотрите, как бы и с вами такое не случилось! Я вынужден сообщить в Берлин о ваших «успехах» в борьбе против партизан. Вы не используете возможностей, которые дает здешняя местность. Тут все открыто, это не Брянские леса и не джунгли Полесья. В голой степи вы давно должны были пресечь всякие попытки к созданию диверсионных групп. А вы этого не сделали! Пеняйте на себя!

Генерал перевел дух, полковник воспользовался этим и заговорил:

— Герр генерал, я наведу порядок, чего бы это ни стоило. Одного диверсанта, заброшенного к нам, мы уже задержали. Дела помешали мне допросить его...

— Это он бросал гранаты?

— Нет, его схватили несколько раньше. Взяли в доме, с автоматом.

— Не говорит?

— Сразу после ареста сказал, что дезертировал из советских войск. И замолчал. Но мы заставим его заговорить...

— Если он действительно партизан, вытяните из него все, — потребовал генерал. — Езжайте и выполняйте.

Вернувшись к себе, Вольф позвонил Савельеву. Тот угодливо осведомился о здоровье полковника, чем привел его в бешенство.

— Нашли когда спрашивать! Вы издеваетесь!

— Извините, господин полковник, я... я, — стал заикаться Савельев.



— Где вы были утром, когда погибло столько наших офицеров? Почему не обеспечили охрану казино?

— Я был у себя и явился сразу же после вашего ухода. А охрана там есть — с вечера до утра. Днем казино ничто не угрожало...

— Не угрожало, не угрожало! Вы, наверное, заодно с партизанами!

— Господин полковник, я верой и правдой служу нашим немецким друзьям...

— Довольно кляв!.. Доставьте ко мне арестованного партизана!

Савельев проявил невиданную поворотливость: через несколько минут он и полицаи, вооруженный автоматом, ввели Мелютина к Вольфу.

Полковник долго разглядывал схваченного. Тот был спокоен и замкнут. Левый глаз запух и посинел. «Работа Савельева, — подумал полковник. — Разукрасил... Как же взяться за него? Трудно будет с ним — такие не очень-то разговорчивы. Но попробуем взять добром».

Вольф пригласил задержанного сесть. Тот сразу опустился на стул. Полковник закурил не затягиваясь, но показывая, что наслаждается дорогой сигаретой. Прошелся по комнате. Искося поглядел на переминавшегося с ноги на ногу Савельева. Раздавил окурочек в пепельнице и сказал:

— Ну, слушаю вас... Откуда вы, по какому делу явились в Элисту?

— Моя фамилия Мелютин. Я дезертировал из армии и пришел домой, к семье...

— Вы бежали из армии, чтобы служить нам?

— Над этим я не думал. Для меня главное — уцелеть и спокойно жить с женой и детьми...

— Вы один или с вами еще кто-нибудь бежал и явился сюда?

— Я один...

Полковник приблизился к Мелютину, посмотрел на него сверху вниз: лицо арестованного оставалось спокойным. «Не похож ты на дезертира, слишком смел», — подумал Вольф.

— Вот что — не будем играть в кошки-мышки. Так у вас говорят? Мы о вас знаем все. Нам удалось задержать вашего напарника. Он расклеивал вот эти мерзости.

Полковник вернулся к столу, взял лист бумаги, развернул, показал Мелютину. Это был один из плакатов, изготовленных Эрдни. Мелютин со скрытым интересом прочитал его и пожал плечами, — дескать, такие вещи мне ни к чему.

— Лучше будет для вас, если вы сами расскажете обо всем. Чистосердечное признание спасет вас. А насколько вы чистосердечны, мы проверим, сопоставив ваши сведения с тем, что мы уже знаем... Я вижу, что вы не трус. Я уважаю смелых людей и обещаю не унижать вашего достоинства. Ваш слабый напарник не заслуживает такого отношения. Презираю продажных людей, поверьте мне. Я дам вам время подумать. До утра. Надеюсь, вы будете благодарны...

Мелютина повели в тюрьму.

Сопровождая арестованного, Савельев мысленно ругал полковника за странную манеру вести допрос. Не упрощать, а пытаться таких! Савельеву жалко было, что ему не доверили вести дело до конца, жалко и обидно: если бы не он, Мелютина не взяли бы. В ту ночь начальник полиции выходил из дома своей любовницы — она жила рядом с Мелютинами. Он услышал стук, разглядел в темноте силуэт человека, помчался к себе на службу и вернулся с людьми и машиной... Надо сегодня обязательно зайти к Мурке — баба она сладкая и ласковая...

Мысль о любовнице заставила забыть все обиды.

### 33

В гетто помнили слова Рихтера о том, что на Украине создаются еврейские города, надеялись, что всех евреев сошлют туда. Поэтому все отгоняли мысли о страшном, о возможной гибели. Никто не пытался бежать, все, кому не удалось скрыться, выполняли требование гитлеровцев зарегистрироваться.

Каждый день и старых, и малых выгоняли на работы. Их вели за аэродром, в обширную низину, где якобы создавалась оборонительная линия. Рихтер строго следил, чтобы траншеи отрывались определенного размера: каждая длиной в семь и шириной в два с половиной метра. Эта скрупулезность заставляла думать, что траншеи действительно имеют важное военное значение, хотя некоторые и недоумевали: неужели бои будут именно здесь?

Голодные и изнуренные люди боялись разогнуть спины — конвоиры никому не давали поблажки.

Доходили слухи о зверствах фашистов, о поголовном уничтожении евреев, но всем хотелось верить, что их эта участь обойдет, что слухи преувеличены.

...В день завершения «оборонительного» рубежа в кабинете Вольфа было созвано большое совещание. Собрались почти все офицеры, служившие в гестапо или связанные с ним, и часть высокопоставленных холуев из «представителей» местного населения. В их числе Огдонов, Труба, Цуглинов.

— Долгое время в калмыцких степях было спокойно, — говорил полковник. — Но теперь все изменилось. Вы знаете о многочисленных диверсиях в крае и самой Элисте. Партизанские группы действуют в нашем тылу безнаказанно. Дороги стали опасными. Потери немецких войск и служащих растут. Все это происходит потому, что мы беспечны и недостаточно строги. Отделы гестапо, городское управление, местная полиция не сумели выявить и выловить активистов, оставленных в нашем тылу, не предупредили появление партизан и диверсионных групп...

Речь полковника удручающе подействовала на всех. Немцы с завистью думали о тех своих сослуживцах, которые остались в фатерлянде: надежды на богатую добычу, спокойную жизнь в Калмыкии лопнули.

Вольф коротко сообщил об указаниях генерала Гопри, о судьбе разжалованных офицеров (об угрозах в свой адрес умолчал). Затем перечислил меры, которые надо осуществить, чтобы навести порядок в городе и его окрестностях. Надо немедленно уничтожить евреев. Гетто в любое время может стать очагом беспорядков, его узники найдут связь с партизанами, договорятся о взаимных действиях с ними, и тогда будет поздно. Создать карательные отряды и уничтожить все партизанские группы. Во всех селах иметь карательные посты. Возложить борьбу против партизан на немецкие подразделения, ибо румыны, увидев партизан, бросают оружие и разбегаются. Наладить агитацию среди населения, дать каждому жителю понять, что малейшее подозрение приведет к аресту.

— Элистинская полиция и комендатура стали домами терпимости, где только жрут, пьянствуют и развлекаются

с проститутками. Это кончится плохо, — сказал полковник.

Савельев побагровел. Рихтер иронически поглядывал на озабоченного шефа.

Закончив совещание, Вольф оставил в кабинете Рихтера, Трубу и Савельева.

— То, что мы наметили, нельзя откладывать ни на один день. Сейчас же отправляйтесь в гетто, выводите его население и завершайте операцию, — приказал полковник. — Ответственность за это возлагаю на вас всех.

...Перед обедом оцепление гетто было усилено. Обитателей его построили. Матери держали за руки детишек, молодые поддерживали истощенных стариков. На лицах мучительный вопрос: куда нас, зачем?

По виду немцев и полицаев было ясно, что замышляется что-то ужасное. Правда, Рихтер заявил: «Настал долгожданный день. Вы отправляетесь на Украину. Организовано, без шума и давки, погружайтесь в машины. Первыми сядут те, кого сейчас вызовут, остальным придется немного подождать». Но в искренность его заявления уже не верили.

Люди старались соблюдать порядок, но солдаты торопили их, подталкивали прикладами. Послышался детский плач.

Колонна машин остановилась в лощине, около траншей. Обреченных сталкивали на землю, гнали к траншеям, ставили лицом к ним. Люди поняли все и безропотно подчинялись, только дети плакали, а старики бормотали молитвы.

— На колени!

Строй заколыхался — люди опустили на колени.

Сзади переговаривались немцы и полицаи, слышался стук затворов, топот тяжелых сапог. Молодая женщина, детский врач, решила обернуться и застыла от ужаса: к затылкам многих были приставлены пистолеты. Страх мгновенно покинул ее; она представила, как пули вопьются в ребячьи затылки, как мертвые тела малышей полетят в траншею. Многие из этих детей были ее пациентами, она выхаживала и берегла их, ночей недосыпала, чтобы ни одного ребенка не уступить болезням и смерти. И теперь на ее глазах погубят тех, кому она отдавала свои силы, свою любовь. Она встала, обернулась, раскинула руки:

— Детей, детей не трогайте!..

К ней бросился полицейский, пинком сапога в живот свалил в яму и прикончил несколькими выстрелами. Он отошел с таким видом, точно хотел сказать: вот как надо действовать!

Раздались выстрелы. После каждого жертва падала в ров. Тех, кто умирал на краю его, ногами сталкивали вниз...

«Итоги» первой операции полковник Вольф воспринял с удовлетворением, но без того победного восторга, с которым докладывали исполнители: расстрелять безоружных евреев проще, чем выполнить второй пункт плана — покончить с партизанами. Евреи в городе собраны в гетто. А партизан надо еще найти. Они как ветер в поле — попробуй угадать, куда их занесет. Дороги под охраной, а машины все равно подрываются на минах: кто и когда ставит их? Связь едва налажат — ее снова нарушают. В хотонах и селах трудней стало подбирать полицейских: боятся, что их убьют.

Вся надежда на карательные отряды. Но пока их операции не дают желательного эффекта, а этот истерик генерал Гопри не дает покоя, торопит, грозит.

В городе обследован каждый угол, всех подозрительных немедленно арестовывают, но диверсии не прекращаются. Взорван колодезь напротив гестапо. На электростанции выведен из строя мотор: кто-то насыпал в масло опилок. Ночью на улицах подстреливают полицейских. Савельев в каждый свой приход докладывает все о новых и новых злодеяниях. С чем он сейчас явится?

...По пути к полковнику Вольфу Савельев зашел на базар. У столба толпились люди. Они что-то читали и, довольные, смеялись. Он бросился к толпе.

— Разойдись!

И тут он увидел надпись «Смерть изменникам, предавшим свой народ, свою страну», а под нею список, в котором рядом с фамилиями Тюджгирова, Огдонова была и его фамилия. А под списком страшная строка: «Партизанский суд отряда «Молния».

Савельев испуганно огляделся. Среди тех, кто жался сейчас к стенам домов, мог оказаться и исполнитель приговора. Он даже похолодел, а потом сорвал бумагу и понес ее Вольфу.

Полковник сначала потешался над перетрусившим подчиненным, а потом посерьезнел, побарабанил пальцами по столу:

— Знаешь, что следует предпринять, чтобы избежать гибели?

Савельев пожал плечами.

— Надо в одну ночь очистить Элисту и окрестности от этих бандитов. Но прежде необходимо разведать, где они прячутся... Надо брать всякого по малейшему подозрению, а Мелютина — сейчас же ко мне.

...Мелютина усадили на стул посреди кабинета. Почти тотчас же в дверь заглянул Огдонов. Вольф жестом разрешил ему войти.

— Ну, Мелютин, — заговорил полковник, — времени на размышление у вас было достаточно. Рассказывайте.

— Чего мне размышлять? Я выложил все...

— Предупреждаю, мы здесь нянчиться не намерены!

— Я в вашей власти, но напраслину на себя не возведу!

— Молчать! — заорал полковник так, что Огдонов и Савельев вздрогнули.

Вольф остановил немигающие злые глаза на Мелютине, а Огдонов с притворным добродушием проговорил:

— Брось ты прикидываться. Расскажи все, как есть, лучше будет.

— Не хочет по-хорошему, возьмемся по-другому, — сказал полковник. — Ведите его!

Савельев пошел вперед, Мелютина повели вслед за ним.

Спустились в подвал, под потолком которого тускло светила лампочка. Было сыро и душно. Двое немцев волокли из глубины подвала избитого человека. Рубашка на нем изорвана в клочья, тело в багровых полосах. Мелютина подтолкнули к скамье, залитой кровью. Ему стало дурно.

Тут же вернулся один из тех, которые волокли избитого. Немец был в натальной рубашке с подвернутыми рукавами, грудь и живот прикрыты кожаным фартуком. Палач стал перебирать орудия пытки — клещи, плети — и разложил их, словно хирург свой инструмент.

Явился Вольф, сопровождаемый Огдоновым, сел на табуретку в сторонке.

— Представляешь, чем все это может кончиться? —

спросил Огдонов. — От тебя все зависит. Будешь умней, уведем отсюда.

— Кому хочется идти на такие муки, — ответил Мелютин. — Только мне нечего сказать.

— Ах, нечего! — воскликнул полковник.

Он раскурил папиросу и подал знак палачу. Тот развалистой походкой приблизился к Мелютину.

Хотелось закричать: «Не надо, не хочу!» — но Мелютин сдержался.

Палач швырнул его на скамью, привязал за ноги и шею. Выбрав проволочную плеть, поиграл ею.

— Так будешь говорить? — усмехнулся полковник.

Мелютин помедлил.

— Что я могу сказать?

И в ту же секунду раздался свист, и кожу обожгло. Удар падал за ударом, от боли звенело и горело в мозгу, спина стала неметь. А хлыст все свистел, точно повторял: «Скажешь... Скажешь... Скажешь...»

Превозмогая боль, Мелютин приподнял голову и шепнул:

— Нет...

— Стоп! — скомандовал Вольф.

Но Мелютин уже ничего не слышал, голова его безжизненно лежала на скамье, тело расслабилось. Палач окатил его водой. Мелютин пошевелился, застонал.

— В камеру его! — распорядился полковник.

Лежа у порога, Мелютин медленно приходил в себя. Кто-то сказал:

— Этот сегодня второй. В нашей камере. А сколько в других?

Чьи-то руки подхватили Мелютина, перенесли на нары. Тот же голос, который считал истерзанных, попрощал:

— Доктор, посмотрите его...

Осторожные пальцы ощупали тело Мелютина.

— У этого дела похуже. Еле дышит, но чем помочь ему? Ничего у меня нет...

Несколько часов Мелютин пролежал недвижно. Иногда он стонал, просил пить. Ему принесли воды, но перевернуть на спину не решались. Кое-как положили голову набок, стали поить из ложки. Мелютин снова забылся.

К ночи ему стало совсем худо. Поднялся жар. Растрескавшиеся губы вздулись. Он бредил, едва слышно шеп-

тал: «Говори... Нет... Нет... Комиссар... Хабанович... Мы... Работали... Были... Говори... Нет».

Опасаясь, что в беспамятстве избитый проговорится, доктор снова дал Мелютину воды, а потом положил на лоб холодный компресс. Мелютин затих.

В середине следующего дня немцы забрали того, кого приволокли с допроса первым.

— Снова терзать будут, — сказал один из заключенных.

— Если снова так же, то... — добавил второй.

Доставили его в кабинет Вольфа.

— Что скажешь сегодня? — спросил полковник.

Трусливо озираясь, мужчина пересказал то, что Мелютин говорил в бреду. Вольф записал все до буквы.

— Партизан, несомненно партизан, — удовлетворенно бормотал он, а затем велел вернуть донсочика в камеру, предварительно подержав его в пыточном подвале, чтобы арестованные ничего не заподозрили.

Вызвав Тюджгирова и Огдонова, Вольф показал им запись. Тюджгиров долго раздумывал, а безграмотный Огдонов с надеждой смотрел на него.

— Господин полковник, — заговорил Тюджгиров. — Судя по этим словам, в наших руках партизан. Он работал с каким-то Хабановичем, комиссаром, очевидно одним из руководителей партизанской группы.

— Кто этот Хабанович? — заволновался Огдонов. — Это не тот, косорукий? Где же его, дьявола, поймал?

— А это что значит? — Полковник ткнул пальцем в слова «говори» и «нет».

— Это он припомнил допрос, — потирая руки, сказал Тюджгиров.

Огдонов радовался, чувствуя, что предстоит пожива. Он показывал желтые зубы, цокал языком, по губам его текла бурая от табачной жвачки слюна.

— Но где расположен отряд? — вслух раздумывал полковник.

— Ничего, — успокоил Тюджгиров. — Теперь мы его прижмем. Он обо всем расскажет. Деваться ему некуда. Вызывайте его, шеф!

— Вчера мы его крепко измучили, тронешь — потеряет сознание.

— Можно устроить допрос внизу, в соседней камере. Такое перемещение он выдержит, — предложил Тюджгиров.



Крошечное помещение с крошечным окошком под потолком. Сумрачно. Мелютина положили животом на пол. Пол прохладен, и истерзанному приятно; хотя он пошевелиться еще не может, чтобы не повредить тонкой корочки, схватившейся на ранах. Многие уже сочатся кровью. Он в сознании. «Терпи, брат, — уговаривает он себя. — Держись, рта не раскрывай. На теле раны заживут, а если сдашься и заговоришь, то никогда не залечишь ран на совести... Пусть эти звери делают что хотят, лишь бы друзья не прокляли тебя!»

Послышался топот. Несколько человек остановились возле него.

Полковник с сомнением покачал головой — в этом растерзанном теле жизнь едва теплится. Такого не очень-то допросишь — помрет. Бадма Тюджгиров был другого мнения. Он тронул носком сапога голову лежащего и приказал:

— Встать, сейчас же!

— Сил нет, — невнятно произнес Мелютин.

— Встать, кому говорю! Комиссар Адучиев ждет тебя!

Голова Мелютина стала еще тяжелей, в горящем мозгу тревожно забилося: «Арестован?.. Убит?.. Выдан?.. Кто мог сделать это? Ведь почти никто в отряде не знает настоящей фамилии комиссара!» После первого приступа тревоги мысли потекли спокойней: «Ловят, провоцируют. Держаться, молчать, терпеть!»

Полковник присел на корточки:

— Мне нравится ваша стойкость. Мы, немцы, уважаем таких людей... А ваши забыли о вас. Ваш комиссар Адучиев обзывает вас последними словами, считает вас предателем. Он не верит, что вы молчали под пытками...

Вольф следил за Мелютиным. Тот словно и не приходил в сознание — не шевельнулся.

А в голове одно: «Неужто схвачен комиссар? Неужто он может верить в то, что я способен на предательство?.. Впрочем, не известно, что подумал бы я, окажись на его месте. Мое дело — молчать!»

Терпение полковника иссякло. Он схватил Мелютина за плечи, перевернул, бросил на спину, стал хлестать по щекам:

— Говори!.. Говори!

Мелютин ненадолго потерял сознание, а очнувшись, тихо сказал:

— Чего вы хотите от меня?

— Где ваш отряд? Где база? Быстро! — требовал полковник.

— Никакого отряда не знаю... Спрашивайте того, кого вы арестовали. Этого... комиссара Адучиева...

Полковник заорал что-то дикое и стал пинать ногами расprostертого на полу человека. Потный, обессиленный, с покрытыми пеной губами, он поплелся прочь из подвала. Тюджгиров молча направился за ним.

## 34

Полтора месяца кипело сражение на берегу Волги. Враг бросал людей и технику, рушил все на своем пути, жег живое и мертвое, но окончательного успеха не добился. В нескольких местах пробился к реке, ворвался на территорию Тракторного завода, а дальше продвинуться не смог.

Продолжались попытки выйти к Астрахани, к устью Волги, но и это не удавалось. Советские войска стойко оборонялись. На одном из участков фашистов сдерживала дивизия генерала Губаревича. Батальон майора Убуша Харадаева, оседлавший дорогу, был для наступающих фашистов как кость в горле: ни проглотить, ни выплюнуть.

Гитлеровцы много раз под прикрытием тьмы и тумана бросались на штурм, танки и пехота порой вклинивались в оборону, но батальон не отходил, контратаковал и восстанавливал положение.

Убуш даже стал привыкать к этим скоротечным схваткам, спокойно принимал меры, подчас обходился силами основных подразделений, не вводя в бой резерв.

А как-то утром из штаба полка сообщили, что фашисты готовят прорыв. Было известно направление главного удара, силы, предназначенные для наступления. На самом опасном направлении предстояло драться батальону Харадаева: гитлеровцы собирались развивать наступление по дороге, в обход барханов и оврагов.

Батальону придали артиллерию, и Убуш вместе с командирами-артиллеристами выбирал огневые позиции и намечал рубежи заградительного огня. Нимгир Манд-

жиев собрал коммунистов и вместе с ними обсудил все, что надо было сделать для обеспечения предстоящего боя...

Расставшись с артиллеристами, Убуш шел по траншее. На темном худом лице его поблескивали карие острые глаза. Ничто мало-мальски важное не ускользало от них. Пулеметчики хорошо оборудовали свои позиции и внимательно наблюдали за нейтральной полосой и окопами врага. Истребители танков замаскировались на танкоопасном направлении. У каждого — бутылки с горючей жидкостью.

— Выдюжим? — то одного, то другого спрашивал майор.

— Выдюжим, товарищ майор, — заверяли бойцы.

Ожидалось, что наступление начнется в восемь утра. Батальон с рассвета затаился, готовый встретить удар.

За высотой в расположении врага рычали танки. Вот-вот начнется огневой удар.

В это утро было подано более двадцати заявлений с просьбой принять в партию. Разбирать их было некогда, и Нимгир говорил каждому бойцу:

— Можете считать, что идете в бой коммунистом!

Немцы пунктуальны. Ровно в восемь ударили их пушки и минометы. Все вокруг грохотало и дымилось. Не успели отгреметь последние взрывы снарядов и мин, как под прикрытием танков пехота врага пошла в наступление.

Наш передний край молчал. Можно было подумать, что артподготовка лишила батальон способности сопротивляться. Но это лишь казалось.

Из глубины боевых порядков ударили полковые и дивизионные пушки. Заработала выдвинутая для стрельбы прямой наводкой противотанковая артиллерия. Атакующую пехоту накрыли залпы минометных батарей. Все смешалось: земля, клочья жесткой травы, куски человеческих тел, обломки оружия. Черный дым стлался над полем боя: горели танки — один, второй, третий...

Пехота залегла. Танки повернули назад.

Первый натиск был выдержан. Однако передышка была недолгой.

Новый удар артиллерии, и новая попытка сбить батальон с его позиций. На этот раз основные силы врага были брошены на фланги. К этому времени батальон потерял почти все свои минометы и противотанковые

пушки. Враг охватывал батальон, нависла угроза полного окружения. Убитых и раненых много, как никогда. Некоторыми взводами командуют сержанты: командиры выведены из строя, ранен и комиссар батальона.

На правом фланге появилась новая колонна танков. С подразделением, которое должно было встретить их, связи не было. Ни выстрела оттуда не доносилось.

Убуш послал нарочного. Он скоро вернулся:

— Товарищ майор, там залег взвод лейтенанта Соловьева. Сам лейтенант погиб.

— Кто принял командование?

— Молодой боец, рядовой Анжиг Шонхоров.

— Славный парень, смелый и находчивый... Как у них там настроение?

— Веселого мало, но говорят, что продержатся...

— Веселого мало, — повторил Убуш и прислушался. На правом фланге по-прежнему было тихо. Но тишина была особая — чувствовалось, что враг затаился там до поры, выжидает.

А танки вот-вот начнут утюжить землю, приютившую бойцов. Над бруствером качнулась каска, в воздухе мелькнула черная бутылка, и через мгновение вспыхнула краска на машине. Немного погодя задымил и занялся пламенем мотор.

Взвод, которым теперь командовал Анжиг, выдержал натиск танковой колонны, заставил ее повернуть вспять. Лишенные прикрытия бронированных чудовищ, немецкие пехотинцы пустились наутек, и тут сказали свое слово пулеметчики.

— Шарь! Сыпь сильней! — кричал Анжиг и от восторга едва не выскакивал из окопчика.

В расположении батальона стали рваться тяжелые снаряды. Один из таких снарядов взметнул вверх землю рядом с тем местом, где стоял комбат (некоторым бойцам показалось, что взорвался он точно на том месте, где был комбат).

— Майора убили! — выкрикнул кто-то.

Но еще не рассеялся дым, не опала пыль, а бойцы увидели, что майор поднимается на ноги, стряхивает с одежды землю. Успел ли он лечь или осколки помиловали его, трудно сказать.

— Мы еще повоюем! — громко сказал майор. — Нам Элисту освобождать и до Берлина идти.

К ночи бой прекратился. Батальон изрядно поредел, но не отступил. Для него это был последний оборонительный бой. На Волге уже завершалась подготовка к решающему контрудару.

### 35

Мелкие гарнизоны фашистов и полицаев можно было не брать в расчет. Они смертельно боялись партизан. Выставив усиленные посты, гитлеровцы и их прислужники отсиживались в запертых домах.

Вольф объяснял активность партизанских групп полной их безнаказанностью. От этого объяснения легче не становилось. С одной стороны жали партизаны, с другой — генерал Гопри, от которого неприятностей не оберешься. Вольф посылал в степь группы эсэсовцев и полицаев, они рыскали по ней, стараясь отыскать партизан.

А партизаны были неуловимы. Словно из-под земли появлялись они и словно под землю проваливались.

В конце концов оккупанты вынуждены были направить в степь на борьбу с народными мстителями регулярные части. Партизанам приходилось теперь трудней. Но это и радовало: раз враг шлет против них регулярные части, значит, фронт ослабляется, значит, нашим войскам легче.

— Не зря мы тут воюем, — говорил по этому поводу своим товарищам комиссар Лотос. — Но мы должны действовать еще решительней и смелей.

Хорошо налаженная связь с населением помогала — партизаны всегда знали, куда и сколько солдат врага направляется с карательными целями. Глаза и уши партизанские были в каждом селе, в каждом хотоне.

Наступала осень. Донимали холода. С продуктами было туговато, а в студеную пору особенно необходима партизану горячая пища. Как ее готовить, чтобы не привлечь внимания врага, разведывательные самолеты которого почти все время кружатся над степью?

Лотос объявил среди партизан своеобразный конкурс. После споров сошлись на наиболее удобном способе приготовления горячей пищи. Если приближался разведывательный самолет, то партизаны хватали кусты перекати-поля и укрывались ими. Никакой глаз не увидит человека под таким прикрытием. И для маскировки партизан-

ской кухни решили использовать перекаати-поле. В одном месте вырыли топку, а несколько поодаль — дымоход. Его завалили кустами, и дым рассеивался в них. Изобретение позволило партизанам раз в день есть вареное мясо и запивать его бульоном.

А ночью выходили на «охоту». Обычно Цаган предварительно посещала село, в которое должны были навестись партизаны. Она разузнавала все необходимое. Ее данные всегда были точны. Цаган и в Элисте побывала.

Однажды девушка среди бела дня выполнила приговор партизанского суда. Она сама вызвалась пойти на это дело.

Решено было прикончить старосту, свирепого человека, издевавшегося над жителями больше, чем другие фашистские прихвостни.

Цаган пришла к нему домой, когда он был один. Староста жмурился, как кот, увидев девушку. Раз она явилась, значит, в чем-то нуждается, и он воспользуется своей властью, уж он воспользуется! Он крепко притворил дверь, завел Цаган в дальнюю глухую комнату своего дома, пригласил сесть на диван. И вдруг вытаращил глаза и раскрыл рот — Цаган направила на него пистолет.

— Руки вверх! И ни звука — выстрелю!

Староста хватал воздух, как рыба на песке, крутил головой, Цаган коротко сообщила ему приговор партизанского суда, скомандовала сама себе: «Приговор привести в исполнение!» — и выстрелила в грудь предателя. Он безмолвно опустился на пол.

Девушка достала из кармана лист бумаги и приколола его к телу мертвого. «Каждый, кто изменил Родине, не избежит такого наказания. Партизаны», — было написано на нем.

Цаган вышла из дома старосты, навесила на дверь замок. Женщина, стоявшая во дворе напротив, подала сигнал: «Все спокойно». Знакомой дорогой девушка направилась в степь и скрылась.

Вскоре Цаган отличилась еще в одной операции.

Отряд ночью вышел на исходный рубеж. Перехватив дорогу, что связывала два соседних села, партизаны засели у обочины. О том, что отряд будет разбит на две группы, договорились заранее. Командир с частью людей оставался на месте. Другая часть партизан, возглавляемая комиссаром, должна была совершить намеченное на-

падение. Лотос шел с товарищами на опасное дело, уверенный, что командир разгромит подкрепление, если немцы вызовут его.

На окраине села Лотос послал Баатра и Цаган разведать подступы к немецкой комендатуре.

Двинулись в обход, огибая склон, на котором стояло село. Ночь была ветреная, облачная. Иногда серые лохмотья, затянувшие небо, раздвигались и показывалась луна. Настроение у Баатра было отличное — чем важнее задание, тем более гордым он чувствовал себя. Глядя на луну, он вспоминал свадебный обычай. Когда невесту привезут, ее прячут за пологом. Юноша, которому это поручено, откинет полог на миг, крикнет: «Смотрите на невесту! Смотрите на невесту!» — и тут же опустит. И луна нынче как невеста, круглолица, появляется и тут же скрывается.

Ноги ступали по упругой влажной почве: близко была речка. Берега низкие, топкие, поросшие камышом да чаканом. Баатр послал Цаган к комиссару доложить о том, что у реки тихо, что враги вряд ли будут ждать нападения отсюда: по илистому дну переправиться не просто. Баатр да и другие партизаны знали, как это делается. Он перешел речку, выбрался на улицу, рассекавшую село надвое, залег. Напротив на видном месте стоял большой дом — комендатура. К нему тянулось множество проводов. Вокруг дома ходит часовой, через равные промежутки времени показывается и исчезает патруль. Потом распахнулась дверь дома, кто-то с топотом вышел на крыльцо, постоял, напевая немецкую песенку, громко зевнул, потянулся и скрылся в доме. Дверь осталась полуоткрытой, и до партизана донесся голос: «Алло, алло!»

Тем же путем Баатр вернулся обратно. Он рассказал комиссару об увиденном и предложил свой план операции. С тремя-четырьмя партизанами он захватывает комендатуру, а комиссар с остальными людьми уничтожает других захватчиков, засевших в селе. Лотос согласился.

Цаган попросила включить ее в группу, которую возглавит Баатр. Комиссар не возражал.

Баатр повел группу прежним путем. Сначала залегли там, откуда наблюдали за комендатурой. Потом перебежали улицу — патруль в это время был далеко. Затаились у забора. Двое партизан сняли часового, когда он

обогнул дом. После этого Баатр поднялся на крыльцо и под дверью просвистел мотив песенки, которую услышал некоторое время назад. Раздалась брань, и в двери показался «певец», — видно, он решил, что часовой, вместо того чтобы ходить вокруг дома, отсиживается на крыльце. Удар прикладом автомата — и немец рухнул на крыльцо. Партизаны ворвались в дом. Гитлеровцы растерялись и немедленно подняли руки.

Между тем комиссар ждал сигнала от Баатра. Молодой партизан и его товарищи перерезали провода, прикончили всех немцев в комендатуре, забрали документы и вышли на улицу. Пропустив патрульных, двое партизан напали на них сзади, закололи охотничьими ножами. Баатр заложил в рот два пальца, и по ночной улице прокатилась оглушительная трель.

На два дома, в которых засели немцы, мгновенно обрушился смелый партизанский удар. Бой был коротким и жестоким. Перебив всех, кто был в гарнизоне, партизаны стащили в комендатуру оружие, отобрали то, что было нужно, подожгли дом с рацией, автобус с черным кузовом и ушли.

Оставался час до рассвета, но партизаны быстро удалились в степь. Предутренняя, самая густая мгла надежно скрыла их.

В ту же ночь, по указанию Центра, нанес удар врагу и соседний отряд, где командиром был Коломейцев.

На отрезке дороги Яшкуль — Утта партизаны установили мины. Это было началом операции по разгрому полевого аэродрома.

Пять истребителей выстроились хвостами к землянкам, в которых жил обслуживающий персонал. Вокруг машин ходили двое часовых. Описывая круги, они встречались возле землянки и снова расходились. Партизаны настигли часовых, когда те были далеко один от другого.

Одна группа партизан забросала гранатами землянки, вторая подожгла самолеты. В тот же миг на противоположной стороне аэродрома зарокотал пулемет. Партизаны не подозревали, что там есть огневая точка. Пришлось залечь.

Самолеты горели шумно и дружно. А когда стали взрывать бензобаки и партизаны убедились в том, что



теперь истребители не спасти, был отдан приказ отходить.

Шли в нескольких километрах от заминированной дороги, но и здесь было слышно, как подрывались машины.

Отряд шел на юг к Адыку. Если враг станет преследовать, то в этом районе легче отовдаться от него и скрыться в направлении на Промысловку.

О нападении на аэродром немецкое командование узнало глубокой ночью. Большая карательная экспедиция была поднята по тревоге и послана на поимку партизан. Ее группы начали движение из нескольких пунктов. Это ввело партизан в заблуждение. Они были окружены. Укрываясь, оказались в лощине. Каратели, которые передвигались на машинах, быстро оцепили лощину, и партизанам пришлось залечь. Они заняли круговую оборону, решив любой ценой продержаться до ночи и скрыться под покровом темноты.

В полдень разгорелся бой. Потери с обеих сторон были большие.

Под вечер ранило командира отряда. Перевязывая его, комиссар торопливо говорил:

— Самое опасное миновало. Ночь приближается — она будет нашей...

Это были его последние слова. Он пополз в цепь, но вдруг замер, не издав ни звука. Пуля попала ему в лоб над правым глазом.

Ночь завладела степью. Огонь был еще силен, но партизаны поняли, что наступление немцев прервется: они будут ставить заслоны и готовиться к утреннему бою. Одни партизаны отвечали на неприцельную стрельбу фашистов, другие хоронили убитых друзей, делали носилки для тяжелораненых.

Командир, отдавая приказ на прорыв, заявил:

— Они ждут, что мы снова пойдем на юг, и с юга ставят особенно сильный заслон, это несомненно. Раз так, мы двинемся на север.

После полуночи, когда обе стороны прекратили стрельбу и настороженно молчали, авангард партизан вплотную подполз к немецкому рубежу и забросал его гранатами. Гитлеровцы не думали, что окруженные решатся на подобную дерзость. Партизаны воспользовались суматохой и оказались в темной открытой степи.

Незадолго до прорыва полковнику Фишбрандту радировал генерал Гопри. Полковник доложил, что партизаны уже в мышеловке, что утром с ними будет покончено. Обрадованный генерал хвалил Фишбрандта и его людей, требовал взять Коломейцева живым. Полковник заверил, что завтра партизанский командир будет в штабе генерала.

Под утро рация заработала снова, но полковник боялся подойти к ней. Разговор с генералом ничего хорошего не предвещал. Радист доложил, что генерал советует быть внимательными: как бы партизаны не использовали тьму и не ушли.

— Уже ушли! — заорал полковник.

Радист вытянулся перед взбешенным офицером.

— Так и передайте генералу! — приказал Фишбрандт.

После небольшой паузы радист пересказал слова генерала: «Или полковник Фишбрандт уничтожит партизан, или сам будет уничтожен. Одно из двух».

— Все понял, — ответил полковник.

— Высылаю еще десять автомашин с солдатами, — сообщил Гопри. — Тому, кто задержит Коломейцева, — десять тысяч в награду.

На рассвете прибыло подкрепление. Фишбрандт поднял своих людей и бросил их по следу партизан.

Поиски, продолжавшиеся весь день, результатов не дали. На третий день к вечеру каратели запросили служебных собак. Едва заметные тропки, все балки и овражки дотошно осматривались.

Партизанский отряд, утомленный боем и тяжелым маршем — приходилось нести тяжелораненых и поддерживать легкораненых, — расположился на отдых в небольшой чабанской избушке. Выставили часовых. Они дали знать о приближении немцев, но возможности незаметно уйти не было. Оставалось одно — снова выдержать дневной бой и обмануть карателей ночью.

Подпустив фашистов поближе, партизаны открыли убийственный огонь. Полковник не жалел своих людей. Взяв избушку в кольцо, он бросал солдат вперед. Приказ Фишбрандта и обещанная награда придали гитлеровцам храбрости — они атаковали отчаянно.

Партизаны вынуждены были закрыться в избушке и отстреливаться через крошечные окна.

На требование выйти и сдаться они ответили пулями.

Разъяренные каратели подожгли избушку. Они надеялись схватить партизан живыми. Строем было охвачено пламенем, но партизаны не выпускали оружия из рук. Они бились, пока крыша не рухнула и не погребла их, и мертвых, и живых.

Полковник Вольф, находившийся в штабе Гопри, вбежав в кабинет, восторженно доложил:

— Герр генерал, с отрядом покончено!

Генерал стоял у окна. Он повернулся к полковнику, взглянул на него и снова уставился в окно.

— Какой ценой?

— Геройски погибли один офицер и восемнадцать солдат, — с подчеркнутой печалью в голосе сказал Вольф.

— А сколько было партизан?

— Шестнадцать, к последнему бою их оставалось восемь.

— Шестнадцать! — Генерал, заложив руки за спину, сплетая и расплетая пальцы, бегал по комнате. Потом вдруг остановился, посмотрел в лицо Вольфа и повторил визгливо: — Шестнадцать! Герои!.. В первом бою потеряли двадцать пять человек, во втором — девятнадцать. Аэродрома лишились и пяти самолетов. А машин сколько сгорело? Вы считаете? Дорого обходится нам борьба с партизанами. И вы несете за это ответственность! Вы позволили этим бандитам хозяйничать в наших тылах и не можете справиться с ними! Так!

Это «так» прозвучало как выстрел, и Вольф даже отшатнулся.

Зазвонил телефон, генерал схватил трубку:

— Вайшбук? Откуда?..

Полковник напряженно вслушивался в резкие и отрывочные реплики генерала, пытаясь понять, о чем идет речь и как этот разговор коснется его самого.

Положив трубку, Гопри повернулся к Вольфу:

— Вайшбук просит помощи. Близ Кугульты он окружил партизанский отряд. Как можно быстрее пошлите ему подкрепление! Все сделайте, чтобы они не выскользнули!

Цаган направилась в Элисту. Командир и комиссар поставили перед ней задачу: привести в исполнение приговор отряда «Молния» — уничтожить начальника поли-

ции Савельева. Они сами проводили девушку до последних постов, посоветовали быть осторожней и пожелали ей счастливого возвращения.

К этой операции Цаган начала готовиться несколько суток назад. Она уже побывала в городе, чтобы поближе познакомиться с Муркой. Девушка застала ее дома. Мурка, статная и подвижная женщина лет тридцати, с золотыми серьгами в ушах, в дорогом платье, держалась опасно. Глаза холодно поблескивали и внимательно ощупывали гостью.

Цаган, поблагодарив за приглашение, охотно опустилась на стул, а Мурка ходила по комнате, стирая с мебели пыль. Немного отдохнув, Цаган предложила помочь хозяйке. Мурка согласилась, и Цаган, побрызгав пол водой, стала подметать.

Мурке понравилась проворность Цаган, и она похвалила:

— Гарна дивчина!

Цаган снова села на стул, а Мурка вертелась перед зеркалом, приводя в порядок прическу.

— Так чего тебе надо?

— Хочу, чтобы вы поворожили мне...

— А чего краснеешь? — захихикала Мурка. — Не красней. И не стесняйся меня... Я и так все насквозь вижу. Ухажер твой на фронт ушел. Весточки от него нема. А ты плохое во сне бачила... Верно говорю?

Мурка путала украинские слова с русскими. Цаган сделала изумленное лицо, а хозяйка самодовольно улыбнулась.

Гостья решила польстить ей:

— Я и не знала, что вы такая...

Мурка вспыхнула от удовольствия:

— А яка, ты думала?

— Я слыхала, что вы ворожите хорошо, но не думала, что можете все разгадать с первого взгляда.

Похвалы расположили Мурку к госте.

— Я, милая, многое умею. Ты еще не то увидишь!

Она взяла с подоконника карты, потасовала их, не глядя вытасила из середины колоды крестового короля:

— Твой?

Цаган кивнула.

Мурка разделила колоду на три части, потом сложила их в каком-то только ей понятном порядке, снова

разделила и стала раскладывать карты перед собой на столе.

— Далеко твой коханий, очень далеко, на краю света. Он любит тебя, не забывает. А недавно был в казенном доме. Но бояться тебе нечего. Может, был ранен, да легко. Он шлет тебе письма... Смотри, карты показывают... Только письма эти не доходят до тебя — застревают в казенном доме. На то есть причина... В Астрахани лежат письма, — уверенно закончила Мурка.

Она сгребла карты в кучу, быстро сложила их, перетасовала и стала выдергивать по одной.

— Шо ожидает?.. Дорога ожидает. Длинная. В пути будешь, девонька... Шо будет?.. Встреча! Встретишься с ним!.. Чем сердце твое успокоится? Придет твой коханий, и будете жить счастливо!

Цаган весь этот спектакль затеяла с определенной целью, а все-таки волновалась и радовалась тому, что карты выпадают удачные.

Девушка щедро расплатилась с гадалкой и сказала, что зайдет к ней еще.

— Как захочется, так и приходи! — приглашала Мурка. — Я тебе рада буду!

Добравшись до Элисты, Цаган зашла на явку, очистила одежду от пыли, умылась, причесалась и направилась к Мурке. В подарок Мурке Цаган несла баранью ногу и две бутылки самогону. На этот раз девушка держалась смелей: Мурка должна была поверить, что благодарная гостья привязалась к ней.

— Заходи, Цаган, заходи! — весело встретила девушку разнаряженная гадалка.

— Вы уходите собираетесь?

— Надо кой-куда, — подмигнула Мурка.

— Значит, не вовремя я? — с сожалением произнесла Цаган.

— Я ненадолго. Пиду на партизан посмотреть. Их скоро пригонят.

Цаган похолодела, но сумела овладеть собой и спросила так, словно ей нет до этого дела:

— Каких партизан? Откуда пригонят?

— Бог знает яких! Обыкновенных, тех, что в степи хоронятся. Вроде из-под Троицкого... А один тут попался. По соседству живет. Ночью вернулся домой, а у меня

был... В общем, уходил от меня мой король и заметил того партизана. И схватил его...

— До прихода немцев читала я в газете, что они какие-то бесстрашные, — сказала Цаган. — Крепкие, боли не боятся...

— Сказывают, что и вправду такие... Этот ни слова не сказал. Колошматили его так, что живого места не осталось на теле, а молчит... А ты собирайся, девонька, пойдешь со мной. Вернемся, я тебе погадаю!

Цаган оставила на столе узелок с гостинцем и поспешила за Муркой.

Немцы сгоняли жителей на площадь. Мурка втерлась в толпу, Цаган ни на шаг не отставала от нее.

Прикатили мотоциклисты, за ними — автобус, а потом несколько грузовых автомашин. С них спрыгивали и быстро строились запыленные и потные солдаты.

На площади приехавших встречали генерал Гопри, полковник Вольф и прибывший из Берлина со специальным заданием доктор Доль.

Обер-лейтенант Вайшбук подскочил к генералу, вытянул руку, гаркнул: «Хайль!» «Хайль!», — ответили ему в несколько голосов, а Цаган уловила в этом крике совсем иной смысл: «Ха-йир!» — «Вряд ли!»

Вайшбук доложил генералу об уничтожении партизанского отряда и пленении четырех партизан.

— Где они?

— Сейчас вы их увидите!.. Но...

— Что у вас? — раздраженно спросил генерал.

— В автобусе наши павшие герои...

— Вынести!

Мертвых солдат и офицеров положили в ряд на одеялах.

Потом выволокли девушку-калмычку с коротко стриженными волосами. За нею вывели троих мужчин. Девушка недвижно лежала у ног своих товарищей, потом пошевелилась, открыла глаза. В толпе прошепестело: «Жива, жива...»

Вайшбук что-то долго говорил генералу, поглядывая то на мужчин, то на девушку.

Цаган из-за плеча Мурки смотрела на партизанку. Она не знала имени раненой, но несколько раз видела ее в Астрахани. «Сестра моя, — думала Цаган, — что же будет

с тобой? Какие муки тебя ждут? Держись, сестра моя, не роняй своей чести перед этими скотами!»

Увидев, как побледнела Цаган, Мурка спросила:

— Страшно, а?

— Страшно, — ответила Цаган.

Но Мурку страшил вид партизанки, а Цаган боялась за судьбу своей боевой сестры...

Из-за спин немцев выскочил Савельев, подбежал к Мурке и зашептал:

— Еле на ногах держусь, заморился и проголодался. Иди домой, приготовь там что-нибудь поплотней... А это кто такая?

— Знакомая моя.

Савельев оглядел Цаган.

— Ночевать у тебя будет?.. Человечка приведу...

Мурка стала выбираться из толпы. Цаган пошла за ней. Пока Мурка жарила мясо, Цаган чистила картошку.

Дело оборачивалось не совсем так, как хотелось. Что за человек придет вместе с Савельевым? Как быть, чтобы не выдать себя и выполнить задание?

Обед был готов, когда возле дома остановилась машина. Дверь распахнулась, и в комнату вошел тот офицер, который на площади докладывал генералу. За ним показался Савельев.

Офицеру было лет под сорок. Он хорошо говорил по-русски.

Церемонно поздоровавшись, обер-лейтенант Вайшбук пригласил Цаган занять место за столом и сам сел рядом.

Мурка выставила самогон, принесенный Цаган. Савельев наполнил рюмки. Вайшбук предложил выпить за успех карательной экспедиции.

Выпили все, кроме Цаган.

— Что вы? Не хотите выпить за победу нашего оружия? — спросил Вайшбук.

— Я не умею...

— Мы вас научим, — добродушно рассмеялся Вайшбук. — Берите свою рюмку.

Цаган отпила глоток, прикрыла ладошкой рот — от самогона дух захватило. На глазах выступили слезы. Над нею шутили, но больше пить не предлагали.

А Вайшбук, охмелев, стал рассказывать об экспедиции против партизан. Он хвастался своей смелостью и лов-

костью. Получалось, что он один выследил партизан, что благодаря его сметливости их захватили врасплох — они не смогли уйти и попрятались в щелях, замаскированных кустами перекасти-поля. Вайшбук не преминул потешиться над нерасторопным Рихтером, хотя и пожалел его: пал офицер от руки партизанки, лютой, как зверь. Шутил он и над Савельевым, а тот заискивающе улыбался и поддакивал: да, действительно, он подумал, что ранен, хотя всего-навсего ушибся, рухнув в щель.

Слушая Вайшбука, Савельев не переставал гладить колени Мурки. Глаза его маслянисто блестели.

Цаган поднялась:

— Уже поздно, мне пора. Мама извелась, наверное, что меня долго нет...

— Разве можно покидать такую компанию? — сказал Савельев.

— Не могу, мама ждет, — настаивала Цаган и вдруг предложила: — Если можете, проводите меня.

— Да, да, — подхватил Савельев. — Надо уважать матерей... Я вас провожу.

Он наклонился к Мурке и, глядя на Вайшбука, что-то шепнул ей.

— Не сердитесь на меня, — меж тем говорила Цаган офицеру. — Завтра я предупрежу маму, что задержусь, и приду сюда.

— До завтра, фройлен, — бормотал опьяневший Вайшбук.

На улице темень. Небо заволокли тучи, и ни звездочки не видно. У крыльца две тени — полицаи охраняли дом, в котором веселился немецкий офицер. Один из полицаев пошел за Савельевым и Цаган. Савельев попытался взять Цаган под руку, но она высвободилась. Остался позади квартал, и Савельев положил руки на плечи Цаган.

— Золотом осыплю, никаких денег не пожалею...

— Идите домой, мне уже близко, — сказала Цаган. — Завтра встретимся.

— Нет, не уходи, — требовал Савельев.

— До завтра, — произнесла Цаган и быстро зашагала по улице.

— Постой, постой, — громким шепотом звал Савельев.

Цаган спряталась в недостроенном доме. Начальник полиции, сопровождаемый телохранителем, долго бродил вокруг, звал Цаган, но не обнаружил ее. Выругав-



пись, он направился к дому Мурки. Полицай вернулся на пост.

Цаган выбралась на улицу и пошла за ними. Ей надо было попасть в балку, что была за Муркиным двором.

Савельев поднялся на крыльцо, потянул дверь — она была не заперта. Начальник полиции ввалился в дом, а Цаган метнулась к балке, скатилась вниз. Она легла на землю, вслушалась: все было тихо и спокойно.

Вайшбук и Мурка были в задней комнате. Они пьяно шептались на кровати. Иногда офицер наливал водку и шумно выпивал — это Савельев определял по звуку.

Начальник полиции не раздеваясь повалился на диван, ворочался, устраиваясь поудобней. Ему было душно и тяжело и долго не удавалось заснуть. Глубокой ночью он забылся, но скоро проснулся. Рот пересох, язык был как деревянный. Савельев встал, наткаясь на стулья, добрался до плиты, нащупал крынку молока и выпил его. Стало немного легче. Он снова лег на диван и заснул.

Привиделось ему, что Цаган не ушла, а осталась и сидит рядом с ним. Она щекочет его, он смеется и пытается обнять ее, но руки как ватные, не подчиняются. А Цаган, расшалившись, толкает его под бок...

Он разом открыл глаза. В комнате горел свет. Возле дивана стояла Мурка в мятой ночной рубашке, с распущенными волосами. Это она толкала его. На лице ее испуг.

— Что случилось? — встревожился Савельев.

— Оберу плохо...

— Как плохо?

Савельев встал, побежал во вторую комнату.

Вайшбук лежал на боку, свесив голову с кровати. Он трудно дышал. Глаза его были закрыты. По лицу растекалась синева. На губах пена. На краю постели и на полу у кровати отвратительная жижа. Офицер в беспамятстве царапал грудь.

— Обер-лейтенант!.. Обер-лейтенант Вайшбук! — звал Савельев.

Он тряс офицера, потом стал шлепать его по щекам, стараясь привести в чувство. Вайшбук почти не проявлял признаков жизни. Савельев решил перевернуть офицера на спину и вдруг оставил его и бросился к умывальнику — самому стало дурно. Молоко с кусками еды запачкало подбородок, одежду, залило пол. У Савельева зуб на зуб не попадал: он трясся, кривился от противного запаха. Внут-

ренности болели, по щекам текли слезы. Под черепом трещало.

Наскоро умывшись, Савельев вернулся к Вайшбуку. Тот метался в поту, задыхался, стонал. Лицо почернело, лоб горел. Офицер рвал на себе рубашку, тянул ко рту простыню.

Савельев побежал на почту и оттуда позвонил в полицию. Скоро приехала санитарная машина. Рыжий врач осмотрел Вайшбука и сказал:

— Отравление.

Савельеву пришлось перечислить, что они ели и пили. Вайшбука увезли. С той же машиной уехал Савельев.

Мурка плакала, забившись в угол.

Минут через двадцать пришла машина. В дом ворвались солдаты.

— Шо вы, шо вы? — заскулила Мурка и доказывала: — Я своя! Я своя!

Дом обыскали. Мурку арестовали.

Вайшбук умер в ту же ночь. Савельева спасло то, что он осушил крынку молока. Врач сделал начальнику полиции укол, дал какие-то пилюли.

Узнав о смерти офицера, Савельев стал раздумывать: кто и чем отравил его и Вайшбука? Мурка? Цаган?

Днем к нему пришел следователь. Савельев рассказал о попойке, назвал имя Цаган, но где она живет, он не знал.

— Вы же провожали ее, — сказал следователь.

— Немного... До дома не дошел...

— Покрываете, господин начальник полиции! — злился следователь.

— Ей-богу, не дошел до дому...

— Видно, вы за одно с бандитами!.. Подозрительно: ваша любовница здорова, вы сами уцелели, а немецкий офицер умер. Ловко все подстроено!

Савельеву нечего было сказать. Он уже представлял, как его судят, приговаривают к смерти и вешают...

Спасение пришло неожиданно. Врачи провели лабораторный анализ содержимого бутылок — самогон был отравлен. Полиция начала разыскивать Цаган.

Эрдни добрался до Элисты под вечер. Пошта не знала, что он придет, но парню показалось, что она нетерпеливо ждала его. Он решил ни о чем не спрашивать, дать

ей возможность самой высказать все, что накопилось. Налив Эрдни чаю, Пошта без особой надобности вытерла клеенку на столе, вздохнула, словно сдерживала слова, которые не давали ей покоя.

Наконец она села за стол, положила подбородок на ладошку и сбивчиво заговорила:

— Сосед у меня... Знаешь, тот, что на деревяшке, — ему в гражданскую ногу оторвало... Живет он один, нелюдимый такой... Никогда не заходил ко мне, а сегодня зашел и сказал, что на двадцатом и тридцатом километре немцы укрепляют мосты. Трубами и бревнами... Фашисты на Астрахань наступают, и сосед сказал, что, наверное, что-нибудь тяжелое войскам отправлять будут... К чему бы все это?

— Он видел меня? — быстро спросил Эрдни.

— Не знаю, — неуверенно ответила Пошта.

— А зачем ты мне рассказываешь об этом?

— Ну, ты же вернулся, чтобы бороться... Я думала, может, мы вместе сделаем что-нибудь...

— Молчи пока, а я должен уйти, — сказал Эрдни, допивая чай. — Никому ни слова.

...Было совсем темно, когда Эрдни вышел за город. Он обогнул Элисту, не заходя в Аршань, миновал Вознесеновку и поодаль от дороги зашагал к двадцатому километру.

Было тихо. Машины появлялись довольно редко, но большими колоннами.

К мосту Эрдни подошел глубокой ночью. Спустился в балку, пополз вдоль молодой камышовой поросли. Мост не охранялся.

Даже беглый осмотр моста убедил Эрдни в том, что сообщение инвалида было точным, и Эрдни собрался в обратный путь.

Илью удивило внезапное возвращение Эрдни. Когда парень сообщил о виденном и слышанном, командир послал за Лотосом.

Эрдни велели отдыхать, вечером он снова должен был пойти в Элисту и заняться прежним заданием. А комиссар с командиром стали думать, что предпринять.

— Под Хулхутой бои. Немцы рвутся к Астрахани, — размышлял Илья. — Это нам известно. Известно и то, что наши войска упорно сопротивляются. Фрицы хотят усилить натиск, а для этого...

— Для этого им нужны танки, — сказал комиссар.

— На какой-то срок у них назначен решительный удар. Помешаем им — значит, время будет упущено, а наши успеют подготовиться к отпору, так?

— Так, — подтвердил комиссар:

— Следовательно, мосты надо взорвать.

В условленное время вышли в эфир и связались с Центром. Разрешение было получено. Центр еще раз напомнил, что нужно действовать очень осторожно, а главное — беречь людей.

Решили в течение дня сделать подходящие заряды, в сумерки выслать разведку к мостам. Вслед за разведкой выйдут те, кому предстоит произвести диверсию. Мосты наметили взорвать глубокой ночью. Пойдут две группы по три человека. Остальные бойцы отряда вместе с партизанами прикроют дорогу на Вознесеновку — на случай, если фашисты вышлют солдат к взорванным мостам.

...Весь отряд отправился в пункт между Вознесеновкой и двадцатым километром через час после ухода разведчиков. Когда достигли намеченного пункта, двинулись взрывники.

Ночь была темна и ветрена. Командир и комиссар лежали рядом в нескольких метрах от дороги на невысоком курганчике. Они прислушивались к каждому звуку: к дальнему волчьему вою, к шороху ветра в траве, к рокоту машин — транспортные колонны немцев мчались из Элисты к Хулхуте. Судя по всему, танков на дороге еще не было. Но они могли появиться скоро: не станут же фашисты укреплять мосты задолго до прохождения танков!

Илья и Лотос тревожились: операция готовилась и проводилась спешно, разведчики и взрывники должны выполнить свои задания с точностью до минуты. А ошибиться в ночной степи легко!

Разведчики вернулись почти одновременно и доложили, что мосты действительно укреплены и не охраняются, что взрывники в назначенный срок миновали исходные рубежи.

И взрывы раздались в указанный час. Теперь надо было выждать, пока взрывники уйдут достаточно далеко. А если появятся немцы и полицаи из Вознесеновки, дать им бой.

Но в Вознесеновке было тихо, зато с той стороны, откуда шла дорога, донесся шум работающих моторов. Он быстро приближался.

— Вот тебе на! — удивленно проговорил Илья.

После небольшой паузы Лотос сказал:

— Видно, на отрезке между мостами показались немецкие машины. Они-то, наверное, и пробираются к Вознесенке старой полевой дорогой.

— Надо встретить их, — заявил Илья.

Партизаны затаились в канаве. Ближе всех к дороге лежали гранатометки, которым было приказано подорвать первую машину.

К счастью, машины были с продуктами, кроме шоферов на каждой оказалось по два солдата. Немцев перебили, машины подожгли.

В вещевых мешках партизан, уходивших в степь, оказалось по нескольку шелковых сумочек с белыми сладкими сухариками. Еда не ахти какая, но к партизанскому чаю пойдет...

## 38

После выздоровления Савельев вернулся в полицию. Служил он усердней прежнего. При воспоминании о попойке, окончившейся гибелью Вайшбука, ему становилось так плохо, словно он снова хлебнул отравленного самогона.

Мурку продержали под арестом четверо суток и выпустили, но Савельеву не хотелось идти к ней.

Цаган не приходила. И найти молодую калмычку не удалось.

До начальника полиции дошел слух, что один старик, городской житель, видел в степи под городом партизан. Бросились разыскивать старика. Он жил на окраине города в собственном доме. Савельев наведаясь к нему.

— Дед, говорят, у вас корова пропала? — начал Савельев издалека.

— Не пропала. Сорвалась с привязи и убежала в степь.

— Далеко убежала?

— Нет, до Аршаня...

— До Аршаня, значит? А где же ты незнакомого человека встретил?

— Ну, видел. Мало ли кто бродит теперь...

— Говори, где видел? — рассвирепел Савельев.

— Ну, между Элистой и Аршанем... Чего он вам дал-

ся? Вежливый, обходительный человек, не то что некоторые... Помог корову поймать.

— Не крути, дед, говори прямо: оружие у него было?

— Откуда у штатского оружие? Оно только у немцев...

— Врешь, старик!

— Не вру, господин начальник...

Савельев не поверил ему, но расспрашивать было бесполезно — такого хоть убей, не скажет: он настолько стар, что смертью его не устроишь.

...Допоздна сидел Савельев в своем кабинете. Устав, он вскакивал, ходил из угла в угол. Снова садился за стол. Ничего придумать не мог, хотя догадывался: неспроста бродил человек в степи между Элистой и Аршанью, тем более что в камышах и чакане того района случалось уже всякое. Савельев взял лист бумаги, нарисовал на нем кружочки, которые должны были обозначать Элисту, Булгун и Аршань. Но схема не помогла. В чем же дело? А если засаду устроить?

После полуночи шестеро полицаев отправились в засаду. Им предстояло скрытно пробраться в намеченное место, рассредоточиться, залечь и весь следующий день вести наблюдение, запоминать каждое движение, каждый звук.

Если результаты этой разведки будут неудачными, то пятеро останутся и на послезавтра, а один с наступлением темноты возвратится в Элисту и доложит обстановку.

— Главное, не выдать себя, иначе... — Савельев выразительно провел по горлу ребром ладони.

Полицаям неясно было, кто так сурово расправится с ними — партизаны или их начальник, но они понимали, что добра не жди в любом случае.

Первое донесение заставило Савельева насторожиться — трое из шести видели, что в заброшенную кошару заходил человек. Он скоро покинул ее и скрылся в камышах. Надо было найти и задержать его. Правда, это все равно что искать букашку в высокой траве, но иного не оставалось...

Начальник полиции сообщил Вольфу о предпринятой им разведке и предложил оцепить подозрительный район.

Полковник не спешил соглашаться. Война против партизан дорого обходилась гитлеровцам, и идти на новые потери без уверенности, что они хорошо окупятся, было рискованно.

Но Савельев настаивал. Охватить как можно больший район, точно неводом, прочесать его, и наверняка в мотне среди всякой мелочи окажется и то, что нужно. Вольф поколебался еще и уступил.

...Раннее утро, шестой час. Еще темно. Стоит сухой морозец. Ветер слабый, но пронизывает до костей. Жутко ползти по холодной траве, но солдатам деваться некуда — приказано достигнуть кошары. Смотришь на них, и кажется, что серые суслики, ожиревшие за лето, возятся в травах. Гитлеровцы часто останавливались и отдыхали. Значит, они уверены, что их не замечают. Иначе они поторапливались бы.

Командир и комиссар отряда, заняв удобный наблюдательный пункт, следили за фашистами. Следили и решали, как лучше провести их. Надо бесшумно пробраться во вторую балку, в которой все приготовлено к бою в окружении. Там сделаны окопы, построено хорошо замаскированный блиндаж. Бойцы знают, какие позиции им занимать, за какие секторы на местности отвечать. В той балке можно выдержать трудное сражение, если оно неизбежно. Да и уйти оттуда легче, если удастся обмануть карателей.

Илья с Лотосом отошли к реке, забились в камыши. Отсюда было видно, что возле кошары немцев пока нет. Встретить бы их пулеметными очередями да гранатами! Этого они как раз и боятся: не боялись, смелей ползли бы.

По сигналу командира начали переходить реку. Впереди Лотос, за ним цепочка партизан. На краю зарослей комиссар дал сигнал остановиться, а сам раздвинул стебли камыша. И тут оказался гитлеровский заслон — не пройти. Договорились возвратиться в балку и приготовиться к бою.

К тому времени, когда отряд занял позиции в балке, немцы уже были в кошаре. Один из них торчал на крыше и в бинокль озираал окрестности.

— Зажмут они нас, — тихо сказал командиру Лотос. — Если и прорвемся, то скрыться не удастся. В этой стороне зарослей почти нет. Если бы мы были в той балке!

— Туда путь закрыт. Вот если бы те, что за рекой, переправились сюда и соединились со здешней группой, то нам легче стало бы: перешли бы в открытый, но прочесанный район.

— Все-таки здесь оставаться нельзя. Надо по одному выходить на нашу основную позицию. В камышах долго не усидишь: они их особенно тщательно облазуют.

— Будь по-твоему, — согласился Лотос. — Посылай людей и сам готовься уйти с первыми же. А я тут буду держаться и прикрывать операцию... До темноты уцелеем, — значит, и дальше все пойдет хорошо.

Немцы убеждены были в том, что партизаны будут держаться реки и зарослей на ее берегах. Поэтому, оцепив балку по дальнему склону, они не отрезали ее от камыша. Сами партизаны не ожидали такого подарка, но с радостью им воспользовались: один за другим уходили на заранее подготовленную позицию, о которой фашисты не подозревали. С последним бойцом явился в балку и комиссар. Все были довольны, что не придется вести бой на два фронта, что силы отряда сосредоточены в одном месте.

Теперь и драться не так страшно. Как говорится, дома и стены помогают. А здешние «стены» сделаны руками партизан, тут каждый клочок изучен, все вокруг пристреляно.

Наблюдатели и стрелки заняли свои места. Изготовились пулеметчики — они основное внимание уделили той стороне, в которой были река и камыши. Цепь, которая пойдет от кошары, первыми должны были встретить автоматчики.

За рекой началось движение — немцы готовились к переправе. Вокруг кошары все было тихо. Так хотелось знать, что они задумали. Но попробуй угадать. Ведь неизвестно: узнали они, что партизаны рядом, или лишь предполагают, что отряд засел в этих местах?

— Илья, — сказал комиссар, — если они прямо двинутся к кошаре, давай не трогать их. Уйдем в камыши, зайдем прежнюю позицию. Они наверняка осмотрели ее, а днем обнаружат, что и эта балка пуста. Решат, что нас давно тут нет, и уберутся отсюда.

Командир долго не отвечал, все смотрел на гитлеровцев, переходивших реку и скрывавшихся в камыше.

— Понимаешь, как может получиться... Мы сунемся туда, а они, рассчитывая, что мы ни о чем не подозреваем, оставят засаду и будут маршировать тут, чтобы усыпить нас... Если попытаемся сейчас перебраться в камыши, то обнаружим себя — уже совсем светло. И потом они могут снова прочесать камыш, ведь днем это делать не так страшно... Опять двадцать пять... Положение опас-



ней, чем мы думаем. Скорей всего, они еще не убедились в том, что мы здесь. Это нас и спасает пока.

Фашисты у реки собрались в кружок и о чем-то переговаривались. Наблюдатели слезали с крыши кошары.

— Чего это они забеспокоились? — спросил Лотос.

Немного погодя Илья заметил, что они пошли вдоль реки, удаляясь от балки. В заросли не углублялись. Что они хотели обнаружить — хоженные тропы, следы стоянок у реки? Скоро гитлеровцы разбились на две группы. Одна зашагала дальше, а другая повернула к балке, прямо в сторону партизан. Камыш громко шуршал. Гитлеровцы открыли «профилактическую» стрельбу.

Отряд молча ждал боя. Казалось, его сейчас не миновать. А немцы, видно, заблудились — изменили направление и прошли по дальнему краю балки, даже не осмотрев кочки и жесткую болотную траву. Действительно, кто будет сидеть тут, когда рядом камыши?

— Бог на нашей стороне, — шепнул Лотос командиру.

— Может, он и дальше будет помогать нам? Пусть бы до вечера водил их вокруг да около... А там стемнеет, и мы ускользнем.

Надежды оказались напрасными. Фашисты решили вернуться к камышам, но не прежней дорогой, а новой — прямо через балку. Впереди офицер, а за ним человек пятьдесят солдат.

Партизаны прикинули к оружию. Пулеметчик держал под прицелом камыш. Если отряд завяжет бой с теми, что идут к балке, то пулеметчики должны быть готовы отразить атаку с тыла.

Наступающие были уже метрах в пятидесяти, когда Илья прицелился и выстрелил. Офицер взмахнул руками и повалился на землю. Сразу же застрочили автоматы, полетели гранаты.

Не ожидавшие такого оборота, враги растерялись, смешались и бросились наутек. Партизаны косили их до тех пор, пока те не сообразили, что надо залечь и открыть ответный огонь.

Гитлеровцы, засевшие у реки, начали атаку организованно. Пригнувшись, они двигались камышом, а выйдя из него, падали и ползли. Баатр, лежавший за пулеметом, едва не начал стрельбу. Придержал его командир:

— Жди, пока в рост не поднимутся. Не упусти этот момент!

— Все понял, — заверил Баатр.

Парень весь напрягся. Он знал, какое значение для отряда имеет его единственный пулемет. Баатр гордился тем, что ему доверили это грозное оружие. И был готов умереть, но не подвести: от него, больше чем от любого другого партизана, теперь зависела судьба всех товарищей.

Фашисты приближались. Передние замедлили, наверное, готовились встать. И в тот момент, когда они вскочили на ноги и еще не успели приготовиться для стрельбы, Баатр открыл огонь. Зататакал, задрожал пулемет, и смертельный ветер полоснул по фашистам. Они залегли вновь.

В это время ударили немецкие пулеметы — один от кошары, другой из камышей. Ни автоматы, ни пулеметы большого вреда партизанам не причинили: окопчики и кочки делали обороняющихся неуязвимыми. Пошли в ход гранаты, но до цели было далековато.

Немцы переползали с места на место, но все вдоль фронта. Приблизиться к партизанам они не могли: густ был огонь.

Баатр внимательно следил за тем, чтобы гитлеровцы не обошли его сбоку. Да и партизаны стерегли своего пулеметчика и предупреждали малейшие попытки взять его в клещи.

Весь день длилась перестрелка. Солнце клонилось к закату, а конца бою видно не было.

Фашисты понимали, что темнота усложнит их положение, партизаны могут прорваться и уйти. А командир отряда торопил ночь. С ее приходом все изменилось бы.

Теперь, когда все внимание немцев сосредоточилось на балке, легче было решить, где и как контратаковать их. Командир едва не молился о том, чтобы они ослабили свои силы у реки. В открытую степь уходить опасно — от врага на голом месте не оторвешься. А в камышах можно запутать их, выиграть время и скрыться.

Сквозь гул перестрелки партизаны услышали шум моторов. Подошло несколько автомашин с солдатами и минометами. За двумя грузовиками тянулись легкие пушки.

— Веселая свадьба предстоит, — горько пошутил Лотос. — Давай разделимся. Ты на одном фланге, я на другом.

— Чем черт не шутит, — сказал командир и протянул руку комиссару. — Может, придется пробиваться врозь.

Где собираться уцелевшим, ты знаешь. Иди, и пусть все кончится хорошо!

Командир остался неподалеку от пулемета, комиссар переполз к степному краю балки и спрятался за кочкой, в нескольких метрах от Цаган.

Девушка стреляла, старательно целясь. Немцы вели себя особенно осторожно, поэтому Цаган приходилось делать большие паузы.

Увидев комиссара, она сказала:

— Как мы с этой ордой справимся, Бадма?

— Во-первых, забудь все-таки, что я Бадма. Во-вторых...

Совсем рядом взорвалась мина. На Бадму и Цаган посыпались комья земли. Почти тотчас же ахнула вторая.

«Нацупывают», — подумал Бадма и не сказал, что же «во-вторых».

— Виновата, товарищ комиссар, — отозвалась Цаган.

«Храбрится, — усмехнулся он, — значит, понимает, что попали в сложный переплет».

— А после войны как... — начал комиссар и не договорил.

Перед Цаган врезался в землю снаряд. Кустом вскинулась сырая земля.

Девушка приникла к траве. Чуть приподняв голову, Лотос взглянул на нее, окликнул. Она пошевелилась и приготовилась для стрельбы.

Вдруг разом все прекратилось — замолчали немецкие пушки, минометы, автоматы, пулеметы.

Партизаны знали — начнется атака, враги решили разом, до наступления ночи, покончить с обороняющимися.

Прекратили огонь и партизаны. Берегли боеприпасы.

Илья быстро набросал на листке несколько слов и передал радисту:

— Срочно в Центр... Рацию и шифры уничтожить...

В эфир полетели тревожные слова: «Окружены, принимаем неравный бой, прощайте, товарищи. Молния».

По сигналу полковника Вольфа гитлеровцы приступили к решительному штурму.

Они шли со всех сторон, шли уверенные, что такая атака подействует на партизан, сломит их волю к сопротивлению.

«Знатоки» русского языка из передней цепи уже выкрикивали:

— Рус, сдавайся!

И тут грянул партизанский залп. Он был внезапен и силен. Атакующие повалились на землю и не вставали, несмотря на крики офицеров. После небольшого замешательства ударили пушки и минометы. Минут пятнадцать длилась эта артподготовка, а когда затихла, солдаты врага снова бросились в атаку. Силы были слишком неравными. Часть фашистов просочилась в балку, а по краям ее виднелись новые цепи.

Лотос пустил в ход гранаты. Он бросал их одну за другой, слыша, как поблизости стреляет Цаган.

Когда раздался рядом взрыв, Лотос подумал, что снаряд угодил в девушку, но кинуться к ней, помочь ей он не мог. Его самого бросило в глухую тьму...

Цаган же показалось, что снаряд попал в комиссара. Взрывом отшвырнуло к ней автомат Лотоса. Она подхватила его — патронов не было. Не оставалось патронов и у нее. Она поднялась, держа автомат за ствол. Тяжелый удар в грудь перехватил дыхание, и Цаган медленно опустилась на землю...

Илье удалось сбросить с себя одного гитлеровца. Он схватился со вторым, свалил его, но что-то тяжелое обрушилось на затылок.

Это увидел Баатр, он оставил умолкший пулемет и кинулся на немца, который прикладом бил Илью.

Гитлеровцы никак не могли справиться с парнем, который работал ногами и кулаками. Конец схватке положил офицер — он в упор выстрелил в молодого партизана...

На поле боя стало тихо. Немцы бродили по балке, осматривали убитых, в одно место стаскивали тяжелораненых и оружие.

Полковнику доложили, что убито десять партизан, взято в плен пять раненых. Свои потери — двадцать шесть убитых, тринадцать раненых.

Полковник отказался верить — такое страшное соотношение!

Балка опустела.

Вернувшись в город, полковник позвонил генералу Гопри.

Разговор был тяжелым, хотя начался он с доклада об успешном завершении операции:

— Отряд разгромлен. Пятеро партизан взяты живыми. Остальные убиты.

— Гут, гут, — одобрительно произносил генерал.

— Захвачено пятнадцать автоматов и винтовок, один ручной пулемет и одна граната. Патронов нет.

— Дрались до последнего патрона! — воскликнул генерал. — Это же смертники!.. А какие у нас потери?

Вот тут-то и началось. Генерал изрыгал брань, грозил отдать под суд виновников таких потерь.

Полковник не отвечал, и генерал бросил трубку.

## 39

...Все вокруг темным-темно, только в далекой вышине мелко дрожат озябшие звезды.

Придя в себя, Лотос вглядывался в ночь, вслушивался в нее. Последнее, что он слышал до того, как погрузился в черный и холодный мир, были звуки боя. Где его товарищи? Чем все закончилось? Отчего в степи так тихо?

В висках стучала кровь, грудь болела, что-то тяжелое навалилось на него, и он не мог подняться. Он с трудом шевельнулся под этим непонятным грузом и не сразу понял, что засыпан землей. Когда ему удалось освободиться из ее объятий, он сделал попытку встать. Сил не было. Он откинулся на спину, отдышался и наконец выпрямился. Ноги подгибались, и он боялся, что снова упадет. В голове гулко билось что-то свинцовое и горячее. Лотос упорно напрягал шею, чтобы удержать голову. Осторожно поворачиваясь, он осмотрелся. Поблизости никого. Куда же девались его товарищи? Перебиты? Схвачены? Отошли под напором фашистов?

Он поднял непослушную руку и провел ею по лбу. Острая боль пронзила его, и он понял, что ранен. Куда же? Все тело ныло, во всех суставах отдавалась боль. Она слепила глаза, окутывала сознание туманом. Лотос подставил лицо ветру — стало немного легче.

Надо было что-то делать, надо было куда-то идти. Но что предпринять, в какую сторону двинуться? Где твой отряд, комиссар?

Лотос наклонился, но автомата не обнаружил. Разгибаясь, он уперся правой рукой в бок и наткнулся на кобуру с пистолетом.

Он шагнул вперед, потом вернулся на прежнее место. Где-то здесь должны лежать убитые немцы. В бою он одной гранатой свалил троих. Трупов не нашел. Значит, унесли,

Лотос понимал, что отсюда никто не мог уйти: против шестнадцати партизан фашисты бросили пятнадцать автомашин с солдатами. Почти по машине на каждого. И пушки и минометы с неограниченным запасом снарядов. Но если немцы выиграли сражение, то наверняка должны были искать его, Лотоса. Видно, не нашли. Его выручила земля, к счастью не ставшая для него могилой.

Необходимо уйти куда-нибудь подальше. Но где он найдет приют? В Элисте его немедленно схватят. Самое верное скрыться в степи. Найти кошару, затаиться в ней, собраться с силами, продумать план дальнейших действий.

Лотос побрел по степи, но через несколько метров споткнулся и рухнул на землю. Сознание не покинуло его, Лотос сумел вытащить пистолет. Поблизости никого не было. Он сел и пошарил вокруг себя здоровой рукой. В ногах лежала кожаная сумка, чужая, немецкая.

Встав, Лотос повесил сумку на плечо и зашагал дальше.

Занялось серое утро. Степь казалась мертвой, хотя над нею, срывая песок и первый сухой снег, гоняя шары перекасти-поля, метался ветер. Он плакал и стонал, озлобленно выл, словно голодный волк. В этом ветре был голос степи. Сильного она боится, слабого не щадит. Одетого в шубу щекочет, забираясь за воротник и в рукава. Того же, кто забредет сюда в ситцевой рубахе, убаюкивает колыбельной песней, пока не заставит заснуть, пока не убаюкает насмерть.

Она бралась за Лотоса: колола его, студеным огнем дышала в лицо, пробирала насквозь, вызывая озноб. Но чем сильнее напирала она, тем сильнее вставала в его сознании иная, дорогая ему степь.

Он видел ее освободившейся от снега, омытой молодой зеленью, обрызганной пылающими тюльпанами, прогретой солнцем, обласканной луною. В такую пору она будто смеется и радуется, рдеет, как красotka в нарядном халмаге<sup>1</sup>.

У норы, на не просохшем еще курганчике, столбиком торчит и пронзительно насвистывает суслик. Вверху заливается неутомимый жаворонок. Дурманящий запах полыни висит над землей. Этот густой и терпкий аромат щиплет ноздри, наполняет рот, спирает дыхание.

---

<sup>1</sup> Халмаг — женский головной убор.

И нет степи конца: где-то далеко-далеко она сливается с небом, таким же прекрасным и родным... Улыбка тронула обветренные губы Лотоса. Воспоминания отвлекли его от боли и холада.

Лотос представил дрофу, осторожную птицу, которая ни за что не подпустит к себе человека. Глаза ее зорки — от них не скроешься. Обнаружив опасность, она взлетает на сильных крыльях и уносится в самые дикие и пустынные места, где тихо и безопасно, где волнами перекачивается ковыль, где дрожит горячее марево, готовое расплескаться по степи.

Трудно убить дрофу, невероятно трудно. Но труд охотника окупается: мяса в ней много и оно необыкновенно вкусно. Поэтому охотник, зарядив ружье картечью, готов целый день ползать по степи, лишь бы убить эту птицу. Стрелять надо наверняка — раненую дрофу не поймать. А вот в гололедицу, когда намокшие крылья покрываются льдом, эту осторожную птицу можно взять голыми руками. Бывало, чабаны и гуртоправы загоняли в хотоны стада птиц, потерявших способность летать.

«Чем я не дрофа с обледеневшими крыльями? — то скливо подумал Лотос. — Того гляди, враг голыми руками возьмет...»

Он уже шел прямо и широко — к боли притерпелся, сил стало больше, точно та, привидевшаяся ему весенняя степь освежила его силы.

Главное, дойти до какого-либо села и разузнать о своих. Если друзья погибли, надо разыскать новых людей и возродить отряд!

Стоп! Он даже не порылся в сумке. Вдруг в ней есть карта! Лотос опустил ее на землю, сунул в одно отделение — там оказались два ломтя хлеба и банка консервов. Под ними лежал молитвенник. На обложке тиснение: «Да сохранит нас бог», а чуть ниже аккуратно выведено, наверное, рукой хозяина этой книжки: «Гауптман Штимбауэр». В другом отделении нашел дневник и карту.

Если сделать поправку на расстояние, которое он прошел, то от места, где он сейчас, до ближайшего села не менее двух суток пешего хода. Ничего не поделаешь, надо идти. Карту спрятал в один карман, хлеб и консервы — в другой. Сумку выбросил, а дневник повертел в руках и раскрыл: любопытно, о чем пишет этот самый гауптман Штимбауэр?

«...Наш полк удалился от Волги и расположился в калмыцкой степи. В боях мы понесли большие потери, и нам дали время на то, чтобы отдохнуть и принять пополнение. Сейчас оставшихся в живых на роту не хватит. Здесь потише, чем у Волги, но все равно опасно. Два врага пытаются овладеть моей головой, но благодаря защите всевышнего я еще жив. Первый мой враг — партизаны. Несмотря на то что мы ослаблены, нам приказано не прекращать борьбы против партизан. Покоя нет ни днем, ни ночью. Мы держим в напряжении и постоянной готовности и обессиленных старичков, и необстреленных новичков — иначе нам не уцелеть. Партизаны появляются отсюда, откуда их не ждешь. Поймать их почти невозможно. Они дерутся до последнего патрона, не выпускают из рук оружия, пока их не перестреляешь. Это фанатики.

Второй враг — мороз. Степь — это холодная пустыня. Топлива не достанешь, а температура часто опускается до сорока градусов ниже нуля.

Еще тяжелей, когда дуют ветры. Это здесь бывает нередко. Если ветер с северо-востока, то пурга может продержаться до десяти дней. Погибнуть от стужи просто. Заблудиться еще проще — погода переменчива: только что было ясно, и вдруг налетает ветер, все кружится вокруг, все заволакивает белым и серым. И не разберешь, куда идти, где искать свою стоянку. Здешняя пурга могуча и свирепа. Недавно она обрушилась на полевой аэродром, где стояло более десятка самолетов. Они были привязаны, но их сорвало, разбросало, разбило о землю.

Снега тут немного, больших заносов не бывает. Но и с невысокими сугробами не справишься. Ветер сдувает с лопат сухой и мелкий снег, и вся работа идет насмарку. Хоть круглые сутки возись — не справишься.

Однако и оттепель не радует. Посмотришь вокруг, вроде неплохо: снега нет, зеленеют остатки травы, тихо и красиво. Но попробуй двинуться по такой степи! Грязь по колено. Дороги покрываются глинистой жижей, застревают машины, останавливаются изнуренные лошади, валяются с ног солдаты...

Молюсь о том, чтобы выбраться из этих краев и больше не попадать сюда. Всевышний бережет меня. Что будет завтра? Полагаюсь на бога...»



Лотос отшвырнул дневник. «Выручил тебя твой бог? Подавился нашей калмыцкой землей». Убит этот гауптман или просто потерял сумку в бою? Черт его знает!

Мучили холод и голод, боль в левой руке, заметно распухшей. Недавний подъем прошел, и Лотос продвигался вперед, часто спотыкаясь, но не позволяя себе сесть и отдохнуть. А кто-то затаившийся в нем уговаривал: «Опустись на землю, передохни». Сопротивляться было нелегко. И все-таки Лотос переборол себя, шел все дальше не останавливаясь.

Впереди показался пологий холм с кошарой наверху. Лотос прибавил шагу. Помещение не ахти какое, но все же лучше, чем под открытым небом. Приблизившись к строению, он увидал, что крыша прохудилась, стены обветшали, дверь сорвана с петель и валяется на земле. Почудилось, что внутри кто-то есть. Лотос замер, осторожно взвел курок. Неизвестно, сколько он простоял так, но никто из кошары не выходил. Держа пистолет перед собой, он заглянул в дверь. В кошаре стояла лошадь. Ни седла, ни узды на ней. Худа она — кожа да кости, хвост да грива. Лошадь покосилась, наострила уши. словно поняв, что опасность не угрожает ей, отвернулась, опустила голову. Лотос подошел к ней, погладил шею. Откуда взялся этот одер? Наверно, забрел случайно.

Лотос добрался до угла, в который ветер нагнал несколько кустов перекати-поля, сделал себе постель и лег. «Этот скакун, — подумал он, — еще может пригодиться».

Лотос заставил себя подняться. В кошаре не оказалось даже обрывка веревки. Он общарил кошару, снял несколько кусков проволоки со столбов, скрепил их и, привязав ими лошадь, снова устроился на жесткой постели.

Заснул он не сразу — ныла рука, гудели натруженные ноги. Долго лежал неподвижно, надеясь, что боль утихнет, усталость станет не такой гнетущей.

...Лотос потерял представление о времени. Кошару он нашел под вечер. Лег спать, когда смеркалось. Проснулся в темноте. Далеко ли до рассвета? Сколько он проспал? Забылся ненадолго или прошло много часов? Судя по тому, что ноги не гудят, а голова посвежела, ему удалось отдохнуть несколько часов. Можно пускаться в путь.

Он поднялся. «Продукты есть, сейчас закушу, — сказал он себе и похлопал по карману, в котором лежали

Хлеб и банка консервов. — Транспорт в наличии, оружие в порядке». Он надеялся добраться до хотона Хара-Эрге.

Лотос вывел лошадь из кошары, забрался на ее костлявую спину. Держа в руке проволочный повод, мягко потрогал коленями тощие бока «скакуна». Сильно погонять его рискованно: если упадет, то уже не встанет.

Ехал шагом, радуясь тому, что тело и в дороге отдыхает. Вот только железный поводок холодит руку. Выход нашелся быстро: сделал на конце поводка колечко и привязал его к гриве.

Радость седока была недолгой — он озяб. Сойти на землю, прошагать километр — другой пешком? Но хватит ли потом сил снова залезть на лошадь? Решил не рисковать. Расчетливо двигая руками, тер свое тело, старался согреться.

Рассвело. Лотос все еще был в пути. Он ехал весь день. Солнце село, и на степь снова легла ночная тьма. Ни одного светлого пятнышка вокруг. Но когда он поднялся на возвышенность, впереди блеснули огоньки. До них было не более километра.

Лотос отвязал повод, слез с лошади, погладил ее и оставил в степи. Подойдя к строениям на окраине, узнал хотон Хара-Эрге. Значит, он не заблудился.

Хотон небольшой — десяток с небольшим мазанок, прижавшихся друг к другу и не мигая глядевших в ночь тусклыми огоньками.

Эх, была бы возможность, как раньше, войти в любую дверь, поприветствовать хозяев, знать, что они хорошо примут тебя! Но кто теперь живет здесь? Как поведут себя люди?

Лотос смотрел в темноту, прислушивался. На улице никого, из мазанок никто не выходит. А мороз крепчал. Да и голод снова напомнил о себе. Но Лотос не спешил. «Не торопись, комиссар, будь осмотрительным, действуй только наверняка», — говорил он себе.

Время шло. Нужно было решиться войти в мазанку, пока люди не заснули. Убедившись, что все окрест спокойно, зашагал по единственной улочке. Свернув к мазанке, что стояла в центре хотона, постучал в окно. Дверь приоткрылась, и женский голос спросил:

— Кто там?

— Впустите меня, пожалуйста, оочоченел до смерти, — негромко сказал Лотос.

Женщина подозрительно оглядела его и поосторожилась. Он вошел в мазанку. Тесное помещение было разделено на две половины. Пол земляной. Лотос заглянул в проем, сделанный в перегородке: в задней комнатухе спали дети.

Женщине было лет тридцать. Она неторопливо разгребла золу в очаге, вздула огонь, положила кизяка и поставила на него кастрюлю с чаем.

— Откуда вы и куда путь держите? — как-то раздельно, словно беседуя с иностранцем, спросила женщина.

— Я из Адыка. В Элисту иду...

— По делам или так просто?..

— Не просто. Вызвали меня...

— А-а! Вы, наверно, старший в своем хотоне?.. Моего еще вчера вызвали. Пошел в Яшкуль. Он тоже старший в хотоне.

Женщина, видя, что незнакомец не расположен вести беседу, оставила его в покое. Наконец она подала ему чай. Лотос с жадностью выпил его и поднялся. Он понимал, что задерживаться здесь не следовало. Поблагодарив хозяйку, он направился к двери, но тут послышались торопливые громкие шаги. Хозяйка пошла открывать. Лотос различал голоса людей, говоривших по-калмыцки. Один выделялся особенно — это был грубый, лающий голос мужчины. Судя по разговору и смеху, за дверями было не меньше трех подвыпивших мужчин.

Лотос переложил пистолет из кобуры за пазуху.

Мужчины шумно вошли в дом. Один из них, видно хозяин, воскликнул:

— Смотрите, а у нас гости!.. Я же говорил вам, что мой конь играет головой, а жена моя играет токугом<sup>1</sup>. Значит, привлекает кого-то и ждет, чтобы я покинул свой дом. Я уезжаю, а гость тут как тут!

Горластый захохотал, его спутники тоже смеялись нагло и громко. Лотос молчал.

Мужчины как будто перестали обращать на него внимание. Расселись за столом, распили бутылку араки. Их было пятеро, и одной бутылки им оказалось мало. Когда посуда опустела, хозяин дома обернулся к Лотосу, взгляделся в него и... узнал. Лотос сидел с таким видом,

---

<sup>1</sup> Токуг — серебряное украшение для кос.

словно ничего не случилось. Хозяин тоже был невозмутим. Позвал жену:

— Сходи к старой Кензе, скажи, что я просил четверть араки.

— Сейчас, — ответила жена, продолжая возиться у печи.

— Э, с такой, как ты, не очень-то выпьешь! Тебя только за смертью посылать — долго прожить можно! — куражился хозяин, но жена не обращала на него внимания. — Дорджи, пойдем сами! — Невысокий, плотный мужчина поднялся и вслед за ним двинулся к выходу.

Вернулись они быстро. Поставив на стол две бутылки араки, хвастались, что забрали у старухи всю самогонку. Выпили по стакану, и хозяин встал из-за стола, раскинул руки, заулыбался. Вскочил и Дорджи.

— Вай-вай, Бадма! — разыгрывая радость, воскликнул хозяин.

Лотос встал, но и шагу не успел сделать. Хозяин обнял его:

— Смотрю, вроде лицо знакомое, но узнал тебя не сразу!

Вскочили с мест и другие собутыльники, но их вмешательство не понадобилось: связанный Лотос уже снова сидел на ширдыке.

— А теперь выпьем! — позвал хозяин приятелей, садясь за стол. — А этот пусть подождет! Сангаджи Нониев не забывает того, кого видел хоть раз, не выпустит того, кого схватил!.. Вовремя ты попался мне: как раз сегодня господин Тюджгиров созывал нас и показывал твою фотографию. Но я и так узнал бы тебя, комиссар Адучиев!

— Ну, чтобы наш Сангаджи не узнал — такого быть не может! — подхваливал хозяина Дорджи.

Лотосу и горько было оттого, что попался так нелепо, и душила ненависть к этому подонку, предателю.

— Эй, Сангаджи! — крикнул Лотос. — Теперь я знаю, чего ты стоишь! Презираемый у себя в Оргахыне, ты нашел приют в Эркетене! Стыд и позор не пугают тебя, вера и правда чужды тебе. Не было тебе места среди честных людей и ты переметнулся к бандитам!.. Куцая ворона, не будет тебе места в жизни!

Сангаджи вскочил, метнулся к Лотосу, трижды ударил его ногой.

— Ага, ты знаешь меня! Ты такой мудрый, что уже

все обо мне узнал! — в бешенстве орал бандит. — Я тебе сейчас язык вырежу!

Собутыльники едва смогли унять разъяренного Сангаджи.

— Что тебе мой язык? — усмехнулся Лотос. — Ты лучше подумай о своей голове!

Пьяные предатели посоветовались и решили, несмотря на ночь, отвезти Лотоса в Яшкуль. Его бросили в арбу. Она тряслась так, что голова его билась о доски, дышать было тяжело, раны горели. Но Лотос не произнес ни звука.

— Слушай, Сангаджи, как бы он не подох. Этак мы его до Яшкуля не доведем, и деньги пропадут, — сказал Дорджи.

— Пожалуй, так, — согласился Сангаджи и ослабил путы на руках Лотоса. — Десять тысяч не шутка, ради такой награды стоит о нем позаботиться... От нас он не убежит, пусть повалится так.

— Эх, волки вы, а не люди! — процедил Лотос сквозь зубы и сел.

Тряска теперь переносилась легче. Под одеждой бился о грудь пистолет. Лотос думал, как бы пустить его в ход. Поспешность могла принести только вред. Лотос искал выход и продолжал злить бандитов, надеясь, что в ярости они потеряют голову, а он воспользуется этим.

— Были бы вы мужчины, дрались бы с врагом, а не прислуживали ему. Продали родную землю, предаете свой народ! Тьфу!

— Ты не очень, а то я тебя взнуздаю! — пригрозил Сангаджи.

— Меня, может, ты взнуздаешь, а со всем народом ни тебе, ни твоим новым хозяевам не справиться! — крикнул Лотос. — Они уже бегут с перекошенными рылами. Кое-кому, возможно, и удастся удрать, а большинство здесь найдет себе могилу. А что вы станете делать? Вы им тогда не понадобится, тогда они о своей шкуре станут заботиться. С такой обузой они на бегу быстро разделаются...

Сангаджи толкнул Лотоса в спину:

— Замолчи!

Арба, раскачиваясь, катилась по разбитой дороге. Светало. Полицаи дремали, подскакивая и вскидывая головы всякий раз, когда арба подпрыгивала на ухабах. Но Сангаджи бодрствовал.

«Уложить бы этого бандюгу, тогда и с остальными справился бы, пока они очумелые, — размышлял Лотос. — Эх, если бы обе руки были целы!»

Вдруг арбу сильно встряхнуло. Полицаи повалились друг на друга, спросонья не понимая, что произошло. Лотос, неловко изогнувшись, выхватил пистолет, но Сангаджи заметил это движение и заорал, а Дорджи, оказавшийся самым расторопным, всем телом навалился на комиссара. Раздался выстрел. И в тот же миг тяжелый удар бросил Лотоса на доски арбы. В глазах забегали разноцветные круги. Тело убитого Дорджи придавило комиссара, и он не мог двинуть рукой.

— Ах ты, гад! — кричал Сангаджи, связывая Лотоса. — Притворяетсядохлым, а сам в горло метит вцепиться!

Арба въехала в Яшкуль. Мертвый Дорджи лежал рядом с Лотосом. Сангаджи держал в руке конец веревки, которой был опутан комиссар, а другие полицаи вцепились в избитое тело Лотоса, наставив на него наганы.

#### 40

Полковник Вольф был страшен. Он стоял широко расставив ноги и уперев кулаки в бока. Лицо его побагровело. Глаза смотрели зло и беспощадно.

По комнате расхаживал Доль, известный в Берлине как знаток юга России. Считали, что он досконально изучил Калмыкию и вдобавок ко всему владел секретами борьбы против отрядов сопротивления, а значит, и партизанских отрядов. За местные дела он не отвечал — он был представителем высшего начальства, от имени которого мог судить и миловать. Оттого-то и держался независимо и важно, оттого-то и чувствовал свое превосходство над этими неудачниками на местах.

Предстояло допрашивать партизан, которые принесли немало неприятностей полковнику Вольфу. Доктор Доль обдумывал, как приступить к делу. За ужином он пообщал Вольфу заставить заговорить самых молчаливых партизан, с которыми не справляются здешние гестаповцы. Да и перед туземцами не мешало блеснуть.

«Туземцы» — Басанг Огдонов и Савельев — сидели ни живы ни мертвы.

Послышался топот. В кабинет вошли солдаты, остановились возле двери. Затем ввели высокого рыжеватого

мужчину со связанными за спиной руками. Он был ранен и едва стоял. Ко лбу прилипли волосы и песок, перемешанные с кровью. Но голубые глаза смотрели прямо и смело. Немного спустя втолкнули девушку и худощавого паренька с разбитым лицом. Паренек поводил плечами и что-то шептал девушке.

Савельев взгляделся в партизан и вдруг вскочил, подбежал к Вольфу:

— Господин полковник, это она! Это она, господин доктор, — повернулся Савельев к Доль. — Она!..

Он кинулся к девушке, но паренек заслонил ее собою.

Савельев попытился, а Цаган даже не шевельнулась, точно не о ней говорил начальник полиции.

— В чем дело? — спросил доктор Доль.

— Вот та девчонка, которая...

— С которой вы «знаменитую» ночь провели? — съязвил Вольф.

— Вайшбук, Вайшбук, — бормотал растерявшийся Савельев, он надеялся, что напоминанием об умершем офицере переключит внимание на девушку.

Вольф и Доль оглядели мужчин-партизан и подошли к тому, что стоял впереди.

А Савельев воспользовался моментом и подступил к Цаган:

— Чего боишься? Ты же партизанка, оказывается!

Цаган плечом слегка тронула загоразивавшего ее парня — он отступил в сторону. Она приблизилась к Савельеву и смотрела на него смело, с ненавистью и презрением. Это вывело Савельева из себя, он наотмашь ударил ее по лицу.

Доль недовольно повернулся к Савельеву; полицейский мешал его психологическому эксперименту.

— Храбрец! — с омерзением произнесла Цаган. — Силен, когда у нас руки связаны. Жаль, что из-за пьяного обжорства вашего мы не встретились во второй раз! Я продырявила бы твою предательскую душонку!

Савельев снова поднял руку, но ударить не успел.

— Прекратить! — потребовал Вольф.

Полковник Вольф ждал, что под «проницательным» взором «специалиста по России» партизаны дрогнут и выдадут своего командира. А не выдадут — психологи сами поймут, кто из схваченных старший. Но эксперимент

не удался. Доль внезапно метнулся к Цаган и резко спросил:

— Кто ваш командир? Отвечай немедленно! Не скажешь, найдем чем развязать твой язык!..

— Оставьте девушку, — сказал Илья, — командир отряда — я.

— Ага, — удовлетворенно протянул Доль. — Где же ваш комиссар? Его, кажется, зовут Бадмой Адучиевым?

— Не знаю, — качнул головой Илья.

— Как же вы не знаете? Ведь командиру это должно быть известно... Так где же он сейчас?

Илья не ответил.

— Среди убитых его нет, мы опознали бы... Видно, бежал. Скрылся, бросив всех вас на произвол судьбы. Впрочем, все комиссары такие. Своя рубашка, говорят русские, ближе к телу!

— Врешь, негодяй! — рванулся раненный, еле державшийся на ногах Баатр. Солдат, стоявший за его спиной, схватил парня за ворот, дернул назад.

— Куда же он делся? Он должен быть среди вас. Или среди раненых. Или среди убитых. Но нет его, нет!

Доль приказал увести всех, кроме командира. Илью усадили на стул возле стола. Доль занял место, на котором обычно сидел Вольф, достал платок, вытер лицо и ладони.

— Я готов слушать вас...

«Посмотрим, чем начнете и чем закончите, — подумал Вольф, с неуловимой усмешкой поглядывая на Долю. — Посмотрим, какой вы специалист».

Илья молча смотрел прямо перед собой, точно задумался над чем-то своим и забыл, где он находится.

— Долго вы собираетесь молчать? — Доль встал, вышел из-за стола, остановился перед Ильей.

— Мне больше нечего сказать, — медленно произнес Илья. — Все, что я мог сообщить вам, уже сообщил... О моих намерениях вы могли судить по последнему бою...

— Ах, вон как! Вы все сообщили! Вы поговорили с нами в бою и считаете, что на этом разговор закончился? — Доль задыхался от бешенства. — Нет, не закончился! Вам еще придется отвечать на мои вопросы!

Доль снова достал платок, стер со лба пот.

— Итак, с кем вы поддерживали связь в Элисте?



— У нас более обширные связи. Со всей родной землей!

— Меня ваше остроумие не интересует! Мы с вас еще спросим за тот ущерб, который вы нам нанесли! Если хотите смягчить вину, ведите себя иначе!

— Это еще надо посмотреть, кто больший ущерб нанес! — гневно сказал Илья. — Кто вас звал сюда? За каким чертом вы пожаловали сюда? Вам предстоит...

Договорить ему не дали — доктор Доля кулаком ударил командира в висок. Илья качнулся, но удержался на стуле и с холодной усмешкой взглянул в багровое лицо Доля. А доктор топал ногами, дрожал как в лихорадке и орал:

— Молчать! Ни звука! Отвечать только на вопросы!.. Я выбью из вас все, что вы знаете, я помогу вам вспомнить забытое! Все, все! Я прикажу вырвать ваш язык, забить в вашу глотку кол! Вы еще узнаете, как разговаривать в присутствии доктора Доля!

— Я в ваших руках... Можете что угодно делать, я не стану отвечать на ваши вопросы. Вы ничего не добьетесь ни угрозами, ни побоями!

— Добьюсь! — вопил Доля, нанося удары по лицу. — Добьюсь!

Этого ему показалось мало — он столкнул Илью на пол и стал пинать его ногами, стараясь попасть в голову, в живот и грудь. Илья даже не ахнул. И, теряя сознание, он не застонал.

— Убрать! — выкрикнул Доля. — Девчонку сюда!

«С таким эффектом и так «тонко» и мы можем!» — злорадствовал Вольф.

Илью вынесли. Доля вышел из кабинета. Через несколько минут вернулся умытый и освеженный.

Кровь на полу уже вытерли. Цаган сидела на стуле.

Доля достал портсигар, протянул его Цаган.

— Не курю...

— Не настаиваю, — сказал Доля и сделал подобие улыбки.

Он не спеша раскурил папиросу, с удовольствием затянулся.

— Ваш командир рассказал нам обо всем. — Доля изо всех сил старался говорить спокойно. — Остается кое-что уточнить.

Цаган посмотрела на мокрые пятна на полу.

— Я не смогу сказать больше того, что сказал командир. Он человек серьезный и аккуратный и ничего важного упустить не мог...

— Он командир, у него свои сведения. А вы, как нам известно, разведчица. Вы говорите о своем!

— Мы жили одной семьей. Все добытые данные я передавала командиру. Если он рассказал обо всем, значит, и эти данные вам известны.

Доль начинал злиться. Он раздавил в пепельнице папиросу, сцепил пальцы с такой силой, что побелели суставы.

— Кто вас познакомил с Муркой? К кому вы еще заходили?

— Мурка ворожея. Как к ворожее я и пришла к ней. До этого я не была знакома с нею.

— Кто посоветовал вам зайти к ней? Где вы ее увидели впервые?

— Случайно на базаре увидела.

— И так быстро сдружились? Невероятно!.. У вас не было других общих дел? У кого вы останавливались еще? С кем она познакомила вас?

— Бывала я только у нее. Ни с кем, кроме Савельева и Вайшбука, она меня не познакомила. Это произошло случайно. Я пришла, чтобы она поворожила мне, а они устроили пьянку...

Доль закурил снова.

— Вот что, красавица, хватит обманывать нас... Давайте говорить правду. Давайте по-хорошему. Если хотите по-плохому, мы пойдем на это, но зачем вам это... Все зависит от вас самой — здоровье, жизнь, свобода. Мы отпустим вас, если...

— Больше я ни слова не скажу, ни слова!

Доктор поднялся, перегнулся через стол и изо всей силы ударил ее. Она упала на пол. Доктор подбежал к ней, толкнул ногой в бок. Она встала, и он новым ударом сбил ее с ног.

— Вставай! — потребовал он.

Она с трудом выпрямилась. По лицу ее струилась кровь, но взгляд был твердым и смелым.

Через секунду девушка снова была на полу. Не ожидая приказа, она стала подниматься. Это взбесило Долю, и он снова ударил ее. Когда он устал и велел вынести Цаган, она еле дышала.

Доль снова умылся, сел за стол, закурил, дрожащими руками перебрал чистую бумагу, на которой не было ни строки — допрос ничего не дал.

Было уже поздно, и Вольфу хотелось пойти поужинать и отдохнуть, но он не мог сделать этого, пока доктор занимался партизанами. Полковник неприязненно косился на берлинского гостя и мысленно называл его скотиной.

— Давайте еще одного, — распорядился Доль.

...Баатр, лежавший на голом каменном полу подвала, заснул. Он не слышал, как отворили дверь и пришли за ним. Он не проснулся ни от крика Савельева, ни от толчков в плечо. Начальник полиции решил было, что парень мертв. Нащупал пульс.

— Ишь, развалился тут! Вставай! — Савельев ударил его сапогом.

Баатр сел и не сразу вспомнил, где находится. Увидел русского полицаю, двух немецких солдат и тяжело раненого Эрдни — их бросили в одну камеру — и окончательно пришел в себя.

Солдаты подхватили Баатра под руки, подняли, поволокли к выходу.

Доль сидел, прислонившись к столу, расстегнув верхнюю пуговицу кителя. Когда ввели Баатра, он уже не предлагал ему сесть и не угощал папиросой: знал, что этот прием не действует на партизан.

— Ну, видел своего командира? — приступил доктор к допросу. — Как он тебе нравится?

— Не видел...

— Они в разных камерах, — подсказал Савельев.

— Вот как... Его вынесли на руках. И с тобой то же будет, если станешь молчать или обманывать нас. Выкладывай все, что знаешь о связях партизанского отряда, о людях, поддерживающих его! Можешь спасти свою шкуру, если будешь умней этих закоренелых бандитов. Ты человек молодой, тебе жить надо.

— Ничего я не знаю...

— И не помнишь, как бросал гранаты в казино в Элисте?

«Им еще неизвестно, кто наколошматил кучу этих обжор», — подумал Баатр.

— Впервые слышу об этом... казино.

— Не юли... Если не ты, то кто бросал гранаты?

— Представления не имею! Говорю, впервые слышу...  
Степь большая, партизан много...

— С кем ты готовил преступление, у кого останавливался?

Баатр отвернулся.

— Ганс! — позвал доктор.

Со стула в углу встал огромный рыжий детина. Он сложил газету, которую читал, снял китель, размялся. Движения его были медленны и ленивы, глаза полусонны.

— Обработай этого щенка!

Ганс кивнул головой и направился к Баатру.

— Будешь говорить? — быстро спросил доктор.

— Ничего не зна... — начал Баатр.

Будто молот опустился на голову. В глазах Баатра вспыхнули огненные круги. Молот ударил под ребра, и Баатр рухнул на пол.

Ганс молотил парня кулаками, подбрасывал его, катал по полу.

От ледяной воды Баатр пришел в себя. Он кашлял, захлебываясь кровью.

— Говори, говори правду, — донеслось издалека.

Баатр полуоткрыл глаза, все вокруг вертелось и качалось. Тело содрогалось от икоты.

— Не знаю, — выдохнул он.

Ганс снова кинулся к нему.

— Не знаю, — теряя сознание, шепнул Баатр.

Очнулся он лишь на другой день. Болело все внутри, болели кости, дышать было трудно, перед глазамиплыли стены подвала, во рту было солоно от крови. Разбитые губы нельзя было разжать. Он попытался сесть, но в глазах потемнело, и сознание вновь покинуло его.

Он бредил, говорил с товарищами. Из черноты появлялись лица знакомых, кто-то говорил ему ласковые слова, проводил прохладной ладонью по его лицу. Потом все исчезало, и из тьмы возникала гигантская фигура палача Ганса.

Только к вечеру ему стало полегче. А ночью снова потащили к доктору Долю. В кабинете уже были его товарищи. Илья и Цаган сидели на полу у стены. Эрдни лежал на носилках. Баатра швырнули рядом с ним. Цаган хотела подняться на ноги, но у нее ничего не получилось, и она привалилась к плечу командира,

— Как ночевали, как провели день? — издевательски спросил Доль. — Может, нуждаетесь в помощи?

— Обойдемся и так, — хрипло проговорил Илья.

Доль прошелся по кабинету, заглянул в безучастное лицо Эрдни.

— Как хотите... Мне думалось, что вы поймете — ваша смелость и стойкость никому не нужна. Никто этого не оценит. Да и не узнает. А вам на том свете будет все равно... Страдания ваши могут прекратиться. Для этого есть два пути — или вы все расскажете, или мы вас... Догадываетесь? Но предварительно проучим.

— Догадываемся, — сказал Баатр.

— Ты, видно, самый догадливый. Начинай. — Доль сел за стол, приготовился писать. — Я сам буду вести протокол. Сохранение тайны гарантирую. Так вот, кто сжег самолеты на аэродроме? Кто бросал гранаты в казино? Связи с другими отрядами, явки в городе! Коды и шифры для связи с Центром... Скажете — все свободны.

— Зря возитесь, — сказал Илья.

— Ферфлюхтер гунд! — заорал Доль, и посыпалась русская брань вперемешку с калмыцкой.

Он стал пинать партизан сапогами.

— Собаки! Щенки вонючие! Вы будете говорить?!

Партизаны молчали.

## 41

Элиста. Морозный день. Ветра нет. Сквозь студеный воздух солнце кажется особенно красным. А по бокам его, словно часовые, возникли красные столбы. Деревья, камни, трава — в инее, белом, как сахар. Холодный воздух щиплет ноздри. Под ногами все хрустит.

Вход в гестапо украшен длинными шелковыми знаменами со свастикой. Навытяжку, не дыша стоят часовые. Если бы они не помаргивали заиндеветыми ресницами, их можно было бы принять за мертвецов, ужаленных черными пауками свастик.

По краю тротуара, заложив руки за спину, расхаживал Огдонов. Он поигрывал толстой нагайкой. На нем мерлушковая шапка, отороченная каракулем борчатка, хромовые сапоги на высоких каблуках. Ремень украшен

серебряными пластинками. Щеря желтые зубы, Огдонов удовлетворенно приговаривал:

— Кто бы слышал! Кто бы знал! Ай, как хорошо! Взяли этого косорукого черта, взяли!

Он курил дубовую, отделанную металлом трубку. Иногда нетерпеливо отворачивал рукав и смотрел на трое часов, обхвативших запястье левой руки, но время по-прежнему определял по солнцу.

Близился полдень. Огдонов топал ногами и радостно сообщал проходившим мимо знакомым:

— Тот косорукий попался! Взяли его, взяли!

Когда Лотоса привезли, Бадмы Тюджгирова на месте не оказалось. Полицаи кинулись искать его. Долго они рыскали, пока кто-то не сообщил, что его видели около дома самогонщицы.

Бадма был во дворе. Он держал под уздцы гнедого коня, а Балта, совсем юная девушка, вцепилась в гриву скакуна и, обливаясь слезами, говорила:

— Ты рос вместе с моим братом, а теперь отбираешь его коня. Брат на фронте, он воюет, а ты грабишь тут. Сначала убей меня, а потом бери гнедого. Пока жива, не отдам его!

Полицейский осторожно подошел к Бадме, подергал его за рукав и зашептал на ухо. Тюджгиров выпустил поводок, хлестнул девушку плеткой и быстро пошел со двора.

А Балта продолжала кричать:

— Ты, презренный, будь проклят, сдохни как собака!.. Настанет время расплаты!

Оглядев избитого и обессиленного Лотоса, Бадма приказал запереть его в сарай.

Когда комиссар пришел в себя, ему показалось, что настала ночь — было темно. Однако слишком уж плотная была тьма. И вдруг Лотос подумал, что ослеп. Он провел рукой по лицу — оно покрылось корой, одеревенело. Вспомнил, как Сангаджи замахнулся на него автоматом, как страшный удар обрушился на лицо. Наверное, снесло кожу и залило все кровью.

Сцепив зубы, не обращая внимания на боль, он стал счищать с лица запекающуюся кровь. Долго мучился, но глаза открыл и увидел, что лежит в холодном и пыльном сарае.

Лотос приподнялся, но потерял равновесие, упал, ударился лицом о землю, и снова наступила тьма.

Холод вернул ему сознание. Лотос осторожно встал на ноги. Покачиваясь, стал ходить по сараю, ощупал дверь и стены. Он не верил, что отсюда удастся бежать, но все же решил проверить прочность стен и запоров. Сарай сделан добротно. К тому же от потери крови при малейшем напряжении в глазах темнело, голова кружилась. Мышцы были налиты чем-то тяжелым, вязким. Все время клонило в сон. И тут впервые появилась мысль о смерти. Случилось самое страшное. Он в лапах врага. Зачем же тогда жить?.. Лучше умереть!..

Измученный болью и усталостью, он забылся в тревожном сне. Он видел бабушку, родную, старенькую и ласковую. Она подошла к нему, и ему хотелось обнять ее, сказать ей простые и хорошие слова, которые говорят лишь совсем близким людям. Он заворочался и проснулся.

В щель в стене сарая пробивался луч солнца. Он падал на лицо Лотоса, согревал и щекотал его. Комиссар улыбнулся и подставил лучу руку, и его охватила страшная тоска по жизни, ради которой стоило вынести любые муки. Нет, умирать рано. Покончить с собой — значит отступить перед врагом, значит облегчить его положение, значит лишить ряды народных мстителей еще одного бойца. Надо найти выход, вернуться в строй и воевать до конца!

Лежа на холодном полу у стены сарая, он думал. Вся жизнь его прошла перед глазами. Ярko вспомнился один случай из детства.

...Дело было зимой. Соорудив костерок, мальчик поджарил на нем дохлую курицу. Приятно пахнущее «жаркое» он вынес за хотон. Там у него был капкан. Утром он пошел проверять, не попала ли лиса? Рыжая огнем билась на земле, а при его приближении выдернула колышек и бросилась наутек. На трех ногах она быстро бежать не могла. Он сначала оторопел, а потом помчался за ней. Она путалась в цепочке, жалобно скулила, виляла по степи. Мальчик прибавил ходу: нельзя дать зверю уйти. Во-первых, жалко потерять единственный капкан. А во-вторых, добыча сулила ему несметное богатство: за шкурку он мог бы купить для бабушки три или четыре доски чая.

Казалось, лиса уже в руках. Но тут земля ушла из-под ног, сердце оторвалось и поднялось куда-то под гор-

ло. Мальчик рухнул в глубокую яму. Сначала он даже боли не почувствовал, так перепугался.

Отлежавшись, встал на ноги, ощупал себя: кости целы, а синяки не беда. Взглянул вверх: край ямы был далеко, под самым небом. Лето было бы, ничего: пальцами сделал бы ступеньки и выбрался. А что же теперь? Земля мерзлая, скользкая. Но он пытался выкарабкаться, хватаясь за бугорки. Не получилось. Сел на землю, задумался. Надо же — таким растяпой оказался. Не летел бы очертя голову, не оказался бы в этой ловушке. Для чего ее вырыли? Может, для волков? Пожалуй, нет. Скорее, ее сделали воры. Вот и сено лежит. Им прикрывают узкие ловушки для овец. Упадет она сюда и звука не издаст: корм есть. Да и то, что возле ямы не было красноватой земли — он заметил бы ее, — говорит о том, что это овечья ловушка. Землю воры унесли.

Но почему она такая глубокая? Для овец делают поменьше. Да какая разница! Все равно надо искать выход, надо выбраться отсюда! Надеяться на то, что спохватятся и станут искать, рискованно. Замерзнешь тут, пока найдут.

Он обшарил сено и мусор на дне ямы и наткнулся на железный полуметровый прут. Как же он забыл о нем — ведь прут был в его руках, когда он догонял лису!

Накопал мерзлой земли, насыпал бугорок, стал на него — до края ямы не достать. Надо сделать ступени. Долго он возился, пока закончил первую. Отдохнул, занялся второй. Он торопился — представил, как беспокоится бабушка.

Дневной свет быстро угасал. Тьма заливала степь, чернела в яме. Тайнственная тишь царила вокруг, словно он попал в необитаемый край. Изредка тишина пререзается дальним волчьим воем, неясным лаем. Узник старался не только рыть побыстрее, но и побольше шума производить. Не так боязно, да и звери станут опасаться.

Ладони болели от мозолей, ныли исцарапанные пальцы, едкий пот попадал в глаза. Однако дошел черед последней ступеньке. Охотник вылез из ямы.

...Сухая скрипучая дверь сарая распахнулась настежь. Белый свет хлынул в пыльное помещение и заполнил его, до самых глухих углов добрался.

В широком проеме остановились трое. Сначала они ничего не видели и держались настороженно. В пер-



вом Лотос узнал Сангаджи Нониева. Второй был офицер, худой и высокий. Третий — солдат с автоматом в руках.

Лотос плотно закрыл веки и прикинулся потерявшим сознание. Лежа в неловкой позе, он подумал, что где-то видел этого офицера. И память помогла: в немецкой форме был Бадма Тюджгиров.

— Не очухался еще, — сказал один из вошедших.

«Тюджгиров, его голос», — отметил про себя Лотос.

— Вы, Сангаджи, не пришибли его насмерть? — спросил тот же голос.

Кто-то склонился над пленником, ощупал его:

— Дышит.

Лотос слышал, как они вышли и закрыли сарай. Снова наступил полумрак. Комиссар поднялся, тихими шагами обошел сарай, проверил замок: а вдруг забыли запереть?

Послышались шаги, и Лотос торопливо улегся на прежнем месте, в прежней позе. Дверь открыли.

— Я тебя приведу в чувство! — кричал Сангаджи, приближаясь к Лотосу. — Ты меня не проведешь... Разгуливает тут, а потом валится как мертвый! — Сангаджи ткнул комиссара ногой: — Вставай!

Лотос понял, что один из них затаился возле сарая и следил за ним.

Притворяться потерявшим сознание и терпеть побои, когда тебя разоблачили, бесполезно.

Он медленно поднялся и, подгоняемый Сангаджи, пошел в дом.

В просторной комнате за большим столом сидел Бадма Тюджгиров. На плечах его погоны обер-лейтенанта, на рукаве — эсэсовская эмблема.

«Пристроился, предатель», — подумал Бадма и без приглашения опустился на диван.

Возле двери стоял Сангаджи, готовый выполнить любое указание Тюджгирова, но тот сделал знак рукой, и полицай удалился. Тюджгиров давно ждал этой встречи, давно хотел свести счеты с партизанским комиссаром. Наконец Лотос перед ним...

— Комиссар Адучиев, — проговорил Тюджгиров, — скажите мне... где ваш отряд?

— Обер-изменник Тюджгиров, — с издевкой произнес Лотос, — где ваша совесть?

Кровь бросилась в лицо Тюджгирову, кончики ушей вспыхнули, хоть прикуривай. Он не знал, куда деть руки, и сунул их в карманы. Взгляды партизана и немецкого прислужника скрестились. Тюджгиров не выдержал и отвернулся. Дрожащей рукой он размял папиросу, нервно закурил.

— Насколько я помню, вы, господин обер-изменник, до войны не курили? Помнится, вы боролись против курения, как против вредной привычки. Ведь вы ведали здравоохранением, не так ли?

— Хватит! — кричал Тюджгиров. — Спрашивать буду я! Ты будешь отвечать!

— Зачем так нервничать? Вы прекрасно знаете, что нервы надо беречь... И с каких это пор вы забыли о вежливости? Мы раньше были на «вы»!

— Сказал, хватит! — Тюджгиров схватился за кобурку. — Я заткну тебе глотку!

— Мужчина должен говорить с мужчиной по-мужски, — усмехнулся Лотос. — Может, и для меня найдется пистолет? Вот тогда будет разговор на равных. Тем более что нам есть о чем потолковать. А пистолет мне не страшен, угрозы заткнуть глотку меня не пугают. Твоей глотке придется плохо, когда генерал Гопри напихает в нее песок. За неумелое несение службы. И не пожалеем такого рьяного слугу, как ты. Зачем, скажет, убил партизана, не получив от него сведений. И тебя же из пистолета, а?.. Так что не петушись... Ты помнишь сказочку о летучей мыши? Если ей хотелось поладить с птицами, она называла себя птицей — летаю, мол! А когда выгодней было считаться животным, она заявляла: я зверь, я детенышей молоком выкармливаю!.. Моталась, моталась, пока не пропала, ночная жительница, боящаяся света. Тебе ее судьба ни о чем не говорит?

— Ты умеешь болтать, но с меня довольно!

Тюджгиров выбежал из-за стола, кинулся к Лотосу, замахнулся, но комиссар опередил его — раздалась звонкая пощечина.

Тюджгиров отпрянул, схватился за щеку. Он был так растерян, что слова не мог вымолвить.

— Меня на испуг не возьмешь! — сказал комиссар. — Позориться не стану! А неприятностей тебе, подлый зверь, наделаю!.. Мне умирать не страшно — совесть моя

чиста! А вот ты где потерял ее? Кормили тебя, поили, а ты змеей оказался!

Тюджгиров не ожидал ничего подобного. Он хлопал ресницами, шевелил губами, ища подходящие слова. Потом кинулся к двери, распахнул ее и крикнул, чтобы приготовили машину. Вернулся, сел за стол, потер руки, точно они озябли.

— Пока я пощажу тебя, хотя мог бы застрелить сразу, — зло произнес Тюджгиров, — в моем лице ты оскорбил офицерство германских вооруженных сил. Так что помни это, комиссар.

— Стреляй, чего же ждешь? — поднялся Лотос с дивана. — Боишься за свою шкуру! Но скоро продырявят ее мои товарищи! Нет на земле места, где мог бы ты спастись от кары! Я и мертвый тебе не дам покоя. При моем имени будешь дрожать. Помни это!

Машина едва двигалась по вязкой грязи. Колеса буксовали, зад автомобиля заносило. Шофер ругался и отчаянно крутил баранку. Лотоса посадили рядом с шофером. Между ним и дверцей — дюжий солдат с автоматом наготове. Тюджгиров устроился позади. Глаза его закрыты — то ли задремал, то ли задумался.

Машина с трудом въехала на бугор возле аэродрома. Заколотилось сердце Лотоса: он вспомнил, как покидал родную Элисту. Чуть приподнялся, чтобы лучше рассмотреть знакомые места, но солдат схватил его за ворот и заставил сесть. Лотос повернулся к Тюджгирову:

— Пес у тебя почище тебя самого!

— Никогда не видел Элисты, что ли? Чего на нее смотреть-то?

Машина въехала в город, покатила по мостовой. Шофер затормозил у здания, украшенного фашистскими флагами, и Лотос определил: «В гестапо привезли. Торжественно встречают».

В разномастной толпе затерялся Огдонов. Он стоял у стены и с завистью смотрел на Тюджгирова. Тот быстро выскочил из машины, вытянулся, лихо поприветствовал генерала Гопри и его окружение. Они ответили ему, и никто не замечал того, кто раньше всех готовился встретить схваченного партизанского комиссара, кто первым хотел поздравить представителей нового порядка с успешной карательной экспедицией.

Лотос осмотрелся. Впереди седой и самодовольный

генерал Гопри. За ним, чуть в стороне, — полковник гестапо, наверное Вольф. Тут же высокий в штатском и в очках в золотой оправе на большом горбоносом лице. Видно, посланец Берлина доктор Доль, о котором так много наслышан.

Поодаль, оцепленные солдатами, стояли женщины и мужчины. Горожан согнали посмотреть на партизана, не избежавшего немецкого плена: дескать, со всеми так будет, неуловимых партизан нет.

Между тем генерал Гопри выслушал доклад Тюджгирова и, не оглядываясь, протянул руку. Адьютант услужливо опустил в генеральскую ладонь Железный крест. Гопри вручил его Тюджгирову, поблагодарил за службу Гитлеру и пригласил в дом. Фашисты, придерживаясь субординации, потянулись за ним. Солдаты повели за ними Лотоса. Он обернулся к элистинцам, помахал им рукой.

Он не видел, как посуровели лица мужчин, как на глаза женщин навернулись слезы. В толпе узнали его и зашептались: «Это он... он — Бадма Хабанович... Похудел, изранен... А держится гордо... Не сломили его...»

Гопри расположился в кресле. Тюджгиров держался поближе к Лотосу, которого считал своей добычей. Комиссар стоял лицом к генералу и презрительно улыбался. Гопри сделал вид, что не замечает этого, и заговорил в манере, которая, по его мнению, была свойственна древним германцам, — в суровой и благородной манере мужественного воина-победителя.

— Итак, комиссар, светильник упал, и масло пролилось... Конец! Моим солдатам еще воевать, их ждут новые бои. Вы сопротивлялись смело и решительно. Я всю жизнь отдал армии, я ценю мужество даже в тех, против кого сражаюсь... Я ценю это...

Тюджгиров переводил речь генерала. Вольф кривил губы, глаза Доля щурились за стеклами очков — тираду генерала он воспринимал иронически.

Лотос слушал Гопри, а думал о своем: «Трудно будет тебе, парень. Вон какие превосходительства заинтересовались тобой. Усиленная охрана обеспечена... Что ж, если побег невозможен, то покажи им, как ты умеешь держаться даже в безвыходном положении».

Последние слова генерала возмутили Лотоса, и он заговорил:

— Я знаю, как «благородно» обращаются гитлеровцы с пленными бойцами и партизанами. Методы вашей «работы» не тайна для нас. Поэтому не расточайте попусту слов!

Лотос говорил по-калмыцки, и Тюджгиров, переводя, смягчивал то, что могло обидеть Гопри.

— Вы преувеличиваете, комиссар! Это большевистская пропаганда. Если вы узнаете наших людей, мнение ваше изменится. Ваш отряд разбили люди, достойные уважения. Я позволю себе представить их вам...

— Не трудитесь, генерал! Я знаю, кто они такие и что собой представляют... Можно даже сейчас убедиться в их храбрости...

— Вот как?

— Да, да! — Лотос сделал движение рукой, точно хотел выхватить пистолет.

Савельев вздрогнул и спрятался за спины своих «сратников».

Комиссар рассмеялся, а генерал повернулся в сторону Вольфа и негромко сказал:

— Он знает цену нашим друзьям, с ним нельзя не согласиться. Если бы этот сотрудничал с нами, толку было бы больше. Хорошо бы найти с ним общий язык. Привлечь на свою сторону такого известного здесь и храброго человека — большое дело.

«Слыхали такие речи», — подумал Вольф, а вслух сказал:

— Сомневаюсь, герр генерал, что из этого что-нибудь получится. Перед нами — комиссар...

— И не таких мы обрабатывали. Все дело в том, чтобы подобрать к нему ключ...

## 42

Разумеется, полковник Вольф был бы доволен, если бы эксперимент генерала Гопри удался. Поэтому на очередном допросе Вольф старался вести себя миролюбиво.

Лотос подошел к столу. Узкая, сдавленная с боков голова гестаповца была похожа на дыню. Розовое было внизу — лицо, а выше рыжие, коротко подстриженные волосы.

— Рассказывайте, — произнес полковник, откидываясь на спинку кресла.

Скрипнула дверь. В кабинет вошел доктор Доль. Он сел в угол дивана, положил ногу на ногу и закурил, словно говоря: беседуйте, я не буду мешать вам.

— Надеюсь, сегодня вы сообщите нам, какая задача стояла перед вами и... как вы ее выполнили?

— Задача у нас была одна — бить врага. А как она выполнялась — вам судить лучше.

По лицу полковника пошли темные пятна, но он сдержался и новый вопрос задал так, точно не слышал дерзкого ответа на первый:

— Много ли партизан в Калмыкии?

— Вся степь у нас партизанская!

— Преувеличиваете, но на то вы и комиссар... Вы знали что-нибудь о местах действия и задачах других отрядов?

— Места не знаю, а задача у нас была общая — уничтожать фашистов и их прихвостней.

— Кто посылал вас в наш тыл, кто руководил вами?

— Партия большевиков!

— Громко!.. Что, она вас посылала против вашей воли?

— Плохо вы знаете большевиков!

— Тогда непонятно, что привело вас в партизаны...

— Воля наша привела, ненависть привела!

Полковнику едва удавалось говорить сдержанно, он даже голос понизил, чтобы случайно не сорваться на крик.

— С кем вы еще поддерживали связь? Кроме вашего Центра?

— Только с вами.

— Достаточно! Я не собираюсь подменять дело шутками!.. Мне хотелось поговорить с вами спокойно и серьезно, а вы этого не оценили!.. Хватит ходить вокруг да около — так у вас говорят? Даю вам три часа на размышления. Подумайте хорошенько...

— Не представляю, о чем еще буду говорить с вами?

— Ладно! — рявкнул Вольф. — Ты все скажешь! Все, все скажешь!.. А теперь иди!

...С грохотом захлопнулась тяжелая дверь, повернулся ключ в замке.

Комиссар оглядел тесное помещение: здесь он еще не был. Голые стены. Под потолком в металлической сетке — маленькая лампочка. В углу у двери — ведро, накрытое доской.

Тишина, ни стука, ни шороха. Плотная, глухая тишина, от которой звенит в голове, будто возле уха летает комар.

Лотос прислонился к стене. Он понимал, что фашисты решили применить к нему новые пытки. Одиночество в каменном мешке. Дни и ночи без отдыха и сна. Надеются надломить его психику. Что ж, посмотрим, чья возьмет.

Стена холодила спину. Сначала это даже было приятно, а потом спина стала неметь. Ноги затекли. Сесть бы, но на полу вода. Лотос сел на доску, прикрывавшую ведро в углу, но в то же мгновение открылся глазок в двери и грубый голос приказал:

— Встать!

Комиссар стал ходить по камере из угла в угол, а полицаи за дверью выкрикивал:

— Ведро раздавишь, кто будет отвечать за казенное имущество. А на пол не ложись — простудишься, чахотку схватишь. Мне же влетит: не сберег здоровье твое!

Лотос ходил, медленно и размеренно ступая, чтобы сберечь силы, но их было немного, и он скоро устал. Однако стоило ему опуститься на доску, как за дверью раздавалось: «Встать!» Видно, охранник непрестанно следил за поведением узника.

Лотос давно потерял счет времени, не имел представления о расстоянии, которое измерил, вышагивая по сырому полу камеры. Его шатало как пьяного, глаза слипались — так хотелось лечь и заснуть.

Когда его вызвали к Вольфу, смена обстановки как бы встряхнула Лотоса. Он почувствовал себя бодрей.

— Ну, как дела?

— Не сказал бы, что хорошо.

— Все в твоих руках. Все станет лучше, если не будешь упрямяться. Многого не требую — скажи, как и через кого, какими кодами связывались с Центром?

— Не знаю...

— Забыл? Вспомнишь, все вспомнишь. Пойди погуляй по камере еще.

Снова качался оп маятником: из угла в угол, из угла в угол. Ноги отяжелели, точно к ним привязаны свинцовые болванки, голова кружилась, лампочка под потолком плясала, плясало ее отражение на мокром полу.

За дверью послышались голоса, звякнул ключ в замке, загремел запор. В камеру вошел доктор Доль.

— Набрался ума? Вспомнил, как поддерживалась связь с Центром.

— С кем?

— Собака. Ты еще спрашиваешь! — расвирепел Доль и ударил Лотоса по лицу. — Мужество показываешь? Все равно подохнешь. Но перед этим мы тебя расколем на кусочки, развеем твою гордость!

Два дня продолжалась эта пытка. Время от времени приходили немцы, задавали один и тот же вопрос — о средствах связи с Центром — и грозили всяческими карами. Особенно зверски настроен был Доль. Он говорил, что узник будет ползать перед ним и молить о пощаде, что смерть покажется ему сладкой в сравнении с тем, что еще ждет его.

Чем злей были враги, тем больше убеждался Лотос в том, что они ничего не знают: партизаны молчат. И это придавало ему силы, и он требовал от себя: все вынеси, но будь стойким и твердым, умри, но ни слова не скажи...

Усталость взяла свое — Лотос лег на мокрый пол и заснул.

Сон был тяжелый и мучительный. Снова, теперь уже во сне, он видел себя в родном селе, среди своих друзей, молодых комсомольцев. И, проснувшись, он отчетливо вспомнил все, что было связано с комсомолом: раскулачивание богатеев, развертывание культштурма, создание колхозов, организация совхозов, заготовка сена, уборка хлебов, строительство ферм — сколько больших дел доверила партия комсомолу! И все это касалось и его — Бадмы Адучиева.

А потом редактирование газеты «Улан Багчуд», резкая критическая статья в адрес одного высокопоставленного лица. После этой статьи молодого редактора вернули на низовку, но он не утихомирился. И оказался прав. Его вернули в Элисту, назначили редактором «Улан Хальмг».

Нина! Где ты сейчас, Нина? Сколько слез ты пролила, расставаясь со мною! Просила беречь себя, готова была свою кровь, всю до капли, отдать мне, чтобы поддержать меня, если ранят.

Маленькая и нежная, эти руки поднимали тебя, это лицо приникало к твоим душистым волосам. Хорошо, что ты не видишь рук моих и лица моего! И может, никогда не увидишь, если...



Дорогие воспоминания грубо оборвали — Тюджгиров и Цуглинов ввалились в камеру. Лотос, разыгрывая роль доброго хозяина, сделал широкий жест: садитесь, мол! «Гости» покосились на пол.

— У вас что, штаны деревянные? — заговорил комиссар. — Мало того что вы продали свои головы, вы еще отрываетесь от обычаев предков. Согните ноги, садитесь. Я набью трубку табаком и раскурю ее для вас, угощу чаем.

Он сел на холодный пол и с удивлением наблюдал, что и они сделали то же самое.

— Бадма, ты умный человек, — начал Тюджгиров. — Брось бесполезное сопротивление. Зачем так страдать? Это лишь начало, тебя ждут еще более страшные муки... Вот мы и пришли, чтобы...

— Я понял, зачем вы пришли. Сейчас скажете, что никто не позаботится обо мне, если сам не позабочусь. Будете убеждать, что зря упрямяюсь. Верно?

Лотос поднялся, вытянул руку к двери.

Щелкнула задвижка на глазке, в комиссара уставился черный зрачок пистолетного дула.

— Убирайтесь вон! И больше не появляйтесь!

Что-то бормоча под нос, «парламентеры» удалились. Почти тотчас же за Лотосом пришли и повели его в другую часть подземелья. В длинном коридоре встретились полицейские, которые несли избитого человека.

Лотос узнал в нем Илью.

— Что они сделали с тобой? — спросил комиссар, шагнув к другу, но сильная рука схватила его и оттянула в сторону.

Командира потащили дальше, а в глазах Лотоса продолжала стоять страшная картина: глаза Ильи закрыты, окровавленный рот впал, лицо посинело, рубашка изорвана, на груди вырезана звезда.

Лотоса втолкнули в душный подвал.

Огромный рыжий немец с закатанными рукавами стоял перед комиссаром, а чуть в сторонке — полковник Вольф и доктор Доль.

Доктор Доль сунул окурок в пепельницу, разминая ноги, прошелся, возле окна на миг задержался, просунул руку меж прутьями решетки, толкнул раму — в подвал полился свежий воздух.

Доктор подошел к Лотосу, встал перед ним.

— Будем говорить? Побеседуем без фокусов?

— Какая может быть беседа. Сказал, что ничего не знаю...

— Мы выьем из тебя то, что нам нужно!

— Бесплезное занятие, лучше сразу убейте!

— Ну нет! — доктор заулыбался. — Тебя ждет мучительная смерть, но я отдам ее. Ты будешь звать ее, а она не станет спешить. Ты, как змея, свернешься в клубок, ты будешь страдать, взывать к помощи, но все тщетно!.. Ты не сразу погибнешь, ты будешь чахнуть, измочаленный, опустошенный! Ты тлеть будешь, медленно и долго тлеть!.. Ты долго будешь умирать, большевистская тварь!.. Ганс, займись им!

Палач швырнул комиссара на скользкую от крови скамью, закрепил руки и ноги так, что едва кожа не лопалась. От запаха крови и нечистот Лотосу стало нехорошо, и он сцепил зубы.

— Так побеседуем? — спросил доктор. — Нет?

...Лотосу чудилось, что в ясный солнечный день, распластав руки и запрокинув лицо, он лежит на воде. Волны осторожно покачивают его и несут мимо зеленых берегов... А потом он отдыхает на свежескошенной траве, ее аромат щекочет ноздри. А потом появляется волк, серый, клыкастый, с горящими злобой глазами, по длинному языку его струится кровь... Становится страшно, хочется крикнуть, позвать на помощь. Но голоса нет! Что-то тяжелое прижимает к земле, не дает пошевелиться... А потом все исчезает...

— Жив еще? Так и должно быть... Лежи до следующей встречи...

## 43

Последний месяц осени. Утро. Свежее и тихое утро раскололи залпы пушек и минометов. Вздрыбилась земля, пыль и дым смешались с туманом, поднялись, казалось, до облаков. Стало сумрачно.

Это Юго-Западный фронт произносил вступительную речь перед решительным разговором с гитлеровцами.

Поддержанная танками и артиллерией, пехота пошла вперед сразу в двух направлениях: на Серафимович и Клетскую. Фашисты не могли сопротивляться этому натиску и обратились в бегство, оставив обжитую линию обороны.

В тот же день Донской фронт двинулся в сторону Вертячьего.

На правом фланге наших войск фронт противника был прорван, наступающие, ведя ожесточенные бои, теснили противника все дальше на запад.

Но главное было впереди. Следующий день должен был начаться наступлением войск Сталинградского фронта. Пехота затаилась в своих укрытиях, полная нетерпеливого желания обрушиться на головы фашистов, артиллеристы заняли места у орудий, держали наготове снаряды и мины. В тылах рокотали моторы.

Густой туман задерживал атаку. Он был так плотен, что за двести метров ничего не было видно. Артподготовку отложили на час, затем еще на один.

Когда стало развидняться, запели «катюши». Огненные полосы потянулись к вражескому расположению, словно указывая путь снарядам и минам, которые летели вслед.

Наступление развивалось стремительно, потери врага были огромны. Пленные, тощие, перемерзшие, группами шли в наш тыл даже без конвоя.

Отходя, немцы оставляли трупы, танки, пушки, автомашины, разбитые и исправные, с полными бензобаками и боекомплектами.

Гневом и печалью наполнялись сердца бойцов, входивших в освобожденные населенные пункты. Женщины, старики, дети выбирались из подвалов и землянок, плакали от радости.

Юго-Западный и Сталинградский фронты шли навстречу друг другу к Калачу. Фашисты любой ценой хотели воспрепятствовать соединению этих сил, оттянули сюда две танковые дивизии с Волги.

Однако порыв наступающих был силен, и фронты встретились, возвестив об этом событии огнем зеленых ракет. Более ста километров трудного боевого пути были позади. Вознаграждены были ратные подвиги, дни и ночи, проведенные без отдыха и сна, потери и лишения.

...Дороги плохи. Снег и слякоть, небольшие речки, покрытые тонким льдом, — все это мешало наступлению, требовало от людей невероятных усилий.

Две армии врага оказались в кольце. Но достигнутое было еще половиной дела. Предстояло разгромить и уничтожить двадцать две дивизии, оснащенные разнообраз-

ной техникой. Оставить окруженных в своем тылу — значит создать трудности для дальнейшего наступления.

Враг отчаянно огрызался. А наши войска продолжали идти вперед, за три дня вклинились в оборону врага на шестьдесят — семьдесят километров, освободили Калачна-Дону, станции Советское и Абагнерово. На противоположном берегу Дона были перерезаны две железнодорожные линии, по которым снабжались фашистские армии.

Это было началом конца окруженных гитлеровских войск. Шесть пехотных дивизий и одна танковая прекратили свое существование. Еще семь пехотных, две танковые и две моторизованные едва унесли ноги. На поле боя остались трупы четырнадцати тысяч солдат и офицеров, двенадцать тысяч человек сдались в плен.

Сталинградский фронт, переименованный в Южный, должен был овладеть городами Батайск, Ростов, Новочеркасск. Одновременно войска фронта пересекали путь к выходу двух немецких армий, засевших на Кавказе.

Между Волгой и Доном шли ожесточенные бои. Фашисты знали, чем угрожает им развивавшееся наступление, и пытались сорвать его. В огненную карусель включались все новые и новые силы, схватка шла не на жизнь, а на смерть.

Погода капризничала. То мороз, то оттепель, то дождь со снегом.

Изменилась обстановка и на фронте двадцать восьмой армии, сдерживавшей противника в степях Калмыкии и прикрывавшей Астрахань. Армия готовилась к наступлению.

Командир полка Убуш Харадаев вызвал к себе комбаттов, познакомил их с приказом, полученным из штаба дивизии, поставил каждому задачу.

Степь еще спала, тихая и таинственная, а командующий армией генерал-лейтенант Герасименко уже привел в движение сложный и могучий механизм войск, заждавшихся большого наступления.

Едва поднялось солнце, как заговорила артиллерия, и на траншеи гитлеровцев обрушился шквал. Огневой вал перекатывался в глубину. В небо устремилась красная ракета, и пехота с танками нанесла первый мощный удар.

Гвардейцы дивизии генерала Губаревича вплотную подошли к переднему краю врага. Траншеи молчали,

словно артиллерия погубила в них все живое. Но это была хитрость. Когда оставалось сделать последний бросок, с захлестом ударили пулеметы. Цепь, в которой шел Анжиг, была отрезана от танков и залегла.

— Будем лежать тут, перебьют они нас. Один выход — идти вперед! — крикнул Хара.

Пули не давали поднять голову, но Хара был прав. Перелом можно было создать решительными и смелыми действиями.

Анжиг развернул и расстелил на земле алое полотно.

— Встанем оба сразу, — взволнованно проговорил Хара.

Тем временем один из наших танков раздавил пулемет, стоявший прямо перед цепью.

А в это время во весь рост поднялся комбат Нестеренко.

Друзья, а за ними и весь батальон ринулись навстречу огню.

— Ура-а-а! — несло со всех сторон. Степной ветер подхватил этот призыв и на гребнях своих ковыльных волн понес дальше и быстрее.

Анжиг достиг первой траншеи, швырнул в нее гранату, перепрыгнул через немца, поднявшего вверх руки, и побежал дальше.

Впереди была небольшая высотка, застланная дымом и пылью. Чуть правее возле пушки суежилась фашистская прислуга. Анжиг видел, как группа наших бойцов во главе с Нестеренко атаковала артиллеристов, и еще смелей устремился к высотке.

Скоро на изрытой вершине затрепетало жаркое пламя знамени.

Бойцы проносились мимо него, а комбат Нестеренко на секунду задержался возле Анжига, обнял его и приказал:

— Быть со знаменем тут, на виду у всех! Ты отвечаешь за знамя!

Анжиг, придерживая древко одной рукой, второй махал пробегавшим бойцам и спрашивал каждого:

— Где Хара? Кто видел Хару?

Никто этого сказать не мог. Позднее от командира полка, менявшего наблюдательный пункт, Анжиг узнал, что друг его ранен и отправлен в санчасть.

К полудню Хулхута, основательно укрепленная гитлеровцами, была занята. Впереди лежала Утта, открывавшая дорогу на Элисту.

...Полк остановился в шести километрах от Утты. Майор приказал закрепиться: контратаки врага участились, по всему видно, что фашисты согнали сюда много сил. Надо было привести подразделения в порядок, чтобы утром двинуться в атаку и сбить сопротивляющихся с подготовленных позиций.

Перед рассветом небо заволокло тучами, черными и грозными. Они сгустились, низко нависали над землей.

И вдруг началась метель. Снег, смешанный с пылью и песком, несло по степи, бросало в лицо. Истошный вой ветра действовал на нервы.

Песок скрипел на зубах, забивался в складки одежды, засыпал оружие. Бойцы снимали гимнастерки и закрывали ими затворы винтовок и пулеметов, замки пушек, чтобы их не забило песком.

Майора Харадаева вызвал командир дивизии. На столе перед ним расстелена карта. Генерал сразу приступил к делу:

— Утту надо взять как можно быстрее. Вам будет придан танковый полк. Воспользуйтесь пургой, внезапно ударьте по Утте и ворвитесь в нее! Артиллерия должна остаться на месте, чтобы отвлекать врага и вводить его в заблуждение. Пусть она бьет по площадям, пусть показывает, что мы намерены атаковать на прежнем направлении. Ясна задача?

— Ясна, разрешите выполнять?

Комдив пожал руку майору:

— Желаю удачи!

...Танки сделали большой крюк. Стрелковый полк двинулся иным путем, в условленной точке он должен был соединиться с танкистами.

Оставаясь на прежних позициях, артиллерия вела огонь с неослабевающей интенсивностью — у фашистского командования должно было создаться впечатление, что противник не меняет своих планов.

Метель не ослабевала. Было холодно и темно. Фашисты, выставив усиленные посты, отсиживались в домах и блиндажах. Осветительные ракеты непрерывно взлетали вверх, но мглу никакими средствами нельзя было рассеять.

Танки и пехота вцепились в окраину Утты. Когда фашисты опомнились, было уже поздно. Рев машин, взрывы танковых снарядов, треск автоматов — все смешалось, наводя на гитлеровцев ужас. Гарнизон был деморализован и разгромлен.

Командир полка, холеный толстощекий полковник, сдался в плен без сопротивления. В одних кальсонах и натальной рубашке, он дрожал больше от страха, чем от холода: в доме было жарко натоплено.

— Майн гот! Майн гот!.. Где мой полк? Где мои соседи, танки и артиллерия?! — бормотал он.

— Пока ничего сказать не могу — трофеи еще не подсчитаны, — насмешливо сказал Убуш Харадаев. — За нами ничего не пропадет, все сдадим трофейщикам!

— И меня? — рассеянно спросил полковник, вставая.

— И вас, — ответил Харадаев.

#### 44

Всюду цветы. На домах и в руках прохожих. Они переливаются в лучах солнца, ярко-красные и свежие. На улицах шум, смех, песни. Откуда столько цветов? Море тюльпанов, даже лотосы видны. Доктор Доль озадачен. Может, Паулюс взял Сталинград и все в Элисте торжествуют? Может, празднуется новая победа германского оружия? Почему же он, доктор, ничего не знал? Почему от него, представителя Берлина, все скрыли? Сюрприз приготовили? Не сдерживая улыбки, он выходит к веселящимся людям. Стоя на крыльце, доктор Доль оглядывает праздничную улицу. Но отчего нет на ней ни одного немца, ни одного человека, кто сотрудничает с новыми властями? Куда они девались?

Из-за угла выкатилась открытая машина. Ага, едут. Он шагнул к дороге. В машине тесно сидят Гопри, Вольф и Фишбрандт. С ними узлы и ящики, на коленях чемоданы. Автомобиль на большой скорости пронесется мимо.

«Бегут!» — пронеслось в голове. Словно током ударило его.

Хорошего настроения как не бывало. Удивление сменилось страхом.

— А меня?.. Меня возьмите! Не оставляйте меня!.. Куда же вы?.. Остановитесь! — кричит доктор и бежит за машиной.

Пассажиры даже не оглянулись.

Доктор хотел выстрелами пробить шины, но пистолета с ним не оказалось. Доль бежал за автомобилем, теряя последние силы. Что-то попало под ноги, он споткнулся и растянулся на земле. Фуражка покатилась в сторону. Доктор вскочил и, прихрамывая, двинулся дальше. «Черт с ней, с фуражкой, надо машину догнать!» Он переставлял ноги, но оставался на месте, возле дома, в котором жил.

Строение загрохотало от взрыва, и доктор проснулся.

Страх, пережитый во сне, был настолько силен, что Доль, еще не придя в себя, пошарил рукой под подушкой. Где же пистолет? Он слез с кровати, в темноте ощупью добрался до выключателя, метнулся снова к кровати, откинул подушку — пистолет лежал на месте. Доктор снял предохранитель, нацелился на дверь. Никто в комнату не ломился, но какой-то жуткий грохот бил по ушам. «Опять поднялся ветер и хлопает ставнями», — понял доктор. Он вспомнил сон и снова пережил недавний страх.

Лег в постель, но уже не спалось. Дурные мысли лезли в голову. Он успокаивал себя, говорил, что с ума можно сойти, если не сдерживать нервы. Но дела на фронтах были действительно плохи, и то, что пока только приснилось, может начаться наяву. Тогда каждый станет спасать свою шкуру.

Судьба Элисты зависит целиком от положения на фронте. А шестая армия, надежда рейха, окружена и кормит вшей. В калмыцких степях попала в переплет и шестнадцатая мотодивизия. Впрочем, какая это теперь дивизия, если она полностью потеряла два отборных полка. Изрядно потрепаны и другие ее части. Генерал Гопри резко сдал и похож на беззубого пса, которому не разгрызть лакомой кости.

Заняты Хулхута, Утта, Яшкуль, на очереди село Улан-Эрге. А потом и до Элисты доберутся большевистские армии. От этой мысли прошибает пот, и лучше бы об этом не думать, но сон не забывался, особенно праздничная толпа с тюльпанами и лотосами.

Доктор быстро оделся, позвонил Вольфу:

— Полковник, приближаются тревожные времена. Сегодня-завтра нас могут вышибить отсюда. Надо взяться за партизан и разделаться с ними. Если не возражаете, устроим им еще один допрос.



— Сегодня. Откладывать нельзя. Сейчас распоряжусь, — с готовностью ответил Вольф.

...В кабинет гестаповцы доставили всех партизан. Некоторых придерживали прикладами, некоторых волокли. Узники оглядывали друг друга, бессильные помочь чем-либо, кроме дружеского кивка, негромкого сердечного слова.

— Мы больше не можем играть с вами в молчанку, у нас есть дела поважней. Спектакль заканчивается. Если имеете что сообщить нам, если хотите что-либо передать родным и близким, говорите. После этого каждый получит свое. — Доктор вытащил из кобуры пистолет, несколько раз подбросил его на ладони. — Кто начнет? Ну, быстрее!

Партизаны молчали.

— Вы? Или вы? — спросил Вольф, обращаясь к командиру и комиссару.

— Могу и я начать, — произнес комиссар.

У доктора снова вспыхнула надежда, что на этот раз партизаны заговорят. Он улыбнулся даже:

— Между прочим, как вы стали Лотосом?

— Дайте стул, прежде всего. История длинная, рассказывать и слушать ее стоя — дело малоприятное. Да и товарищей моих усадите, — потребовал комиссар.

— Располагайтесь, тем более что сидеть вам не так уж долго, — сказал Доль.

Партизаны опустили на стулья. У всех узников в глазах был вопрос: что надумал комиссар?

Лотос сел поудобней и начал:

— У калмыков нет более священного и любимого цветка, чем лотос. Издавна калмыцкий народ жил в нужде и неволе. В зимнюю стужу он страдал от холода, в знойное лето, палимый солнцем, загорал дочерна...

Давным-давно жил один мудрый старец, с чуткими ушами, с острым языком. Как-то сказал он: на краю света растет прекрасный цветок, доберитесь до него, принесите его семена, посейте их всюду, и радость и счастье сами придут к вам. «Раз так, нечего времени терять», — решили калмыки. Посоветовались, выбрали самых достойных мужчин, оседлали для них аранзалов быстроногих, вручили им копыта стальные...

— Вы собираетесь пересказать нам «Джангар», все его двенадцать глав? Вы сегодня не закончите эту историю.

— Я правду вам скажу... Посланцы добрались до мест, где растет тот чудесный цветок. Нашли они умного и знающего человека, расспросили о том, как готовить землю для лотоса, как сеять и растить его, как сберечь от птиц и насекомых. Садовник, охранявший лотосы, выслушал послов калмыцкого народа и подарил им семена. Растолковал, что сделать, чтобы цветок прижился и не погиб в новых краях.

Вернулись мужчины, засеяли степь. И до сих пор растут у нас знаменитые калмыцкие тюльпаны... И имя того садовника — Ленин!

— Прекратить! — в бешенстве заорал Доль.

— Как хотите. Значит, разговор не получится. Я не могу исказить историю.

— Молчать! — требовал Доль, приближаясь.

— Хочу сказать несколько слов своим братьям, — не унимался Лотос. — Последнее слово к друзьям...

— Пусть говорит, — разрешил полковник.

Огдонов и Тюджгиров, присутствовавшие на допросе, опасно переглянулись.

Лотос повернулся к партизанам:

— Больше они ни слова от нас не услышат, верно, друзья?

Доль бросился к Лотосу, вцепился в него, занес свободную руку для удара, но комиссар опередил его — доктор упал на колени Огдонова.

Вольф прицелился в комиссара.

— Не стреляйте! — прохрипел Доль и приказал: — Ганс, начинай!

Палач вывернул руку комиссара, прижал к полу и стал вбивать в нее гвоздь.

Страшная боль обожгла руку, рванула плечо, разлилась по телу. Лотос приподнял голову, но кованый сапог опустился на нее, из носа и рта комиссара хлынула кровь, и он потерял сознание.

Очнулся он на полу камеры. Вокруг были товарищи. Чаган дала ему воды. Илья склонился к Лотосу, поцеловал его в лоб:

— Спасибо, комиссар.

— Всем вам спасибо, — тихо произнес комиссар.

— Сегодня с нами могут покончить, — сказал командир. — Соберемся с силами. Встретим смерть мужественно.

но. Благодарю всех вас за стойкость и верность нашему долгу...

Молчание воцарилось в камере, но было оно непродолжительным. Загромыхала обитая железом дверь, ворвались эсэсовцы и стали выгонять партизан в коридор. Цаган и Баатр подняли комиссара.

Узников втолкнули в черные крытые машины.

Партизан привезли в глубокую лощину, выстроили у края свежевыкопанной ямы. Поддерживая друг друга, они вдыхали морозный воздух зимнего утра. Лица их порозовели...

Над ними раскинулось родное небо. Оно было мрачным, ветер гнал по нему черные тучи, которые волокли за собой длинные хвосты. Над балками и оврагами, над древними курганами проносились темные тени. Мела поземка.

Ноги партизан занемели на морозе. Но они, подняв головы, подставляли лица ветру, глядели в родную степь.

И вдруг заметно дрогнула земля, послышался далекий гул, в котором все узнали говор орудий. Этот звук становился все слышней, он дрожал в воздухе, отдавался в холодной земле, эхом катился по небу.

— Это наши! Слышите, это наши! — взволнованно сказал Лотос и запел «Интернационал». Его дружно поддерживали.

Песня росла над степью и сливалась с орудийным гулом, вбирала его в себя и отдавала ему свою силу.

— Молчать! Прекратить! — закричал Доль.

Партизаны продолжали петь.

Залаяли автоматы. Один за другим падали партизаны, а комиссар все стоял.

— Мы победим! Мы победим! — крикнул Лотос.

Разъяренный Доль подбежал к нему, в упор выстрелил из пистолета. Комиссар покачнулся, шагнул вперед и рухнул на землю...

Фашистам казалось, что орудия бьют совсем близко, что огонь батарей вот-вот накатится на них. Едва забросав могилу землей, гитлеровцы влезли в машины и помчались к Элисте.

А ветер гудел над степью, и в его низком голосе звучали последние слова комиссара:

— Мы победим!

Не выдержав совместного удара гвардейцев генерала Губаревича и танкистов полковника Кричмана, фашисты едва унесли ноги из Элисты.

Элиста снова стала свободной!

Под лучами зимнего солнца полыхают алые флаги. И каждому жителю освобожденного города кажется, что это кровь тех, кто погиб, возвращая в город красные знамена.

В ложине у свежей могилы стоят майор Убуш Харадаев, капитан Григорий Нестеренко и сержант Анжиг Шонхоров. Они склонили головы. Ветер треплет их обнаженные волосы, на глазах мужчин слезы.

Кто сказал, что солдаты не плачут? Это неправда. Солдаты плачут. От радости и горя. Но кто упрекнет их — слезы настоящего солдата не расслабляют, а прибавляют решимости, зовут завершить дело, ради которого отдали жизни боевые друзья.

— Пора, — сказал Убуш и поднял вверх пистолет.

Троекратный салют громынул над степью, и она отозвалась печальным и торжественным эхом.

— Мы отомстим за вас, — сказал майор.

— Отомстим, — повторил капитан.

— Отомстим, — повторил сержант.

Обойдя могилу, они вышли на большак и зашагали по нему — этим путем шла на запад Советская Армия, освободившая Элисту.

Впереди длинная и трудная дорога.

Курс — на Берлин!

---

**Бембеев Т. О.**  
Б45 Лотос. Роман. (Перевод с калмыцкого). М.,  
Воениздат, 1969 г.  
212 стр., 30 000 экз., 47 к.

Роман повествует о борьбе советского народа и Советской Армии с немецко-фашистскими захватчиками, о действиях партизан в степях Калмыкии в годы Великой Отечественной войны.

Главные герои романа — Бадма Адучиев, комиссар партизанского отряда; командир этого отряда Илья; офицеры Григорий Нестеренко и Убуш Харадаев; чабан Анжиг; партизанка Цаган — смелые люди настоящие патриоты, не покорившиеся фашистским захватчикам.

*Тимофей Огельданович Бембеев*

ЛОТОС

●

Редактор *Т. Хорькова*  
Художник *Г. Сотсков*  
Художественный редактор *Г. Гречиго*  
Технический редактор *Г. Соколова*  
Корректор *О. Алексеева*

●

Г-57521  
Сдано в набор 6.8.68.  
Подписано к печати 11.12.68.  
Формат бумаги  $84 \times 108^{1/8}$  п<sub>8</sub>. 65/8 печ. л. (11,13 усл.  
печ. л.) Уч.-изд. л. 11,196  
Бумага типографская № 2. Тираж 30 000 экз.  
Изд. № 4/1554. Заказ 381  
Цена 47 коп.

●

Ордена Трудового Красного Знамени  
Военное издательство  
Министерства обороны СССР  
Москва, К-160  
1-я типография Воениздата  
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, 3



Цена 47 коп.

